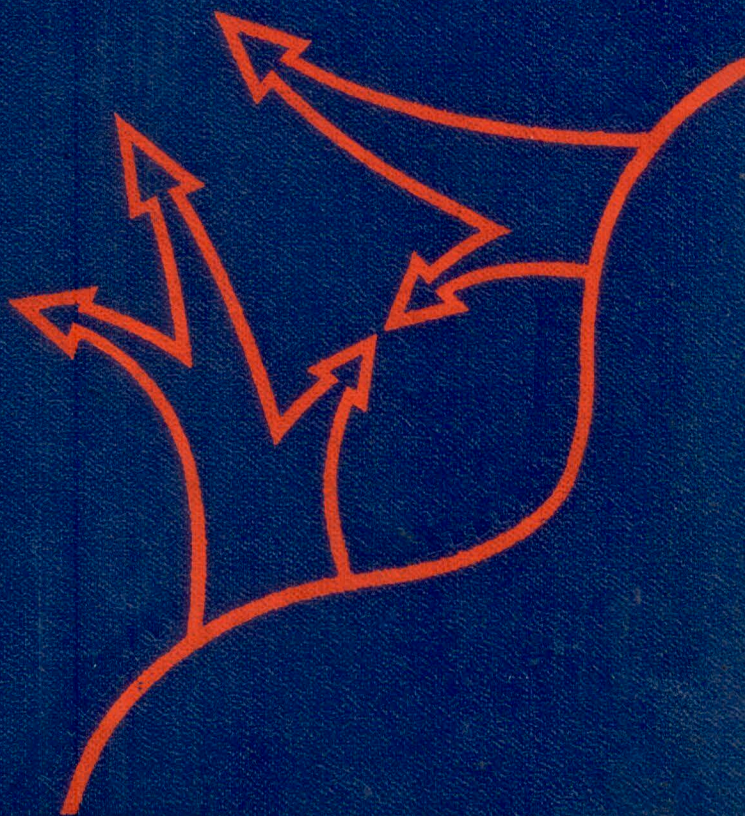

А. И. РАДЗИЕВСКИЙ

ПРОРЫВ

А. И. РАДЗИЕВСКИЙ,
Герой Советского Союза,
генерал армии, профессор

ПРОРЫВ

(По опыту Великой
Отечественной войны
1941—1945 гг.)

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1979

ББК 63.3(2)722

P15

УДК 355.422

Радзиевский А. И.

P15 Прорыв: (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). — М.: Воениздат, 1979,— 191 с., 16 л. схем.

В пер.: 1 р. 50 к.

В труде исследуется развитие форм и способов прорыва в Великой Отечественной войне, приводятся и анализируются обобщенные цифровые данные о боевом составе ударных группировок, участках прорыва, плотностях сил и средств, темпах прорыва и его развития в глубину. Показывается искусство управления войсками в оперативном и тактическом звеньях, сформулированы важнейшие принципы прорыва, сложившиеся в ходе войны.

Труд рассчитан на офицеров и генералов Советской Армии, слушателей высших военно-учебных заведений, а также на широкий круг читателей, интересующихся военной историей.

P 11202-070 76-79
068(02)-79

ББК 63.3(2)722
9(с)27

© Воениздат, 1979

ВВЕДЕНИЕ

Прорыв как способ наступательных действий, направленный на разрушение фронта подготовленной в инженерном отношении и занятой войсками обороны противника путем создания в нем бреши (брешей) для последующего маневра в глубину или в стороны флангов, стал применяться в войнах эпохи империализма в связи с образованием сплошных позиционных фронтов.

Отсутствие открытых флангов у противника и невозможность осуществить его обход (охват) вынуждали наступающие войска искать решения задачи прямым фронтальным ударом.

Впервые необходимость прорыва обороны появилась в русско-японскую войну 1904—1905 гг., но вследствие новизны проблемы и больших потерь при фронтальном наступлении осуществить прорыв в этой войне не удалось ни одной из сторон.

Буржуазная военно-теоретическая мысль, кроме осознания трудностей прорыва, не смогла увидеть его закономерностей, путей и средств осуществления. Из анализа огромной поражающей мощи скорострельного оружия военные теоретики перед первой мировой войной делали вывод, что фронтальное наступление невозможно. В силу этого стратегические планы войны противоборствующих сторон были построены на совершении обходных маневров. Но уже сражения в начале первой мировой войны показали, что скорость продвижения обходящих войск не превышает темпов наращивания фронта обороны противостоящей стороной за счет ввода в сражение все новых и новых соединений и объединений. Когда фланги все расширяющегося фронта вооруженной борьбы уперлись в непреодолимые для сухопутных сил естественные преграды — моря, горные массивы, а также в нейтральные страны, крах стратегических планов войны стал очевидным.

Перед военным искусством армий всех стран встала проблема прорыва стратегического фронта. Не осуществив прорыва, уже невозможно было провести наступательные операции, овладеть важными стратегическими, промышленными и административными центрами, без чего нельзя было выиграть войну, добиться тех целей, ради которых она развязывалась.

Все воюющие армии оказались неподготовленными к осуществлению прорыва — ни теоретически, ни технически, ни материально.

Поиски решения проблемы прорыва подготовленной обороны велись в ходе всей первой мировой войны путем нанесения ударов на отдельном узком (12—15 км) участке, на сплошном широком (40—80 км) фронте, одновременно на нескольких участках; от кампании к кампании возрастали плотности артиллерии (до 180 орудий на 1 км участка прорыва), степень огневого поражения, глубина и насыщенность живой силой и огневыми средствами боевых порядков. И все же наступающим группировкам не удавалось прорвать оборону на такую глубину, чтобы они могли перейти к маневренным действиям. Причина крылась прежде всего в медленных темпах продвижения. Стремясь прорвать оборону, наступающие войска проводили одну атаку за другой, как бы откалывая от ее прочной основы один кусок за другим. Но обороняющийся противник переброской резервов к опасному пункту наращивал глубину и прочность обороны быстрее, чем наступающий «прогрызал» ее. И операции обычно затухали.

С появлением танков возникли реальные предпосылки для быстрого прорыва позиционной обороны. Но буржуазное военное искусство не нашло путей их реализации. К концу войны была в основном решена лишь задача прорыва тактической обороны противника путем массированного применения артиллерии, танков, пехоты и авиации на избранных участках. Проблема же развития тактического прорыва в оперативный осталась нерешенной.

В годы гражданской войны в СССР, когда были созданы конные армии, советским войскам удалось в ряде операций не только прорвать тактическую оборону, но и развить удар на большую глубину, что являлось решающим условием сокрушительного разгрома врага и освобождения обширных районов Советской республики.

Обобщение опыта первой мировой и гражданской войн, верное определение боевых возможностей новых средств вооруженной борьбы позволили советскому военному искусству создать теорию глубокой наступательной операции. Сущность ее состояла в прорыве неприятельской обороны на всю тактическую глубину, нарушении и разгроме фронта противника на таком участке, который бы исключал возможность воздействия противника по нашим войскам в полосе прорыва действительным артиллерийским огнем с соседних участков. Вводом в сражение эшелона развития успеха (ЭРП), в который выделялись механизированные, а также авиадесантные войска, предусматривалось быстрое проникновение наступательных группировок в оперативную глубину, разгром подходящих резервов, пунктов управления, баз снабжения и лишение противника возможности создания обороны на новом рубеже.

Тесное взаимодействие войск, наступающих с фронта, с эшелоном развития успеха и авиацией должно было привести к за-

вершению разгрома главных сил противника в полосе армии или фронта и развитию наступления на запланированную глубину.

Первый оперативный эшелон, в который включались усиленные стрелковые корпуса, в первый день наступления должен был продвинуться на глубину до 20 км. Эшелон развития успеха, войдя в прорыв в районе основных артиллерийских позиций противника или за главной полосой обороны, обязан был прорвать с ходу вторую полосу обороны и, разгромив выдвигаемые противником резервы, овладеть районами и рубежами в оперативной глубине, обеспечивающими быстрое достижение цели операции.

При прорыве поспешно созданной обороны удар рекомендовалось наносить в слабый или не занятый войсками участок с последующим развитием достигнутого успеха в глубину и в сторону флангов.

Прорыв предусматривалось осуществлять с подхода войск к обороне противника или из непосредственного соприкосновения с ним.

Великая Отечественная война показала, что наши предвоенные взгляды на прорыв в основе своей были правильными. Однако в ходе войны способы подготовки и осуществления прорыва получили существенное развитие, что определялось изменениями условий ведения вооруженной борьбы, возможностей наших войск, характера обороны противника и других факторов. Исследованию этого процесса и посвящается настоящий труд.

Исследование в нем проведено по периодам войны, а в каждом периоде по кампаниям, в которых общие условия обстановки для большинства операций были примерно одинаковыми. В кампаниях исследовался прорыв обороны противника не во всех наступательных операциях, а только в тех, в которых проявились характерные черты его подготовки и ведения, позволяющие проследить пути практического решения проблем прорыва в конкретной обстановке и общие тенденции развития его теории и практики.

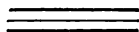
Труд разработан на основе изучения материалов Центрального архива Министерства обороны, военно-исторических работ, военных мемуаров и воспоминаний участников войны, опубликованных в периодической печати. При анализе прорыва в операциях, в которых довелось участвовать автору, использован и личный боевой опыт.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в речи на XVI съезде профессиональных союзов СССР говорил: «Мы воспринимаем прошлое как богатейший резервуар опыта, как материал для раздумий, для критического анализа собственных решений и действий. Мы черпаем из прошлого вдохновение для нынешних и грядущих дел»¹. Это положение полностью относится и к военно-историческому опыту.

¹ «Правда», 1977, 22 марта.

Обобщение богатого боевого опыта Советской Армии по вопросам прорыва обороны противника в годы Великой Отечественной войны и освоение его нашими командными кадрами будет способствовать более успешному решению стоящих перед ними задач в современных условиях.

Автор выражает глубокую признательность генерал-майору Панову Б. В., полковнику Сидоренко А. А., полковнику Наумову Н. Ф. за помощь, оказанную при работе над этим трудом.

ПРОРЫВ В ОПЕРАЦИЯХ ПЕРВОГО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. ОПЫТ ПРОРЫВА В ОПЕРАЦИЯХ ЛЕТНЕ-ОСЕННЕЙ КАМПАНИИ 1941 г.

Первый опыт прорыва в Великой Отечественной войне советские войска приобрели в наступлении на Западном направлении в июле 1941 г. Оно проводилось в очень сложной обстановке. В результате вероломного нападения фашистской Германии на СССР наши войска в приграничных сражениях понесли большие потери. Их боевые возможности снизились, и они вынуждены были вести тяжелые оборонительные сражения. Необходимость быстрого развертывания новых соединений и объединений при недостатке командного состава и средств управления привела к изменению организации войск. Были упразднены механизированные и стрелковые корпуса, боевой состав общевойсковых армий уменьшился в два-три раза.

Для осуществления наступления на Западном направлении Ставка образовала четыре армейские группы по две — четыре дивизии в каждой и предложила нанести ими удары по сходящимся к Смоленску направлениям (схема 1). Каждая армейская группа должна была наступать в полосе 30—50 км на глубину до 100 км с исходных районов, удаленных друг от друга на 12—30 км, а группа генерала В. Я. Качалова — на 150 км.

Командование Западного направления в предложенном Ставкой замысле отметило существенный недостаток: «Слабая сторона данной операции заключается в том, что группы изолированы на большом удалении одна от другой и при малочисленности каждой в отдельности могут быть порознь подвергнуты окружению»¹. Однако этот недостаток из-за поспешности перехода войск в наступление не был исправлен.

Распыление усилий фронта было усугублено решениями командующих армиями, которые стремились при малочисленности групп осуществить наступление на нескольких направлениях и, как правило, с подхода. В группе генерала В. А. Хоменко, например, каждой дивизии определялась полоса наступления шириной около 10 км. Единый участок прорыва не назначался. В полосе

¹ ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 20, л. 353.

действий войск генералов С. А. Калинина и К. К. Рокоссовского (шириной 50 км) образовались три ударные группы силой одна-две дивизии каждая, удаленные друг от друга на 12—15 км¹.

Более компактно наступали войска под командованием генерала В. Я. Качалова — все три дивизии флангами примыкали одна к другой.

Планирование наступления армейских групп на нескольких направлениях при малочисленности артиллерии привело к тому, что на 1 км фронта наступления приходилось в среднем не более четырех — шести орудий и минометов. Западный фронт имел крайне мало и авиации — 186 бомбардировщиков и 102 истребителя, из них только 39 новых типов; 60 процентов самолетов находились в подчинении 20, 21 и 22-й армий. Наступление армейских групп могло поддерживать максимум 118 бомбардировщиков и 48 истребителей. Распыление усилий авиации произошло еще и потому, что ее удары планировались по многочисленным объектам противника, выбираемым, как правило, в глубине его оперативного расположения. Такое количество огневых средств не обеспечивало не только взлома обороны на всю тактическую глубину (1—4 км), но и подавления системы огня на переднем крае.

По решению командования Западного направления группы должны были перейти в наступление 23 июля, совершив форсированный марш на 70—180 км. Для дивизий, только что развернутых, такая задача была непосильной. Различное удаление дивизий от линии фронта, попытки перейти в наступление с подхода привели к разновременному вступлению их в бой, что еще более ослабило силу удара. Так, в группе генерала Калинина 91-я стрелковая дивизия перешла в наступление утром 25 июля, а 89-я — в середине дня². В силу всех этих причин ни на одном направлении не удалось создать глубокую брешь в обороне противника, армейские и фронтовые операции не получили своего развития.

Второе наступление под Смоленском было предпринято в середине августа. В процессе его подготовки и в ходе осуществления многие недостатки первого наступления были устранены. На базе армейских групп создали армии в составе пять-шесть дивизий каждая. Направления действий 19-й и 30-й армий были сближены, что позволило более отчетливо выразить направление главного удара фронта.

В армиях определили участки прорыва: в 30-й — 10 км, в 19-й — 12, в 16-й — 5 км³. Это дало возможность сузить полосы наступления дивизий до 1,3—3 км. В 30-й армии из 107-й танковой и 45-й кавалерийской дивизий был создан второй эшелон, что в какой-то мере выражало намерение осуществить наступление

¹ ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 746, л. 1.

² См.: Калинин С. А. Размышления о минувшем. М., Воениздат, 1963, с. 139—140.

³ ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 46, л. 36.

на основе положений теории глубокой операции. Плотности артиллерии возросли до 20 орудий на 1 км. Улучшились массирование авиации и организация взаимодействия.

Но и противник, опасаясь за свой стратегический центр, усилил войска в районе Смоленска, укрепил оборону, значительное количество танков зарыл в землю. Поэтому ударные группировки, созданные из дивизий, почти непрерывно наступавших с 25 июля по 14 августа, по соотношению сил и средств не смогли добиться даже минимально необходимого превосходства. К тому же в войсках не хватало боеприпасов для мощного огневого удара. Все это привело к тому, что, перейдя в наступление, наши соединения лишь на ряде участков углубились в оборону врага на 6—12 км, но создать в ней брешь и развить удар на запланированную глубину им не удалось.

В конце августа — начале сентября войска Западного направления предприняли третье наступление с тем, чтобы сковать силы группы армий «Центр» и разгромить войска Гудериана. Наибольшего успеха добился Резервный фронт, разгромивший ельненскую группировку врага и освободивший г. Ельню.

Основным итогом наступательных действий армий Западного направления в ходе Смоленского сражения, несмотря на ограниченное продвижение, явилось то, что они заставили немецко-фашистское командование впервые во второй мировой войне перейти к обороне на своем главном направлении.

Вместе с тем наступательные действия наших войск под Смоленском летом 1941 г. показали, что армии нового состава, тем более армейской группе, не по силам прорыв на оперативную глубину даже поспешно занятой обороны, которая благодаря использованию танков и быстрому возведению прочных сооружений приобрела довольно высокую устойчивость. Для ее прорыва необходимо, как сделала выводы Ставка, создавать «кулаки в семь-восемь дивизий». Но пути реализации этого вывода на практике еще не были найдены. Если в армейском звене сосредоточение усилий на одном участке, суженном в три-четыре раза, наметилось довольно отчетливо, то во фронте ударная группировка все еще расчленялась на отдельные армейские группы, а в целом фронтовая операция не имела ярко выраженного фронтового главного удара. Необходимое превосходство над противником в силах и средствах на участках прорыва не создавалось. Слабыми оказались огневое поражение обороны врага, поддержка наступления пехоты и танков артиллерией и авиацией.

2. ПРОРЫВ В ОПЕРАЦИЯХ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ 1941/42 г.

Важнейшим событием зимней кампании 1941/42 г. явились контрнаступление под Москвой и общее наступление Советской Армии.

Контрнаступление под Москвой начиналось в сложной для Советского Союза обстановке. Ряд важнейших в экономическом

отношении районов страны был захвачен противником. На территории СССР, временно оккупированной немецко-фашистскими войсками к ноябрю 1941 г., до войны добывалось 63% угля, выплавлялось 68% чугуна и 58% стали, производилось 60% алюминия, 38% зерна, 84% сахара¹. Положение усугублялось еще и тем, что значительное количество промышленных предприятий, в том числе из прилегающих к фронту районов, перебазировалось в восточные районы. К декабрю 1941 г. снизилось производство вооружения и боеприпасов. Во фронтах ощущался их недостаток. Противник блокировал Ленинград, прорвался к Тихвину, вел наступление на Москву и к декабрю полукольцом охватил Московский промышленный район, овладел Харьковом и Донбассом.

В таких условиях Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о переходе в контрнаступление под Москвой.

Организация и осуществление прорыва поспешно занятой обороны при переходе в контрнаступление под Москвой. Замысел Ставки на контрнаступление под Москвой предусматривал нанесение одновременных ударов силами трех фронтов по группировкам врага, угрозившим Москве, с тем, чтобы нанести им решительное поражение и отбросить как можно дальше от Москвы.

К моменту перехода наших войск в контрнаступление противник предпринимал попытки продолжать наступление лишь у Солнечногорска, Наро-Фоминска и Тулы. На остальных участках фронта он был остановлен и за несколько дней смог создать оборону в виде отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления в населенных пунктах, у узлов дорог и на важных в тактическом отношении высотах. Наиболее сильная оборона была к северу от Москвы. На подступах к Туле промежуток между узлами обороны достигали порой нескольких километров.

В директиве Ставка определила фронтам следующие задачи:

Калининскому. Сосредоточив в течение ближайших двух-трех дней ударную группировку, нанести удар с фронта (иск) Калинин, (иск) Судимирка в направлении Микулино-Городище и Тургиново. Выходом на тылы клинковой группировки противника содействовать уничтожению последней войсками Западного фронта.

Западному. Ударами на клинско-солнечногорском и истринском направлениях разгромить северную группировку противника на правом крыле фронта и ударами на Узловую и Богородицк, во фланг и тыл 2-й танковой армии противника, разгромить южную группировку врага на левом крыле фронта.

Армии правого крыла Юго-Западного фронта должны были разгромить елецкую группировку врага и, развивая наступление на орловском направлении, содействовать войскам левого крыла Западного фронта в разгроме 2-й танковой армии².

¹ См.: Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., Госполитиздат, 1948, с. 42.

² ЦАМО СССР, ф. 202, оп. 9, д. 11, л. 164, 165.

Таким образом, в замысле Ставки на контрнаступление силами трех фронтов предусматривалось нанесение четырех фронтовых ударов в полосе более 600 км. Для осуществления каждого из них привлекалось 2—4 армии, что было значительным шагом вперед в искусстве сосредоточения сил для удара на избранных направлениях.

В директивах на контрнаступление Ставка требовала от фронтов решительного массирования сил и средств. Она отмечала, что частные атаки на разных направлениях неэффективны, и приказала командующему Калининским фронтом создать ударную группировку в составе не менее пяти-шести стрелковых дивизий, включив в нее наиболее боеспособные соединения, большую часть артиллерии РГК, все РС и танки.

Однако при подготовке фронтами операций эта идея еще не нашла убедительного воплощения. Фронтовые удары по-прежнему расчленились на несколько армейских ударов, наносимых на самостоятельных направлениях (схема 2). Удар Калининского фронта осуществлялся фактически силами 29-й и 31-й армий на разобщенных участках, удаленных друг от друга на 20 км. На правом крыле Западного фронта к удару привлекались 30-я, 1-я ударная, 20-я, 16-я, а затем и 5-я армии. При этом расстояние между армейскими ударами составляло: 30-й и 1-й ударной армий — 30 км, 1-й ударной и 20-й армий — около 15 км, 20-й и 16-й армий — примерно 10 км. Еще большие расстояния были между главными ударами армий левого крыла Западного фронта (до 50 км) и правого крыла Юго-Западного фронта (90 км).

Сложные условия перехода фронтов в контрнаступление предопределили количество ударов в армейских операциях и плотности войск на их направлениях (табл. 1).

Таблица 1

**Некоторые показатели организации прорыва
в армиях при переходе в контрнаступление под Москвой**

Армия	Боевой состав (расчетных дивизий)	Ширина полосы наступления, км	Количество и ширина участ- ков прорыва, км	Количество ра- счетных дивизий в первом эшелоне на участках прорыва	Ширина участ- ка прорыва дивизий, км	Плотности на участ- стке прорыва	
						артилле- рии	тан- ков
29-я	5	150	3—15	3	5	9	—
31-я	5	40	1—6	3	2	45	—
30-я	8	80	3—27	6	3—5	До 15	1—3
1-я ударная . .	6	30	1—11	5	2,1	16	4—5
20-я	3,5	30	1—6	2	3	16—20	1—10
16-я	7	25	1—7,5	2	3,5—4	16—43	8—10
50-я	7,5	140	3—32	5	4—7	4—6	—
10-я	9,5	100	3—56	7	5—10	9—10	—
Группа Костенко	4	31	2—21	2	9—12	—	1—3
13-я	7	50	1—20	2	10	—	—

Оперативное построение фронтов и армий, за некоторым исключением, было одноэшелонным с выделением незначительных резервов. Боевые порядки соединений и частей строились преимущественно в два эшелона. Вследствие недостатка артиллерии только в некоторых армиях создавались артиллерийские группы. В дивизиях по числу полков первого эшелона образовывались группы АПП (артиллерии поддержки пехоты) в составе одного-двух дивизионов. Для подавления артиллерии и резервов противника в отдельных дивизиях создавались группы АДД (артиллерии дальнего действия) из артиллерии РВГК. Малочисленность артиллерии в 10-й армии заставила командование придать ее в основном подразделениям для совместных действий в качестве орудий сопровождения.

Большую нужду войска испытывали в боеприпасах. На 6 декабря их имелось от 1 до 1,4 боекомплекта и только для 82-мм минометов и 152-мм гаубиц несколько больше. Это вынуждало ограничивать расход боеприпасов от 1/5 до 1/3 боекомплекта, а по артиллерии РВГК — до 4—5 снарядов на орудие на первый день наступления.

Артиллерийская подготовка в большинстве армий ограничивалась коротким огнем налетом продолжительностью 10—15 минут. Лишь в армиях Калининского и центра Западного фронтов ее продолжительность была 30—60 минут. Поддержка атаки пехоты и танков и боя в глубине обороны, в сущности, не планировалась.

Главные силы ВВС составляла авиация зоны ПВО Москвы и дальнебомбардировочная. Из общего количества 1170 самолетов в состав фронтовой авиации входило 515 самолетов, в числе которых бомбардировщиков и штурмовиков было 381. Западный фронт к 6 декабря имел всего 177 исправных самолетов.

Авиационное обеспечение прорыва предусматривало поражение противника в опорных пунктах в ближайшей тактической глубине и артиллерии на огневых позициях. Перед войсками правого крыла Западного фронта была запланирована и проведена в ночь на 6 декабря авиационная подготовка, в ходе которой наносились удары по штабам, узлам связи и резервам противника на направлении главного удара армий. Одновременно был нанесен удар по аэродромам в районе Клина и Ватулино. Обилие объектов, по которым наносились удары, привело к распылению усилий авиации.

Невысокие плотности артиллерии, слабое массирование авиации, трудность организации взаимодействия войск с авиацией ПВО Москвы и дальней бомбардировочной авиацией не позволили добиться единого мощного артиллерийско-авиационного удара на участках прорыва. Поэтому основная тяжесть прорыва обороны противника легла на пехоту.

Осуществление прорыва обороны противника в большинстве армий проходило довольно трудно, хотя глубина ее к началу контр-

наступления была небольшой. Так, дивизии 29-й армии, переправившись 5 декабря по льду на южный берег Волги, 6 декабря были отеснены в исходное положение.

Соединения 31-й армии, благодаря массированию сил и средств на одном участке, в первый день продвинулись на 4—5 км. Но в последующие дни в связи с подходом резервов противника наступление замедлилось, приняло затяжной характер. Только на 10-й день операции город Калинин был обойден, а затем и освобожден нашими войсками.

Войска 30-й армии перешли в наступление перед рассветом 6 декабря. До начала атаки лишь на отдельных участках батареи реактивной артиллерии дали несколько залпов по населенным пунктам, занятым противником. Как только пехота перешла в атаку, артиллерия приступила к ее поддержке. Значительное количество орудий сопровождения было поставлено на сани, что позволило им двигаться вслед за пехотой.

Внезапный удар дал хорошие результаты. Противник, застигнутый врасплох, не смог оказать организованного сопротивления. К рассвету опорные пункты первой линии были захвачены. Создались благоприятные условия для продвижения в глубину. Однако глубокий снег, бездорожье не позволяли ускорить темп наступления. Во второй половине дня противник смог выдвинуть резервы и вместе с отошедшими войсками образовать новый рубеж обороны. Но все же к исходу дня на главном направлении глубина прорыва достигла 5 км, а фронт расширился до 12 км.

Для завершения прорыва и разгрома подошедших резервов командующий армией ввел свой резерв. К концу третьего дня глубина прорыва составила 6—10 км, наступление велось уже в полосе 35 км. Сопротивление противника было окончательно сломлено, и он начал отход.

Успешное наступление 30-й армии помогло 1-й ударной. Она овладела несколькими населенными пунктами, к исходу третьего дня продвинулась в глубину до 10 км.

Прорыв тактической обороны создал предпосылки для наступления в более высоких темпах. Однако отсутствие эшелонов развития успеха не позволяло использовать благоприятный момент. В 30-й армии такой эшелон был создан в ходе операции в составе мотострелковой и кавалерийской дивизий, мотострелкового полка и танкового батальона. Ввод его в сражение сразу повысил темпы наступления. За три дня подвижная группа продвинулась на 36 км, облегчив тем самым наступление основных сил армии.

После овладения 30-й и 1-й ударной армиями участком Ленинградского шоссе тактический прорыв был развит в оперативный. Они получили возможность перейти в оперативное преследование противника.

Прорыв в полосе наступления 20-й армии проходил более медленно, поскольку: у недостаток артиллерии и боеприпасов не позволил надежно подавить противника.

331-я стрелковая дивизия, усиленная танковым батальоном, пушечным полком РВГК и дивизионом реактивных минометов, начала наступление 4 декабря в полосе шириной 4,5 км. Вследствие спешной подготовки наступления она не добилась заметных успехов, но потеряла до 20% личного состава и 30% танков.

В течение 5 декабря была проведена подготовка к новому наступлению. После короткого огневого налета утром следующего дня части дивизии вместе со восемью войсками армии вновь перешли в наступление. Атака развивалась медленно. Ускорить ее позволил дерзкий бросок десанта на четырех танках. Он ворвался в деревню Горки и внес замешательство в оборону врага. Этим воспользовались полки и овладели населенным пунктом, что открыло подступы к Красной Поляне.

За восемь дней оккупации противник превратил поселок в очень сильный узел обороны. Части дивизии, подойдя к нему, были остановлены. Противнику удалось в первый день отбить атаки и других соединений армии.

7 декабря атаки Красной Поляны возобновились. Для поддержки наступающих соединений помимо армейских и фронтовых средств было отвлечено 100 орудий из Московской зоны обороны и часть авиации Верховного Главнокомандования¹. Однако трудность взаимодействия с ними через несколько инстанций управления не позволила в полной мере использовать их возможности. Части армии ворвались в населенный пункт, но атаки в нем носили крайне ожесточенный характер. Противника приходилось выбивать почти из каждого дома. Во второй половине дня части 106-й пехотной и 2-й танковой дивизий противника предприняли сильную контратаку. Она была отбита, и в ночь с 7 на 8 декабря части 331-й стрелковой дивизии во взаимодействии с 28-й стрелковой бригадой овладели Красной Поляной.

За 8 декабря эти соединения продвинулись на 4,5 км, завершив тем самым прорыв оборонительного рубежа противника. Командиры соединений приняли меры, чтобы осуществить тактическое преследование неприятеля, начавшего отход, намереваясь за два дня продвинуться на 30 км. Но отсутствие лыж не позволило создать обходящие отряды. Чтобы опрокинуть сильные заслоны противника, на дорогах не доставало танков и сил для его огневого подавления. Поэтому к исходу 10 декабря войска 331-й дивизии и 28-й бригады продвинулись на 10—12 км.

Благодаря успешным действиям бригад, наступавших на флангах армии, в обороне противника образовалась брешь. Соединения армии ускорили продвижение к Солнечногорску.

16-я армия начала прорыв 7 декабря силами 8-й гвардейской стрелковой и 44-й кавалерийской дивизий после 13-минутного огневого налета. После захвата на окраине Крюково окопов и

¹ См.: С ан д а л о в Л. М. На московском направлении. М., «Наука», 1970, с. 257.

строений, приспособленных к обороне, подразделения встретили сильное сопротивление врага. Особенно препятствовали продвижению закопанные в землю танки. Их уничтожение осуществлялось штурмовыми группами и огнем орудий прямой наводки. Бои приняли затяжной характер. Во второй половине дня были введены вторые эшелоны дивизий и подключилась к атаке 17-я стрелковая бригада. Создав угрозу окружения, они ночным штурмом выбили противника из Крюково и прилегающих населенных пунктов. Прорыв обороны на главном направлении позволил успешно начать наступление другим соединениям армии. Оборона противника была прорвана почти во всей полосе.

Овладение Красной Поляной, Крюково, а перед этим населенными пунктами в полосах 31, 30 и 1-й ударной армий расстроило оборону врага и оказало большое психологическое воздействие на немецко-фашистские войска, которые жили ожиданием скорого захвата Москвы или, по меньшей мере, наступлением значительной передышки от изнуривших их боев, холода и болезней. Неожиданный удар потряс их. Сопротивление обороняющихся войск противника в полосах 20-й и 16-й армий значительно снизилось. Они начали отступать, по признанию пленных солдат и офицеров, неорганизованно, без управления со стороны командного состава¹.

У войск 16-й и 20-й армий появилась реальная возможность быстро развить тактический успех в оперативный и с ходу прорвать рубеж обороны, занятый противником по линии ленинградской дороги. Но у 20-й армии не было эшелона развития успеха. К тому же ограниченность маневра по глубокому снегу вне дорог и фронтальные атаки населенных пунктов, занятых арьергардами противника, не позволяли повысить темпы наступления в такой степени, чтобы они превышали темпы отхода противника. Продвижение войск армии несколько возросло после овладения 11 декабря Солнечногорском.

Значительно быстрее развитие тактического успеха в оперативный прошло в 16-й армии. 10 декабря генерал К. К. Рокоссовский создал три подвижные группы: генерала Ф. Т. Ремизова (145-я танковая бригада, 44-я кавалерийская дивизия и 17-я стрелковая бригада); генерала А. П. Белобородова (9-я гвардейская стрелковая дивизия и 36-я стрелковая бригада); генерала М. Е. Катукова (1-я и 17-я танковые бригады, 89-й отдельный танковый батальон и 40-я стрелковая бригада).

Первоначально действия этих групп не отличались стремительностью и маневренностью. Но при развитии наступления в целях прорыва истринского оборонительного рубежа подвижные группы генералов Ремизова и Катукова уже сыграли большую роль. Обойдя водохранилище с севера и юга, они создали угрозу окружения группировки противника, занявшей рубеж по западному берегу Истринского водохранилища, что предредило его овладение и дальнейшее наступление к рубежу обороны по рекам Лама и Руза.

¹ ЦАМО СССР, ф. 373, оп. 6631, д. 4, л. 7.

В разгроме истринской группировки важную роль сыграла также подвижная группа 5-й армии, в которую входил 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Этот корпус совершил марш в район ст. Кубинка, откуда на третий день наступления был введен в сражение в северном направлении. Разгромив в районе Сафонихи основные силы 78-й пехотной дивизии, он резко повернул на запад, развывая наступление к р. Руза.

К 15 декабря армии правого крыла Западного фронта, осуществив прорыв двух оборонительных рубежей, продвинулись на 40—50 км, нанеся при этом большие потери соединениям 3-й и 4-й танковых групп.

На левом крыле Западного фронта главный удар наносила 10-я армия. Началу ее наступления предшествовало выдвижение соединений к исходным районам из глубины. В пургу, по заснеженным дорогам дивизии за сутки прошли 30 км и более, а 326-я стрелковая дивизия шла ускоренным маршем по 45—50 км в сутки. 322-я стрелковая дивизия, пройдя за 1,5 суток около 50 км, к утру 7 декабря подошла к городу Серебряные Пруды. После короткого огневого налета и стрельбы орудий прямой наводки полки неожиданно для врага перешли в атаку с севера и востока. Один полк в ходе боя совершил маневр к южной окраине города и без задержки перешел в атаку. Внезапность удара с трех сторон вызвала замешательство расположенных в городе войск неприятеля. Он метался в поисках выхода, оказывая сопротивление. И все же после трехчасового боя два батальона пехотного полка противника были разгромлены, а город освобожден. Потери дивизии составили всего 7 человек убитыми и 19 ранеными¹. Отразив разрозненные контратаки противника, дивизия развивала наступление в сторону Венева.

Решающее значение для армии имел прорыв в центре полосы наступления, где предстояло овладеть г. Михайлов, в котором располагался сильный гарнизон врага. Эта задача была успешно решена ночной атакой 330-й стрелковой дивизии во взаимодействии с 328-й стрелковой дивизией.

Разгром противника в Серебряных Прудах и Михайлове привел к образованию в его обороне 50-километровой брешы.

Командование армии попыталось через нее развить успех. Вперед были высланы передовые отряды. Для ускорения их движения мобилизованы санные упряжки. Но и они все же не обладали необходимой подвижностью, чтобы обходить арьергарды противника вне дорог.

Главные силы дивизий, продвигаясь по дорогам, нередко задерживались ударами авиации; атаки узлов обороны противника с фронта вели к затяжным боям.

Снижение темпов наступления по сравнению с первым днем происходило и потому, что противник, оправившись от неожиданного удара, начал спешно закрывать образованную в его обороне брешь. 10-я армия не имела подвижной группы, которой можно было бы

¹ ЦАМО СССР, ф. 1380, оп. 4774, д. 3, л. 7, 8.

все глубже рассекать фронт противника: 41-я кавалерийская дивизия, высланная в направлении г. Епифань, ввязалась в бой с отходящим противником, свернула с намеченного направления и не смогла выполнить задачу по захвату города¹.

50-я армия перешла в наступление утром 8 декабря. Несмотря на некоторое ослабление перед ней группировки противника, прорыв его обороны осуществлялся медленно, ибо дивизии армии были слабыми и утомлены оборонительными боями. Лишь к 17 декабря они продвинулись на 8—12 км и овладели поселком Щекино. Поскольку армии не удалось создать брешь в обороне противника, она не смогла выйти в тыл 2-й танковой армии противника и во взаимодействии с 10-й армией окружить часть ее сил.

На правом крыле Юго-Западного фронта 6 декабря перешли в наступление войска 13-й армии, нанося удар по елецкой группировке противника с севера. С юга наступала группировка генерала Костенко. Особенность осуществления прорыва и проникновения в глубину обороны противника состояла в том, что в очаговой обороне врага удары наносились в основном между опорными пунктами и узлами сопротивления. Так, ее 1-я гвардейская стрелковая дивизия, нанеся удар в слабое место, к исходу дня углубилась на 14 км. 5-й кавалерийский корпус вначале ввязался в бои за населенные пункты, но затем изменил направление удара, проскочил между опорными пунктами врага, что позволило ему быстро наступать в глубину. 8 декабря корпус продвинулся на 10 км, 9 декабря — на 12 км, 10 декабря — на 20 км². Корпус вышел в тыл елецкой группировки врага. Лишь медленные темпы продвижения ударной группы 13-й армии не позволили уже в первые дни окружить основные силы 34-го армейского корпуса к югу от Ельца. Однако в ходе развития наступления войска правого крыла Юго-Западного фронта осуществили окружение и разгром его основных сил севернее г. Ливны, что позволило объединить два армейских прорыва в один фронтовой и создать некоторые предпосылки для перерастания прорыва в оперативное преследование.

Прорыв подготовленных оборонительных рубежей в ходе контрнаступления и общего наступления советских войск. Захват Советской Армией стратегической инициативы в контрнаступлении под Москвой заставил противника впервые во второй мировой войне перейти к стратегической обороне. На московском стратегическом направлении он предпринял значительные усилия для создания оборонительных рубежей на реках Лама, Руза, Дон и Шат.

С заранее подготовленным оборонительным рубежом первой в контрнаступлении под Москвой столкнулась 10-я армия. Распоряжение на его оборудование Гудериан отдал еще в конце ноября, а решение на переход к обороне принял в ночь на 6 декабря, т. е. накануне нашего контрнаступления.

¹ ЦАМО СССР, ф. 353, оп. 5866, д. 605, л. 32—34.

² См.: Баграмян И. Х. Так началась война. М., Воениздат, 1977, с. 496—498.

За десять дней силами согнанного местного населения противнику удалось оборудовать окопы, блиндажи с одним — тремя накатами бревен, дзоты, приспособить к обороне каменные здания, произвести обледенение скатов берегов во многих пунктах, местами создать проволочные заграждения.

В силу ряда причин разведке фронта и армий не удалось своевременно вскрыть переход противника к обороне и создание им оборонительных рубежей в тылу, что не позволило командующим еще на подходе к ним принять решение и тем исключить разрозненные атаки соединений.

Так, командующий 10-й армией решение на прорыв обороны на р. Дон принял 9 декабря, то есть после того, как некоторые соединения уже предприняли атаки для овладения этим рубежом. Суть этого решения (схема 3) состояла в том, чтобы, сковывая войска противника частью сил в районе Сталиногорска (Новомосковска), главные силы армий вывести из боя и перегруппировать к югу с целью нанести основной удар в направлении Епифань, Богородицк¹.

Вследствие перегруппировки дивизий к югу наступление 10-й армии началось на два дня позже назначенного срока. 12 декабря поспешно организованная атака при слабом артиллерийском обеспечении оказалась неудачной. Последующие атаки, предпринятые в этот день, также не дали желаемых результатов.

В ночь на 13 декабря усилия соединений были сосредоточены на прорыв в промежутках между узлами обороны. Благодаря широкому применению орудий для стрельбы прямой наводкой по опорным пунктам на флангах участков прорыва противник был подавлен и атакующие войска начали охватывать и обходить его узлы обороны, создавая угрозу их окружения. Результат сказался сразу. В течение 13 декабря оборона была прорвана на нескольких участках.

С прорывом оборонительного рубежа на р. Дон темпы наступления армии заметно возросли. За два дня войска 10-й армии продвинулись на 20—35 км. Подвижная группа армии — 41-я кавалерийская дивизия проникла в глубину более чем на 50 км, но слабая по своему составу дивизия не могла решать оперативных задач. Нужна была более мощная подвижная группа. Она была создана к исходу 16 декабря в составе трех кавалерийских и одной стрелковой дивизий в целях стремительного выхода к г. Плавск и захвата его с ходу. К сожалению, армейская кавалерийская группа действовала недостаточно маневренно, а ударной силы ей не доставало, так как в ней не было танков. К тому же осуществление маневра затруднял глубокий снег. Все это привело к тому, что кавалерийская группа не вышла в тыл противнику и не стала острием оперативного удара армии.

Армии правого крыла Западного фронта 20 декабря подошли к рубежу на реках Лама и Руза, подготовленному противником

¹ См.: Голиков Ф. И. В Московской битве. М., «Наука», 1967, с. 68—69.

в виде системы опорных пунктов, оборудованных в населенных пунктах и на высотах. Опорные пункты имели значительное количество дзотов, блиндажей, окопов, участков траншей и были опоясаны проволочными заграждениями типа «Бруно».

Разведка Западного фронта не сумела своевременно установить, что противник намерен на этом рубеже остановить наступление наших войск. В связи с этим наступление было предпринято в том построении, в котором велось преследование, т. е. без создания в армиях ударных группировок. Попытки прорыва обороны противника на р. Лама с ходу, предпринятые 20—22 декабря, не увенчались успехом.

23 декабря командование Западного фронта, убедившись, что наступлением на широком фронте добиться успеха невозможно, отдало распоряжение армиям «сузить в определенном месте ударный кулак, сосредоточенными силами прорвать оборону противника на узком фронте и вводом живой силы развить успех»¹.

Наступление на основе указаний командующего фронтом было предпринято через сутки. За такой короткий срок существенно изменить группировки войск в армиях было невозможно и их наступление неизбежно приняло характер атак на широком фронте в целях овладения отдельными опорными пунктами. К 1 января войскам 20-й армии удалось овладеть всего семью опорными пунктами.

Армии Калининского фронта из-за линейности построения также продвигались медленно. К 20 декабря они вышли примерно на одну линию с армиями правого крыла Западного фронта.

Решением Ставки в конце декабря главный удар Калининского фронта был перенесен на правое крыло в целях удара по Ржеву с севера и овладения им. Для этого предлагалось создать ударную группировку из дивизий 39, 22 и 29-й армий. Но разновременные действия армий на широком фронте при слабой поддержке артиллерии вели к затяжным боям. Так, дивизии 39-й армии, действуя во всей полосе армии, за первые три дня смогли продвинуться только на 1—3 км. Лишь сузив участок активных действий до 20 км и создав на нем плотности до 40 орудий и минометов на 1 км, Калининский фронт смог окончательно прорвать оборону противника на глубину 15—20 км и пробить в ней широкую брешь.

Аналогичные недочеты были присущи армиям и других фронтов. Они свидетельствовали, что переход противника к обороне на подготовленных рубежах с хорошо организованной системой огня и заграждений требует резкого повышения уровня подготовки и ведения наступательных операций.

Коренными вопросами, от успешного решения которых зависел успех наступательных операций, оказались массирование сил и средств на направлениях ударов и огневое поражение противника, сформулированные в директивном письме Ставки Верховного Главнокомандования от 10 января 1942 г.

¹ ЦАМО СССР, ф. 373, оп. 6631, д. 21, л. 11, 12.

В начале письма отмечались происшедшие изменения в характере действий противника: «Для того, чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли на оборону и стали строить оборонительные рубежи с окопами, заграждениями, полевыми укреплениями». Дальше указывалось: «Чтобы обеспечить прорыв оборонительной линии противника на всю ее глубину... требуется по крайней мере два условия: во-первых, нужно заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении; и, во-вторых, необходимо заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением». Состав ударной группы армий определялся в три или четыре дивизии, во фронте — в несколько армий. Наряду с массированием сил общевойсковых объединений директивное письмо требовало также сосредоточения артиллерии: 60—80 орудий на участке действий ударной группы армии и 150—200 — ударной группы фронта.

Выполнение в войсках положений директивного письма Ставки обусловило крутой поворот в подготовке и проведении наступательных операций. Это можно проследить уже на опыте Ржевско-Вяземской операции, проведенной войсками Западного и Калининского фронтов в январе — апреле 1942 г., в частности на наступлении 20-й армии Западного фронта.

Учитывая неудачные попытки прорвать заблаговременно подготовленную оборону противника на р. Лама в конце декабря — начале января разрозненными силами 1-й ударной, 20-й и 16-й армий, Ставка приказала командующему Западным фронтом создать ударную группировку из войск 20-й армии, передав ей часть сил из соседних 1-й ударной и 16-й армий. К 10 января в 20-ю армию были переданы 2-й гвардейский кавалерийский корпус, одна кавалерийская дивизия, одна танковая и четыре стрелковые бригады, пять лыжных батальонов, пять артиллерийских полков и два дивизиона реактивной артиллерии.

В полосе ее наступления шириною 20 км участок прорыва составил менее половины — 8 км. На нем были сосредоточены основные силы и средства армии: обе стрелковые дивизии, шесть из восьми стрелковых бригад, все танковые бригады, 77% артиллерии. В целях лучшего управления войска армии объединялись в три группы, каждая из которых представляла собой усиленную стрелковую дивизию. 2-й гвардейский кавалерийский корпус составил подвижную группу. Решительное сосредоточение сил и средств на участке прорыва позволило создать достаточно высокие по тем временам плотности: около 3,5 стрелковых батальона, до 60 орудий и минометов, 12,5 танка на 1 км участка прорыва¹ и добиться почти тройного превосходства над противником. Если в контрнаступлении стрелковые дивизии прорывали оборону в полосе 3,5—4,5 км, то на р. Лама 352-я стрелковая дивизия, например, прорывала оборону на участках шириной всего 1,5 км.

¹ ЦАМО СССР, ф. 343, оп. 6631, д. 31, л. 29, 30, 38, 39.

Существенные изменения по сравнению с контрнаступлением произошли в группировке артиллерии 20-й армии. В каждом соединении создавалась группа АПП в составе двух-трех дивизионов. В дивизиях один-два дивизиона из ее состава выделялись для поддержки полков, а в бригадах — батальонов первого эшелона. В армии была образована армейская группа АДД из двух полков. Дивизионы реактивной артиллерии выделялись в непосредственное подчинение командирам дивизий. На прямую наводку было выставлено 25% всей полковой и противотанковой артиллерии.

Продолжительность артиллерийской подготовки атаки определялась в 1,5 часа. Ей предшествовал период разрушения. На время артиллерийской поддержки атаки пехоты и танков дивизионам ставились задачи вести огонь по заявкам командиров стрелковых батальонов и по вновь обнаруженным целям. Для подавления и уничтожения противника в ходе наступления планировалось применение авиации.

По плану операции в первый день намечалось прорвать оборону противника на глубину 10—12 км.

Наступление войск 20-й армии началось 10 января 1942 г. Шел сильный снег, ухудшивший условия для ведения огня артиллерией. Авиация вообще не смогла действовать.

В 9.30 войска армии перешли в атаку. На главном направлении наступала 352-я стрелковая дивизия (схема 4). Так как в артиллерийских группах было мало тяжелых орудий, разрушить и подавить дзоты, огневые точки в строениях не удалось. Первая атака не увенчалась успехом. Только в 11.30 полки ворвались в деревню Тимонино, превращенную противником в мощный узел обороны. Его войска сопротивлялись с упорством обреченных.

Штурмуя дзот за дзотом, подразделения дивизии медленно продвигались вперед. Из-за недостатка боеприпасов артиллерия слабо поддерживала атакующие пехоту и танки. Несмотря на все это, в первый день полки 352-й дивизии продвинулись на 2—3 км, а в последующие два дня еще на 6—7 км. Этим были созданы условия для ввода в сражение подвижной группы армии — 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, усиленного 20-й кавалерийской дивизией, 22-й танковой бригадой и пятью лыжными батальонами. 13 января подвижная группа армии вошла в прорыв. Темпы наступления армии возросли.

Достигнутый успех позволил включиться в наступление 1-й ударной, 16-й и 5-й армиям. Фронт наступления расширился, что затруднило противнику проведение мероприятий по локализации возникшей угрозы глубокого прорыва. Однако темпы нашего наступления не превышали темпов отхода противника, что обусловливалось рядом причин. Подвижная группа не обладала достаточной ударной силой, так как не имела необходимого количества танков и с большим трудом совершала маневры по очень глубокому снегу. В войсках остро ощущался недостаток боеприпасов. Нередко части и соединения наступали главным образом вдоль

дорог, нанося по врагу лишь фронтальные удары. К 25 января армии правого крыла Западного фронта с боями продвинулись на 50—70 км и вынуждены были надолго остановиться перед гжатским оборонительным рубежом.

Анализ подготовки и осуществления прорыва в операциях зимней кампании 1941/42 г. показывает, что прорыв обороны противника имел ряд особенностей, определявшихся общим характером вооруженной борьбы, переходом наших войск в контрнаступление и развитием его без паузы в общее наступление.

Подготовка всех армий к контрнаступлению под Москвой осуществлялась в сжатые сроки, не позволившие противнику создать подготовленную оборону. Большой некомплект в войсках противника не позволял ему иметь и высоких плотностей в обороне, а моральная и физическая усталость войск снижала их боеспособность.

При переходе в контрнаступление лишь войска армий (и то не всех) начинали прорыв одновременно. В последующем ведение прорыва распадалось на ряд последовательных атак, осуществляемых в масштабе соединений, частей и даже подразделений, что уменьшало силу удара и сказывалось на темпах наступления.

Ввиду низких плотностей танков основная тяжесть прорыва ложилась на пехоту и артиллерию. Отсутствие подвижных групп в армиях не позволяло быстро развивать успех в глубину. В ряде армий они были созданы в ходе операции и сыграли важную роль в повышении темпов наступления.

С переходом противника к стратегической обороне возникла необходимость прорыва заранее подготовленной обороны, для чего потребовалось большее массирование сил и средств и лучшее согласование усилий войск. Заблаговременное создание в армиях подвижных групп ускоряло развитие тактических прорывов в оперативные и повышало темпы наступления.

3. ОПЫТ ПРОРЫВА В ОПЕРАЦИЯХ ЛЕТНЕ-ОСЕННЕЙ КАМПАНИИ 1942 г.

Наиболее характерные черты подготовки и осуществления прорыва обороны противника в летне-осенней кампании 1942 г., которая в целом была оборонительной для наших войск, можно проследить на примере Харьковской и Ржевско-Сычевской наступательных операций.

Замыслом Харьковской операции (схема 5) предусматривалось нанесение двух ударов: одного из района Волчанска, а другого, главного, с барвенковского выступа, по сходящимся направлениям на Харьков.

К удару из района Волчанска привлекались 28-я армия и часть сил 21-й и 38-й армий, наносивших удар смежными с ней флангами. Всего в северной ударной группировке насчитывалось 18

стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 7 танковых и 2 мотострелковые бригады. В первый эшелон выделялось 10 дивизий, из них 8 дивизий входили в состав главных сил и должны были прорывать оборону противника на участке 26 км.

Подвижная группа в составе 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, усиленного мотострелковой бригадой, создавалась только в 28-й армии. Ввод ее намечался на глубине 15—16 км на третий день операции.

В состав южной ударной группировки входили 6-я армия и армейская группа генерала Л. В. Бобкина. Всего в ней насчитывалось 10 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 11 танковых и 2 мотострелковые бригады¹. В первый оперативный эшелон выделялось 5,5 дивизии, из них на главное направление — 3 дивизии.

Эшелон развития прорыва в южной группе включал два танковых корпуса в 6-й армии и кавалерийский корпус, усиленный танковой бригадой, — в армейской группе генерала Л. В. Бобкина. Танковые корпуса планировалось ввести в прорыв на третьи сутки, а кавалерийский корпус — на второй день операции на глубине 10—12 км.

В резерве командующего фронтом на направлении главного удара находились 2 стрелковые дивизии и 2-й кавалерийский корпус.

Армии, привлеченные для проведения операции, могли создать плотности войск, приведенные в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Плотности сил и средств на участках прорыва армий в Харьковской операции

Армия	Ширина полосы наступления, км	Ширина участков прорыва, км		Плотности на участке прорыва	
		армии	дивизии	артиллерии	танков НПП
21-я	120	14	2—4	23/60	3,5
28-я	15	15	2,5—4,5	45/60	12
38-я	100	26	5,9	14/20	5
6-я	75	25	4—10	30/51	6,4
Армейская группа генерала Бобкина	26	11	5—6	19/27	4

Примечание. В числителе указаны средние плотности артиллерии, а в знаменателе — танков.

Оборона противника на участках прорыва представляла собой систему взводных опорных пунктов, объединенных в узлы сопротивления, с наличием промежутков между ними. Опорные пункты на переднем крае соединялись ходами сообщения, которые представляли собой, по сути, первую, на значительных участках сплошную, траншею. На важных направлениях, особенно в населенных

¹ См.: История второй мировой войны. Т. 5. М., Воениздат, 1975, с. 127.

пунктах, было возведено значительное количество дзотов. В промежутках между опорными пунктами располагались закопанные танки. Противник широко применял проволочные заграждения. Главная полоса глубиной 8—12 км имела две позиции. На некоторых направлениях противник готовил вторую и третью полосы обороны. Общая глубина обороны противника достигала 25—30 км.

Взлом такой обороны предусматривалось осуществить проведением одночасовой артиллерийской подготовки с расходом боеприпасов до 0,5—0,8 боекомплекта. На первый день операции в армиях выделялось от 0,6 до 1,5 боевого комплекта для различных систем артиллерии и минометов. Командование Юго-Западного фронта, хорошо понимая ограниченные огневые возможности артиллерии, отдало специальные указания, в которых говорилось, что при небольших плотностях артиллерии и ограниченном отпуске боеприпасов массирование огня приобретает исключительно важное значение¹. Поэтому почти все огни намечались только по хорошо разведанным целям. Вся батальонная, полковая артиллерия по четыре—шесть орудий из групп ПП были выставлены на прямую наводку, что увеличивало результативность огня артиллерии.

Поддержку атаки предусматривалось осуществить методом ПСО, а сопровождение боя пехоты и танков в глубине — огнем по вызову. Планирование этих периодов артиллерийского наступления было возложено на командующих артиллерией дивизий, что не могло не внести разнobia в использование имеющейся артиллерии.

Следует заметить, что запланированные возможности артиллерии существенно отличались от фактических. Это объясняется тем, что штабы артиллерии фронта и армий не разработали тщательных планов перегруппировки артиллерийских частей, не учли отсутствие у многих артиллерийских полков минимально необходимых средств тяги, вследствие чего из 32 полков усиления к исходу 11 мая на огневые позиции смогли выйти только 17 полков. 11 полков находились еще на марше и не приняли участия в артиллерийской подготовке, а 4 полка прибыли только в ходе наступления².

Военно-воздушные силы фронта по ряду причин не могли существенно восполнить недостаток огневых возможностей артиллерии по взламыванию обороны противника. В Юго-Западном фронте они еще не были объединены в воздушную армию, и 337 боевых самолетов (около 50%) находились в распоряжении армий. Если учесть, что 70% бомбардировщиков составляли ночные легкие По-2³, то станут очевидными крайне ограниченные возможности ВВС Юго-Западного фронта по подавлению обороны противника.

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 128—129.

² ЦАМО СССР, ф. 229, оп. 170, д. 45, л. 131—135.

³ ЦАМО СССР, ф. 251, оп. 646, д. 145, л. 145, 238.

К тому же основные их усилия направлялись на подавление объектов в глубине обороны противника.

В Харьковской наступательной операции более полно по сравнению с предыдущими операциями нашли претворение основные положения директивного письма Ставки от 10 января 1942 г. В ударные группировки включалось по две-три армии, для них определялся единый участок прорыва. В ударных группировках армий насчитывалось до восьми стрелковых дивизий, а в армии, наступавших на главных направлениях, создавались еще и подвижные группы. Однако участки прорыва были еще очень широкими, что не позволяло добиться более высокого превосходства над противником и значительных плотностей войск, особенно артиллерии.

12 мая после часовой артиллерийской подготовки северная и южная ударные группировки перешли в наступление. Войска, хорошо подготовленные в морально-политическом отношении, дружно атаковали передний край и, уничтожив оборонящегося противника, на ряде участков сразу создали условия для быстрого продвижения в глубину. На успехе ведения прорыва сказались и то, что моральное состояние войск противника, упавшее в результате нашего зимнего наступления, еще не было полностью восстановлено.

В северной ударной группировке соединениям 21-й и 38-й армий удалось уже в первый день прорвать всю главную полосу обороны противника и выйти на глубину 6—10 км. Дивизии 28-й армии, наступавшие на главном направлении, в первой половине дня продвинулись всего на 1—3 км, т. е. смогли прорвать только первую позицию, а перед второй были встречены сильным огнем резервов пехотных полков и отошедших на нее подразделений с переднего края. Именно в действиях 28-й армии сказались все минусы подготовки операции. Атака пехоты и танков вследствие несогласованности их движения к переднему краю противника и плохо проделанных саперами проходов в минных полях началась одновременно. На минах противника в первый день подорвалось 22 танка¹. Общее продвижение соединений 28-й армии за день составило всего 2—4 км.

Отставание 28-й армии от своих соседей привело к образованию в районе Терновой своеобразной пробки, грозившей разъединить усилия ударной группы. Требовалось срочно ликвидировать ее, чего можно было достигнуть атакой с фронта и с флангов свежими силами стрелковых войск после массированного удара авиации и артиллерии либо развитием удара в глубину на направлениях намечившегося успеха. Ввод хотя бы одной дивизии из двух, составлявших второй эшелон 28-й армии, позволил бы завершить прорыв главной полосы обороны и создать благоприятные условия для ввода подвижной группы. Следует отметить, что условия для ее ввода уже создались в полосе 21-й армии. Однако коман-

¹ ЦАМО СССР, ф. 382, оп. 8452, д. 45, л. 26.

дование 28-й армии не воспользовалось этим. К исходу дня дивизии второго эшелона армии начали лишь выдвижение поближе к войскам первого эшелона, а подвижная группа оставалась на своем месте — в 30—35 км от линии фронта.

Войска первого эшелона, ослабленные потерями и тем, что часть их сил была отвлечена на прикрытие флангов, к исходу дня снизили темпы наступления. Противник, воспользовавшись этим, стал подводить к участку прорыва тактические резервы, силы с неатакованных направлений и создавать группировки для нанесения контрударов.

Итак, первая возможность развития тактического прорыва в оперативный не была использована.

13 мая северная группировка добилась наибольшего успеха на флангах. Дивизии 21-й армии и правофланговые дивизии 28-й армии продвинулись на 6—10 км, охватив противника в Терновая. Дивизии 38-й армии до середины дня углубились в оборону еще на 6 км. Но устойчивость обороны противника на участке прорыва вследствие того, что он удерживал центр и фланги, не была полностью нарушена. Во второй половине дня противник нанес контрудар силами двух танковых и примерно одной пехотной дивизий в полосе 38-й армии.

Отражение контрудара с каждым днем требовало привлечения все больших сил, особенно танковых (было задействовано шесть танковых бригад), ибо противотанковых средств дивизии 38-й армии имели крайне мало. Поскольку это делалось за счет войск первого эшелона, ударные возможности группировки, наступавшей на главном направлении, начали резко падать, что сказалось на темпах развития прорыва. 14 мая они снизились до 5—6 км, а 15 мая продвижение было уже совсем незначительным. Перспективы ввода в сражение второго эшелона и подвижной группы для развития успеха, по сути дела, исчезли.

Прорыв войсками южной ударной группировки проходил намного успешнее. К исходу первого дня дивизии первого эшелона 6-й армии не только прорвали главную полосу обороны, но и на 20-километровом фронте вышли ко второй полосе¹. Армейская группа генерала Л. В. Бобкина в первой половине дня продвинулась на глубину 4—6 км. Но оборона противника оказалась расстроенной, и генерал Бобкин ввел подвижную группу, которая к исходу дня вышла на р. Орель, захватив на ней плацдарм. Глубина продвижения армейской группы составила около 12 км.

Прорыв обороны противника на фронте более 40 км, выход войск южной ударной группировки на глубину 12—15 км позволял и настоятельно требовал ввода подвижной группы 6-й армии — двух танковых корпусов (около 300 танков), ибо противник начал спешно перебрасывать сюда резервы армейских корпусов и своей 6-й армии. Но соединения подвижной группы не были даже приближены к войскам первого эшелона и находились теперь от них на удалении 35 км. Не был введен и второй эшелон армии.

¹ ЦАМО СССР, ф. 229, оп. 161, д. 836, л. 449.

На следующий день войска южной ударной группировки завершили прорыв второй полосы обороны, но их продвижение составило лишь 3—5 км в 6-й армии и до 10 км в армейской группе генерала Бобкина. Резкое снижение темпов наступления в 6-й армии свидетельствовало о необходимости наращивания усилий, и прежде всего ввода танковых корпусов. К тому же войска фактически вышли на намеченный ранее рубеж ввода их в прорыв. Однако в ночь на 14 мая рубеж ввода танковых корпусов был отнесен за тыловой оборонительный рубеж противника, оборудованный на глубине 30 км¹. Командующий фронтом переключил всю авиацию, поддерживавшую 6-ю армию, на поддержку северной ударной группы, во фланг которой противник нанес контрудар. Командующий 6-й армией не вводил в сражение и свой второй эшелон. Таким образом, на южном участке второй раз не были использованы благоприятные условия для решительного развития тактического прорыва в оперативный.

Между тем положение противника становилось все более критическим. Бывший начальник инженерных войск 6-й немецкой армии полковник Зелле пишет: «События следующего дня приняли угрожающий характер. Передовые части русских приближались к Краснограду... На рубеже р. Орель фронт 8-го корпуса, обороняемый охранными тыловыми частями, был прорван, и русские танки с кавалерией начали беспрепятственно продвигаться в западном направлении. Перешедшая в контратаку из района Ефремовки 113-я пехотная дивизия после первоначального успеха была окружена на восточном берегу р. Орель танками противника и, понеся значительные потери, отброшена на несколько километров... Потери 6-й армии в людях и материальной части были тяжелыми... На командном пункте 6-й армии в Полтаве царил тяжелое настроение. Была начата подготовка к обороне города. Были приняты меры к безопасности Киева».

Ход прорыва обороны южнее Харькова заставил заколебаться командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Бока. Теперь он считал невозможным проведение операции «Фридрикус» (кодовое наименование операции в целях окружения советских войск южнее Харькова.— А. Р.) и склонялся к нанесению удара из района Лозовой на Мерепу, как более безопасного для его группы войск и в то же время менее опасного для нашей южной ударной группы, ибо на этом направлении находились вторые эшелоны и резервы нашей 6-й армии и сюда быстрее могли быть переброшены танковые корпуса подвижной группы в случае ввода их в сражение, если бы здесь создалось критическое положение. Только приказ Гитлера заставил фон Бока предпринять контрнаступление из района Краматорска на север.

Нет сомнения, что в случае своевременного ввода танковых корпусов оперативный результат мог быть намного больше. Но командование Юго-Западного фронта стремилось завершить прорыв

¹ ЦАМО СССР, ф. 229, оп. 161, д. 836, л. 480, 481.

тыловой полосы обороны противника войсками первого эшелона и только потом ввести подвижную группу и второй эшелон 6-й армии. Это привело к затяжным боям за сильные узлы сопротивления.

Продвижение за 14 мая составило 6—8 км¹. Лишь 6-й кавалерийский корпус группы генерала Бобкина, используя свободу маневра, развивал наступление в более высоком темпе и углубился в оборону противника до 40 км.

Противник спешно начал перегруппировывать на угрожаемые направления свои резервы. Кроме 113-й и 108-й пехотных дивизий из Харькова прибывала 305-я пехотная дивизия. Постепенно противник добился равновесия сил и, опираясь на систему подготовленных позиций в глубине и поддерживая свои войска с воздуха авиацией, переброшенной с крымского направления, начал стабилизировать положение на тыловой оборонительной полосе. Перспективы ввода танковых корпусов в прорыв стали резко уменьшаться. К затуханию шла и вся операция. Однако командование Юго-Западного фронта иначе оценивало обстановку. 15 мая оно доносило в Ставку, что наступление развивается успешно и созданы условия для перехода в наступление войск Брянского фронта и дальнейшего развития наступления ударных групп. «Судя по действиям противника, мы приходим к выводу, что до сего времени ему не удалось разгадать замысел нашей операции (охватывающие удары по Харькову) и свой ударный кулак он направил на второстепенный участок нашего фронта (38-я армия) и этим предоставил свободу действий нашим ударным группировкам...» и далее: «У нас создается впечатление, что в настоящее время противник не только не готов к активным действиям в направлении Курск — Воронеж или Обоянь — Оскол, но даже не имеет солидных сил для прочного удержания за собой фронта Курск, Обоянь»².

Такова оценка обстановки командованием фронта за два дня до перехода противника в контрнаступление. Она свидетельствует не только о чрезмерном оптимизме командования фронта, слабом знании группировки и намерений противника, но и о стремлении побудить Ставку подключить к начатой операции силы Брянского фронта и провести ее с большим размахом.

15 мая первый эшелон 6-й армии своими решительными действиями захватил ряд участков на тыловой оборонительной полосе и тем самым в третий раз создал условия для ввода танковых корпусов. Но танковые корпуса к исходу дня находились в 25—35 км от рубежа боевых действий и не смогли к 3.00 16 мая войти в прорыв, как того требовал приказ главнокома Юго-Западным направлением и командующего 6-й армией³.

Ввод их в сражение был отложен еще на сутки, т. е. на утро 17 мая, когда противник сам перешел в наступление. Теперь ввод

¹ ЦАМО СССР, ф. 229, оп. 164, д. 120, л. 331.

² ЦАМО СССР, ф. 229, оп. 164, д. 17, л. 311—317.

³ ЦАМО СССР, ф. 229, оп. 164, д. 88, л. 27.

их был не только запоздалым, но и опасным, ибо над южной группой войск нависла грозная опасность, которая требовала незамедлительной переброски танковых корпусов на восток, чтобы воспрепятствовать окружению всей южной группы войск.

Утром 17 мая, т. е. на шестой день операции, танковые корпуса вступили в сражение. Но время было упущено. Противник успел завершить перегруппировку своих сил и в этот же день неожиданно нанес сильные удары по войскам Южного и Юго-Западного фронтов. 19 мая наше наступление было прекращено и войска получили приказ перейти к обороне на всем барвенковском выступе, отразить удары врага и восстановить положение.

Не касаясь причин неудачного исхода Харьковской операции в целом, следует отметить, что прорыв обороны противника осуществлялся только первым оперативным эшелоном армий. Ввод в сражение вторых эшелонов армий и танковых корпусов необоснованно задерживался. Разведка противника была организована плохо, а борьба с его резервами силами авиации велась весьма слабо. Наступление Юго-Западного фронта оказалось изолированным и не поддержанным активными действиями соседних фронтов. Это позволило противнику свободно осуществлять маневр своими силами и нанести мощные удары по нашим войскам.

Заслуживает внимания прорыв в Ржевско-Сычевской операции. Эта операция проводилась летом 1942 г. в целях сковывания сил противника на пассивном участке стратегического фронта; в ней нашли воплощение те способы ведения прорыва, которые получили дальнейшее развитие в последующих кампаниях Великой Отечественной войны.

Исходя из поставленной цели замысел операции (схема 6) состоял в том, чтобы ударами смежных флангов Калининского и Западного фронтов очистить от противника территорию в районе Ржев и Зубцов, Карамзино, Погорелое Городище, выйти и прочно закрепиться на рубеже рек Волга и Вазуза.

Западный фронт главный удар наносил 20-й и 31-й армиями на одном участке шириной 20 км на глубину лишь 35 км. Несколько южнее главного удара намечалось нанести вспомогательный удар силами примерно одной стрелковой дивизии. Спустя трие суток, т. е. тогда, когда резервы противника будут оттянуты на направление наступления главной группировки, в наступление должна была перейти 5-я армия, а затем и 33-я армия¹. Разрыв во времени перехода армий в наступление обуславливался необходимостью переброски артиллерии усиления сначала в 5-ю, а затем в 33-ю армию.

Сосредоточение усилий двух армий и сил фронта на одном участке прорыва позволило создать высокие для 1942 г. плотности: одна дивизия на 2—2,5 км, около 100 орудий и минометов калибра 76 мм и выше, 15—23 танка НПП на 1 км фронта прорыва.

¹ См.: Сандалов Л. М. Погорело-Городищенская операция. М., Воениздат, 1960, с. 14.

Боевые порядки дивизий и полков строились, как правило, в два эшелона. В каждой армии кроме второго эшелона создавалась подвижная группа в составе трех танковых бригад, а во фронте — подвижная группа из двух танковых и кавалерийского корпусов¹.

Продолжительность артиллерийской подготовки была определена в 90 минут. Учитывая, что в этой операции впервые применялись тяжелые реактивные снаряды М-30, ожидалось достаточно надежное подавление обороны противника, в которой отчетливо наметился переход к траншейной системе с созданием прочных огневых сооружений в опорных пунктах и узлах сопротивления. Кроме того, создавались высокие плотности артиллерии, предназначенной для стрельбы прямой наводкой, — 15—20 на 1 км. Для этой цели использовались орудия вплоть до 152-мм калибра. Поддержка атаки намечалась методом ПСО.

К авиационному обеспечению операции привлекались две воздушные армии. Сначала они должны были обеспечить прорыв армиями Калининского, а затем Западного фронта.

На Калининском фронте главный удар на Ржев наносила 30-я армия, по своему составу доведенная до ударной армии предвоенной организации, — 13 стрелковых дивизий, 3 стрелковых и 8 танковых бригад². Вспомогательный удар фронта наносила 29-я армия на удалении 15 км от главного силами трех усиленных стрелковых дивизий.

В армиях исходя из предвоенных взглядов тоже наносились главный и вспомогательный удары. Таким образом, во фронтовой операции, размах которой составлял по фронту около 50 км и в глубину менее 20 км, планировалось четыре удара. Учитывая, что две армии Западного фронта наносили мощный удар всего в 16 км от вспомогательного удара Калининского фронта и должны были выйти к Зубцову, т. е. туда, куда нацеливалась 29-я армия, необходимость наступления ее на самостоятельном направлении представляется малообоснованной.

Нанесение вспомогательных армейских ударов силами одной-двух дивизий при очень слабом артиллерийском обеспечении не обеспечивало прорыв сильно укрепленной обороны. Отказ от них, объединение усилий 30-й и 29-й армий на одном участке прорыва позволяли бы иметь его ширину не менее 18 км вместо 12,5 км на главном и 6 км на вспомогательном направлениях, что затруднило бы противнику закрытие образуемой брешли ближайшими оперативными резервами. При этом почти вдвое сократились бы силы на обеспечение флангов прорыва. Здесь нельзя не согласиться с мнением генерала Л. М. Сандалова, бывшего начальника штаба 20-й армии, который пишет: «Весьма вероятно, что если бы Калининский фронт соединил вместе свои силы для прорыва на одном участке, его действия под Ржевом увенчались бы более быстрым и значительным успехом»³.

¹ ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 1468, л. 26; д. 1087, л. 45—71.

² ЦАМО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 422, л. 16.

³ С андалов Л. М. Погорело-Городищенская операция, с. 117.

Плотности артиллерии на направлении главного удара хотя и были высокими для того времени — 113 орудий и минометов на 1 км участка прорыва, но не вполне соответствовали характеру обороны противника. Около 50% стволы составляли 82-мм минометы, а оборона ржевского плацдарма представляла собой полевой укрепленный район, состоявший из двух мощных оборонительных полос и крупного узла сопротивления, созданного в Ржеве¹. На вспомогательном направлении плотность артиллерии составила 67 орудий и минометов и 50 реактивных установок.

Следует отметить, что возможности для повышения плотности артиллерии и улучшения ее качественного состава на участке прорыва у Калининского фронта имелись. Всего к участию в прорыве было привлечено 50% артиллерии фронта². В четырех армиях фронта, не принимавших участия в операции, насчитывалось 22 артиллерийских и минометных полка³, не менее половины которых можно было привлечь к операции.

Плотности танков НПП были достаточно высокими для 1942 г. — 32 танка на 1 км участка прорыва на главном направлении и 16 — на вспомогательном. Но в подвижную группу 30-й армии танков было выделено мало — танковая бригада и танковый полк — всего 80 танков. В нее входили еще две стрелковые бригады и противотанковый артиллерийский полк⁴.

Для достижения внезапности командование Калининского фронта ограничилось проведением сравнительно узкого круга мероприятий. Готовилось ложное наступление в узком промежутке между участками прорыва 30-й и 29-й армий. С оперативной точки зрения оно было нецелесообразным, ибо, приняв подготовку ложной операции за действительную и подтянув резервы к северо-востоку от Ржева, противник мог противодействовать ими войскам как 30-й, так и 29-й армий, поскольку удаление его резервов от истинных участков прорыва не превышало бы 8—12 км. Более эффективной могла быть подготовка ложной фронтальной операции из района южнее г. Белый навстречу ложному удару, подготавливаемому (и давшему хороший эффект) Западным фронтом на стыке 43-й и 49-й армий, для отражения которого противник создал группировку в составе трех танковых и одной пехотной дивизий.

Наступление войск Калининского фронта началось 30 июля 1942 г. в неблагоприятных условиях. Противник, определив день перехода войск в наступление, привел свои войска в боевую готовность. Сплошная облачность, ливневые дожди затруднили проведение артиллерийской и авиационной подготовки. За весь день авиация смогла сделать только 86 самолето-вылетов.

Рядом проведенных атак ударной группировке 30-й армии удалось прорвать первую позицию. Для наращивания усилий коман-

¹ ЦАМО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 121, л. 1, 2.

² ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 1044, л. 187.

³ ЦАМО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 422, л. 67.

⁴ ЦАМО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 65, л. 23.

дующий армией ввел подвижную группу. В ее составе в основном имелись легкие танки. По размытым ливнями дорогам и колонным путям, к тому же изрытым воронками, они продвигались медленно, часть из них застряла. Артиллерийское обеспечение ввода подвижной группы оказалось неэффективным из-за малочисленности дальнобойной артиллерии и задержки с перемещением групп АПП.

Все это привело к тому, что удар ее оказался слабым и недостаточным согласованным с усилиями дивизий первого эшелона.

В итоге первого дня наступления в обороне противника была образована вмятина шириной 9 км с продвижением в центре на 6 км. На угрожаемое направление противник подвел резервы и не только стабилизировал фронт, но на исходе дня предпринял ряд контратак. Попытки углубить и расширить прорыв на второй и третий день наступления привели к весьма скромному продвижению войск армии. В последующем, после некоторой перегруппировки сил и изменения направления наступления, войскам 30-й армии удалось выйти к Волге восточнее Ржева. Под угрозой охвата флангов силами 31-й и 30-й армий противник начал отвод своих войск перед 29-й армией. В результате упорных и тяжелых боев, продолжавшихся более месяца, войска Калининского фронта продвинулись от 8 до 20 км, но поставленные задачи полностью выполнить не смогли.

Наступление войск Западного фронта из-за сильных дождей было перенесено с 31 июля на 4 августа. После полуторачасовой артиллерийской подготовки штурмовые батальоны и передовые части на плаводорогах и вброд форсировали р. Держа и вместе с танками перешли в атаку. Последовательный ввод вторых эшелонов подразделений, поддержанных огнем артиллерии и ударами авиации, позволил нарастить усилия и сделать атаку почти безостановочной на глубину всей первой позиции.

Более упорный характер бои принял за г. Погорелое Городище, превращенный в особо прочный узел сопротивления. Только около 14 часов войска правого фланга, охватив город, ворвались в него и уничтожили оборонявший его гарнизон. Это позволило объединить участки прорыва 31-й и 20-й армий и развить наступление дальше.

Атака второй позиции началась во второй половине дня после сильного огневого налета и массированного удара авиации. Части 161-й пехотной дивизии в бою за нее вновь понесли большие потери и оказались, в сущности, разгромленными. Подоспевшие резервы 27-го армейского и 46-го танкового корпусов задержали дальнейшее продвижение стрелковых дивизий, а танковые группы из-за задержки на переправах через р. Держа и при выдвигении по разбитым войсками первого эшелона дорогам, еще не просохшим после длительных дождей, не смогли в первый день вступить в бой. Лишь утром 5 августа они совместно с войсками первого эшелона перешли в наступление и завершили прорыв главной полосы

обороны. Созданная в обороне противника брешь достигла 30 км по фронту и 25 км в глубину¹.

Командующий фронтом принял решение ввести в сражение фронтовую подвижную группу. Однако вновь начавшиеся дожди затруднили переправу танковых корпусов через реку и их выдвижение на рубежи ввода в прорыв. В сражение они вошли только 6 августа и на следующий день достигли р. Вазуза². Но противник к этому времени выдвинул сюда свои оперативные резервы — три танковых и пехотную дивизии, намереваясь двумя контрударными восстановить положение. Бои приняли затяжной характер. Наши войска не только отразили контрудары, но и захватили плацдармы на реках Осуга и Вазуза.

Успех, достигнутый войсками Западного и Калининского фронтов, имел важное значение. На западном направлении временно была перехвачена инициатива, противник был лишен возможности перебрасывать уже подготовленные три танковые и несколько пехотных дивизий на Южный фронт³ для решения своих основных стратегических задач, поставленных на лето 1942 г.

* *
*

Анализ прорыва обороны противника в наступательных операциях летне-осенней кампании 1942 г. показывает, что в советском военном искусстве отчетливо наметилась тенденция решительного массирования сил и средств на участках прорыва. Это выразилось в назначении единого участка прорыва для двух-трех армий или в увеличении состава одной армии. Сосредоточение на одном участке прорыва значительного количества стрелковых соединений позволяло в два-три раза повысить их оперативную плотность, что увеличивало предпосылки для прорыва обороны противника и развития успеха в глубину. В этом в первую очередь нашло наиболее полное воплощение одно из важных положений директивного письма Ставки от 10.1 1942 г. и его развитие на практике.

Плотности артиллерии на участках прорыва по сравнению с плотностями в зимней кампании 1941/42 г. возросли в два-три раза и более, достигнув 100—150 орудий и минометов на 1 км. Однако основную массу этой плотности составляли минометы, что не позволяло надежно подавлять глубину обороны противника и тем создавать условия для безостановочного прорыва ее хотя бы до районов основных огневых позиций артиллерии противника.

Создание во фронтах воздушных армий расширило возможности массированного применения авиации. Вместе с тем в их составе было крайне мало бомбардировщиков, вследствие чего авиация не могла существенно дополнить огонь артиллерии во время артиллерийской подготовки.

¹ См.: История второй мировой войны. Т. 5, с. 245.

² ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 1466, л. 10.

³ См.: Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., Изд-во иностр. лит., 1956, с. 241.

Заметно повысились и плотности танков, особенно в операциях Западного фронта. В армиях, а в отдельных случаях даже во фронте стали создаваться достаточно мощные подвижные группы. Однако по ряду причин ввод их в сражение не всегда осуществлялся своевременно и четко. Опыт боевого применения бронетанковых войск был подытожен в приказе Народного Комиссара обороны от 16 октября 1942 г. № 325, в котором давались принципиальные установки об использовании танковых и механизированных соединений и частей.

Несмотря на отчетливо проявившуюся тенденцию массирования сил и средств на участках прорыва, оно осуществлялось не в той мере, как это было возможно и необходимо. Стремление кроме главного удара наносить и вспомогательные, сковывающие, вело к распылению сил.

Опыт наступательных операций, проведенных в целях сковывания противника, показал, что лучший результат достигался тогда, когда наносилось небольшое число ударов, но такой силы, которая обеспечивала прорыв обороны и проникновение наступающих войск на значительную глубину (Западный фронт в Ржевско-Сычевской операции). При стремлении сразу сковать возможно большие силы противника, т. е. при нанесении по нему нескольких маломощных ударов на широком фронте, ударным группировкам, особенно при поспешной подготовке наступления, как правило, не удавалось прорвать оборону врага, создать угрозу выхода к оперативным объектам и тем вынудить его привлечь на угрожаемое направление значительные резервы. Следовательно, при подготовке наступательных операций, основной целью которых является сковывание сил противника, прорыв в них необходимо планировать на общих основаниях, ограничивая лишь глубину удара, и в соответствии с этим планировать использование подвижных групп и вторых эшелонов.

В целом при проведении наступательных операций в первом, в основном оборонительном, периоде войны искусство организации и осуществления прорыва совершенствовалось с учетом изменения материальной базы и условий ведения вооруженной борьбы. Четко определились тенденции массирования сил и средств на участках прорыва, повышения надежности огневого подавления обороны противника, увеличения темпов прорыва, развития тактического успеха в оперативный путем ввода в сражение подвижных групп, вторых эшелонов и резервов. Советские войска приобрели некоторый опыт ведения прорыва на всю тактическую глубину обороны.

Обобщение опыта проведенных операций, критический анализ имевшихся недочетов позволили к концу первого периода войны выработать основные положения по вопросам подготовки и осуществления прорыва, которые сыграли важную роль в успешном решении этой проблемы в последующих периодах войны.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРОРЫВА ВО ВТОРОМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ

1. ПРОРЫВ В ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ 1942/43 г.

К началу зимней кампании 1942/43 г. Коммунистическая партия и Советское правительство провели огромную работу по мобилизации материальных и людских ресурсов, увеличению производства военной продукции и укреплению Советских Вооруженных Сил. И хотя экономическое положение страны оставалось еще трудным, а обстановка на фронте напряженной, благодаря героическим усилиям советского народа удалось не только восполнить потери, понесенные летом 1942 г., но и повысить техническую оснащенность фронтов и армий.

Рост производства вооружения и боевой техники позволил перейти к новым штатам стрелковых дивизий, развернуть дополнительно несколько танковых и механизированных корпусов, начать формирование артиллерийских, зенитных артиллерийских дивизий и дивизий реактивной артиллерии РВГК. Во фронтах завершилось объединение всей авиации в воздушные армии. Командные кадры за первый период войны обрели боевой опыт, пройдя тяжелую школу борьбы с сильным врагом. Все это расширило возможности Советской Армии по ведению глубоких операций.

Несмотря на то что летом 1942 г. противник добился крупных военных успехов на Восточном фронте, он не достиг своих конечных целей. Гитлеровское командование уже в середине октября вынуждено было перейти к стратегической обороне. Перед войсками Советской Армии встала сложная задача — сокрушить стратегическую оборону врага и развернуть кампанию по освобождению захваченных краев и областей. Для этого планировалось провести ряд наступательных операций. Причем каждая из них имела свои особенности. Наиболее характерные черты прорыва в зимней кампании 1942/43 г. проявились в контрнаступлении под Сталинградом и в операциях на Верхнем Дону.

Подготовка и осуществление прорыва в контрнаступлении под Сталинградом. Разработка замысла на контрнаступление под Сталинградом в Ставке началась еще в сентябре 1942 г. Как известно, сущность этого плана состояла в том, чтобы ударами трех фронтов — Юго-Западного, Сталинградского и Донского про-

рвать оборону противника на нескольких участках и, развивая наступление на Калач по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить главную группировку врага в районе Сталинграда. Разгром сталинградской группировки создавал в обороне врага огромную брешь, что открывало возможности для сокрушения всего южного крыла его стратегического фронта.

С точки зрения осуществления оперативных-тактических прорывов и их развития замысел на контрнаступление примечателен тем, что направления ударов избирались с учетом возможностей создания ударных группировок преимущественно там, где оборона противника была слабее, занималась недостаточно устойчивыми румынскими и итальянскими войсками. Вместе с тем ударные группировки создавались такой силы, чтобы они были способны успешно осуществить прорыв, развить его в высоких темпах до района встречи войск двух фронтов и образовать достаточно прочный внешний фронт окружения. На направлении удара, как правило, объединялись усилия двух-трех армий одного или двух фронтов (схема 7). Так, на главном направлении Юго-Западного фронта должны были наступать 5-я танковая армия и часть сил 1-й гвардейской и 21-й армий. Второй мощный удар с рубежа р. Дон наносился смежными флангами Юго-Западного и Донского фронтов силами 21-й и 65-й армий. Промежуток между двумя участками прорыва составлял около 20 км, оборонялся примерно 1,5 пехотными дивизиями и имел не более чем тактическое значение. Проникновение ударных группировок фронтов за пределы главной полосы обороны противника позволяло изолировать эти силы, а затем уничтожить их и образовать единый межфронтной участок прорыва.

Сталинградский фронт наносил удар навстречу Юго-Западному. В него вкладывались усилия трех армий. Однако каждая из них должна была осуществлять прорыв на самостоятельном участке. В тех конкретных условиях обстановки такая форма удара фронта была оправданной. Противостоящий 6-й румынский корпус оборонялся на более широком фронте, чем войска противника перед Юго-Западным и Донским фронтами, что облегчало прорыв обороны и развитие его в глубину. Кроме того, при отдельных армейских ударах уменьшался объем оперативных перегруппировок войск, что имело большое значение для выигрыша времени и достижения внезапности.

Избранная форма оперативного прорыва позволяла взломать вражескую оборону на 400-километровом фронте одновременно на нескольких направлениях, что затрудняло противнику маневр резервами в целях закрытия брешей.

Характерной чертой прорыва являлось и то, что он предпринимался, по существу, при равенстве сил сторон. Чтобы добиться на участках прорыва необходимого превосходства над врагом, советское командование проявило высокое искусство массирования сил и средств. Так, в Юго-Западном фронте на участках прорыва общей шириной 22 км было сосредоточено 50% стрелковых

дивизий, три танковых и два кавалерийских корпуса, около 80% артиллерии РВГК, вся реактивная артиллерия и большая часть авиации. В Сталинградском фронте на участках прорыва общей протяженностью 40 км сосредоточивались две трети стрелковых дивизий армий, осуществлявших прорыв, все подвижные соединения, основная масса артиллерии и авиации. Это позволило на направлениях главных ударов фронтов создать двойное и тройное превосходство. На участках прорыва ряда армий превосходство было еще большим. Например, в 5-й танковой армии оно было таким: в людях — 2,5 : 1, в артиллерии — 5 : 1, в танках — абсолютное в пределах тактической зоны обороны и 2,8 : 1 в полосе наступления¹.

В результате решительного массирования сил и средств на участках прорыва были достигнуты плотности, показанные в табл. 3.

Таблица 3

Средние плотности сил и средств на участках прорыва в контрнаступлении под Сталинградом²

Фронт, армия	Ширина полосы наступления, км	Ширина участка прорыва, км	Км на сд		Орудий и минометов на 1 км участка прорыва	Танков на 1 км участка прорыва
			во всей полосе	на участках прорыва		
Юго-Западный фронт						
5-я танковая армия	35	16	6	4,5	68	13/37
21-я армия	40	12	6,6	2,4	62	5/25
Донской фронт						
65-я армия	80	6	9	1,5	71,5	15
Сталинградский фронт						
64-я армия	36	12	5	4	47	3—4
57-я армия	35	15	14	6	33	6/12
51-я армия	110	12	24	6	30	3/12

Примечание. В числителе указана плотность танков НПП, в знаменателе — оперативная.

Из таблицы видно, что средние плотности стрелковых войск на участках прорыва в армиях Юго-Западного фронта были в два — четыре раза больше, чем во всей полосе наступления. Плотности артиллерии в армиях Юго-Западного и Донского фронтов в целом отвечали указаниям Ставки, отданным Донскому фронту 15 октября, — иметь 60—65 орудий на 1 км фронта, не считая гвардей-

¹ См.: История второй мировой войны. Т. 6, с. 45, 48.

² Таблица составлена на основании материалов ЦАМО, ф. 331, оп. 5041, д. 31, л. 16; ф. 375, оп. 5113, д. 122, л. 15—34.

ских минометов. На Сталинградском фронте они были в два раза ниже, поэтому фронт предусматривал разновременный переход армий в наступление, с тем чтобы можно было совершать маневр артиллерией с одного участка прорыва на другой, однако выполнить это намерение ввиду нехватки времени на маневр не удалось.

Оперативное построение фронтов было одноэшелонным, в резерв выделялось до двух стрелковых дивизий. Армии, осуществлявшие прорыв, имели два эшелона. В большинстве наступающих армий создавались подвижные группы. Их состав предусматривался различным. Так, в 5-й танковой армии в подвижной группе имелись два танковых и один кавалерийский корпус, в 21-й и 51-й армиях — по одному танковому (механизированному) и по одному кавалерийскому корпусу, в 24-й и 57-й армиях — по одному танковому (механизированному) корпусу.

Танковые и механизированные корпуса намечалось ввести в сражение в первый день операции через 3—4 часа после начала атаки на глубине 3,5—5 км, т. е. для завершения прорыва главной полосы обороны. К исходу дня на главных направлениях они должны были продвинуться на глубину 40—50 км. Ввиду недостаточного количества в армиях танков НПП в качестве таковых намечалось использовать часть сил танковых и механизированных корпусов.

Таким образом, прорыв и его развитие намечалось осуществлять только силами армий первого эшелона при поддержке фронтовой авиации. К сожалению, из-за недостатка сил и отсутствия в непосредственном распоряжении командующих фронтами мощных подвижных ударных средств они не могли оказывать влияние на ход и развитие операций в более высоких темпах.

В основу построения боевых порядков пехоты легли требования приказа НКО № 306 о максимальном и одновременном участии в бою пехоты и ее огневых средств от начала и до конца боя. Этим же приказом предписывалось: «С целью избежать излишней скученности боевых порядков, а отсюда и больших потерь при наступлении среднеукомплектованной дивизии (7—8 тысяч) в составе ударной группировки армии назначать полосу около 4 км и ни в коем случае не менее 3 км по фронту». На главных направлениях полосы наступления дивизий составляли 4—5 км, что позволяло иметь тактическую плотность около двух стрелковых батальонов на 1 км фронта.

Боевые задачи стрелковых дивизий на первый день определялись на глубину 11—20 км, а в отдельных случаях — 28 км.

Планирование боевых действий артиллерии осуществлялось на принципах артиллерийского наступления. Артиллерийская подготовка намечалась продолжительностью в Юго-Западном и Донском фронтах 80 минут, в Сталинградском — 40—75 минут. Из них на подавление обороны противника массированным огнем отводилось 15—20 минут или примерно 25% времени артиллерийской подготовки. Наиболее плотно подавлялись передний край и пер-

вая позиция. В ходе артиллерийской подготовки намечалось широко применять огонь из стрелкового оружия.

Действия авиации впервые планировались в форме авиационного наступления, которое включало непосредственную авиационную подготовку и поддержку действий войск в оперативной глубине. Это обеспечивало лучшее согласование ударов авиации и огня артиллерии с действиями наступающих войск. Однако усилие фронтовой авиации все еще распылялись по общевойсковым армиям, для поддержки которых создавались авиационные группы. При планировании авиационного наступления недостаточно сил выделялось для непосредственной поддержки войск, ведущих прорыв.

Большое искусство советское командование проявило в достижении внезапности перехода в контрнаступление. В этих целях проводились мероприятия стратегического, оперативного и тактического характера.

Прорыв обороны противника на Юго-Западном и Донском фронтах начался 19 ноября мощной артиллерийской подготовкой. Неблагоприятные условия погоды исключили возможность применения авиации.

Характер прорыва главной полосы обороны можно проследить на действиях соединений 5-й танковой армии (схема 8).

Во время последнего огневого налета артиллерии пехота приблизилась к переднему краю противника и в момент переноса огня артиллерии в глубину совместно с танками НПП перешла в атаку. Пехота и танки быстро ворвались на передний край обороны противника. На ряде участков атакующим подразделениям удалось проникнуть в глубину между опорными пунктами первой линии. Однако одноэшелонное построение полков не позволило развить наметившийся успех. Так, в 124-й стрелковой дивизии уже в первый час успех определился на стыке 622-го и 406-го стрелковых полков, но развить его было, по существу, нечем. Путем повторных атак к 11.00 дивизии все же удалось в центре полосы наступления прорвать первую позицию и подойти к опорному пункту на выс. 223,0. Упорной обороной и контратакой противник задержал продвижение дивизии до конца дня.

119-я стрелковая дивизия наступала более успешно. К 11.00 она на своем правом фланге прорвала первую позицию и подошла к Клиновому, где противник спешно закреплялся дивизионными резервами и отброшенными подразделениями. Ее левый фланг отстал почти на 2 км.

47-я гвардейская стрелковая дивизия такой же успех имела на левом фланге, но правый завяз в боях за поселок Большой.

Таким образом, на направлении главного удара армии к 12.00 возникли предпосылки для прорыва всей полосы обороны противника, но отсутствие в дивизиях вторых эшелонов не позволило им выполнить эту задачу.

Снижение темпов прорыва главной полосы требовало наращи-

вания силы удара средствами армий. Командующий 5-й танковой армией решил ввести в сражение танковые корпуса, которые приступили к выдвиганию из выжидательных районов вскоре после начала атаки. Это позволило им к 13.00 выйти на линию наступающей пехоты.

Одновременное появление на поле боя большой массы танков произвело на противника сильное моральное воздействие. Огнем и ударом танковые корпуса сломали сопротивление врага и быстро вышли в район основных артиллерийских позиций противника в районе Клиновой, ферма № 1. Атакой с флангов и фронта четыре танковые бригады разгромили два артиллерийских полка и батальон пехоты противника. Лишь небольшим его группам, пользуясь туманом, удалось отойти. На направлении главного удара 5-й танковой армии оборона противника оказалась прорванной. Развивая наступление, танковые корпуса к исходу дня продвинулись на 18—20 км.

Вслед за танковыми корпусами был введен 8-й кавалерийский корпус, который развил успех в сторону фланга в целях образования внешнего фронта окружения.

Успех подвижной группы армии позволил и стрелковым дивизиям повысить темпы наступления. К исходу дня они продвинулись на глубину от 3 до 19 км.

Примерно так же осуществлялся прорыв и в полосе 21-й армии. 4-й танковый корпус вводился в сражение по двум маршрутам. Две бригады на правом фланге, развернувшись в боевой порядок, во взаимодействии со стрелковыми дивизиями в середине дня завершили прорыв главной полосы обороны противника. Обходя узлы сопротивления, они начали быстро продвигаться в глубину. К исходу дня, овладев Манойлиным, бригады углубились на 30—35 км¹. На левом фланге продвижение составило 12 км.

65-я армия за первый день смогла вклиниться в оборону противника только на 3—5 км. Однако она отвлекла на себя силы 1-й кавалерийской дивизии румын, что облегчало наступление 21-й армии. Нет сомнения, что при наличии в 65-й армии подвижной группы и на направлении ее наступления оборона была бы прорвана.

Внезапность перехода войск Юго-Западного и Донского фронтов в наступление, создание двух глубоких брешей в обороне противника и вклинение еще на одном участке вызвали растерянность у немецко-фашистского командования. Это видно из задач, которые получал 19 ноября 48-й танковый корпус. Сначала ему ставилась задача нанести удар по войскам 21-й армии, по мнению командования противника наносившим главный удар. В середине дня направление удара было перенесено в полосу 5-й танковой армии. 1-й танковой дивизии румын предписывалось наступать в западном направлении, а 22-й танковой немецкой дивизии

¹ ЦАМО СССР, ф. 335, оп. 5113, д. 124, л. 13.

и 7-й румынской кавалерийской дивизии — в северо-восточном направлении. Ударами этих соединений противник намеревался ликвидировать образовавшуюся в обороне брешь. Однако наши танковые и стрелковые войска успешно отразили контрудар, чем были созданы предпосылки для стремительного наступления к намеченным рубежам.

20 ноября 26-й танковый корпус, умело применяя маневр на поле боя, удары по противнику с флангов, начал быстро продвигаться вперед. Овладев Перелазовским, он открыл путь войскам армии в оперативную глубину. Но рассредоточенность бригад на большом фронте при одной радиостанции в штабе корпуса, большое отставание стрелковых дивизий привели к задержке продвижения корпуса к Калачу. Лишь в середине дня 21 ноября он устремился к Дону, уступом за ним продвигался 1-й танковый корпус.

Прорыв в армиях Сталинградского фронта начался 20 ноября и проходил также в сложных метеорологических условиях и без поддержки авиации. Артиллерийская подготовка началась разновременно: в 51-й армии — в 7 часов 30 минут, в 57-й армии — в 8 часов 15 минут, а в 64-й армии лишь в 13 часов 50 минут. Несмотря на трудные условия ведения огня, оборона противника все же оказалась в основном подавленной, чему в немалой степени способствовала достигнутая внезапность. В короткий срок войска 51-й и 57-й армий прорвали первую позицию. Из-за сильного морального потрясения и слабости резервов противник не смог предпринять действенных мер по ликвидации обозначившихся брешей в своей обороне. Это позволило нашим стрелковым войскам выйти в районы основных артиллерийских позиций противника и создать благоприятные условия для ввода подвижных групп армий. К исходу дня 4-й механизированный корпус продвинулся на 10—15 км, а 13-й механизированный корпус — на 16—17 км.

Успех войск 64-й армии был значительно меньшим, так как для наступления у нее оставалось мало светлого времени и она не имела подвижной группы.

С утра 21 ноября после короткой артиллерийской подготовки армии возобновили наступление. Отражая контратаки подошедших резервов противника, 51-я и 57-я армии на главных направлениях завершили прорыв, объединили его в одну фронтовую брешь и перерезали железную дорогу Сталинград — Котельниково, открыв тем самым путь на Советский, где в 16 часов 23 ноября произошло соединение войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов, замкнувших фронт окружения.

Анализ прорыва в ноябрьской операции под Сталинградом показывает, что успех был обеспечен правильным выбором направлений главных ударов, решительным массированием на участках прорыва сил и средств, достижением внезапности, искусным применением артиллерии, бронетанковых войск, высоким наступательным порывом личного состава.

Опыт прорыва обороны противника в районе Сталинграда нашел дальнейшее развитие в операции «Малый Сатурн», прове-

денной на Среднем Дону во второй половине декабря 1942 г. войсками Воронежского и Юго-Западного фронтов. На направлении главного удара, наносимого смежными флангами двух фронтов, была создана ударная группировка еще большего состава — 12 стрелковых дивизий, четыре танковых корпуса и 2500 орудий и минометов.

Участки прорыва стрелковых дивизий были сужены до 2,2—3,5 км. Произошли изменения в построении боевых порядков: стрелковые дивизии в 1-й гвардейской армии имели два эшелона, а в остальных армиях — один эшелон, но полки везде строились в два эшелона. Это являлось следствием влияния опыта ноябрьской операции, в которой к двухэшелонному построению полки и дивизии начали прибегать с первых дней наступления¹.

Прорыву обороны противника предшествовала разведка боем, проведенная 14 декабря 1942 г., т. е. за двое суток до начала наступления. Хотя она применялась и раньше, но здесь перед разведкой боем ставились более конкретные задачи, определенные распоряжением Верховного Главнокомандующего Юго-Западному и Воронежскому фронтам в начале декабря 1942 г. Касаясь подготовки операции, он указывал: «...Так как немцы знают о наших М-30, взрывающих весь передний край обороны, они усвоили поэтому тактику следующую: оставляют на переднем крае только охранение, а сам передний край относят в глубину на 4—5 км. Этой тактике немцев мы должны противопоставить свою контртактику, а она заключается в том, что нам нужно раньше, чем перейти в наступление, делать боевую разведку с целью вскрытия переднего края обороны, и надо во что бы то ни стало добратся до переднего края обороны противника. Провести ряд активных разведок, взять пленных и через них все узнать, с тем чтобы напрасно не израсходовать боеприпасы. Разведку провести боем, отдельными батальонами за два дня до начала операции»².

Наступление на Среднем Дону еще раз подтвердило, что массирование сил и средств на участках прорыва является одной из важнейших предпосылок успеха прорыва. Возрастание прочности обороны требует и более высоких плотностей сил и средств, в первую очередь артиллерии.

Некоторые новые моменты в развитии искусства прорыва обороны противника проявились в операции по разгрому окруженной под Сталинградом группировки врага. Они были обусловлены тем, что войскам Донского фронта пришлось прорывать подготовленную оборону, организованную противником по бывшим оборонительным обводам Сталинграда. На главном направлении объединялись усилия трех армий. Главная ударная группировка, развернувшаяся на 16-километровом участке, состояла из 13 стрелковых дивизий и различных частей усиления. Всего в ней сосре-

¹ ЦАМО СССР, ф. 242, оп. 6850, д. 10, л. 240; л. 5, л. 184; ф. 227, оп. 140946, д. 1, л. 1, 2; ф. 266, оп. 271, д. 19, л. 18.

² Цит. по кн.: Москаленко К. С. На юго-западном направлении 1941—1943. Изд. 2-е. Кн. 1. М., «Наука», 1973, с. 383, 384.

доточивалось 33% стрелковых дивизий, 50% артиллерийских, 57% гвардейских минометных и 75% танковых бригад и полков фронта¹.

Сужение ширины фронтного удара и дополнительное усиление Донского фронта артиллерией РВГК позволило создать очень высокую для начала 1943 г. ее плотность. На участке прорыва 65-й армии шириной 12 км она достигала 135,6, а в полосах некоторых дивизий — 160—165 орудий и минометов на 1 км. Кроме того, на участке прорыва армии были сосредоточены две дивизии реактивной артиллерии. Высокие плотности артиллерии позволили создать шести — восьмикратное превосходство над противником, а на направлении главного удара 65-й армии — десятикратное, хотя общее превосходство артиллерии составляло 1,7 : 1.

В артиллерийской подготовке отводилось специальное время для ведения огня орудиями прямой наводки, плотность которых на участке прорыва 65-й армии достигала 37 орудий на 1 км фронта. Новый шаг вперед был сделан в организации артиллерийской поддержки атаки, которая осуществлялась огнем валом на глубину до 1,5 км².

Наступление началось 10 января 1943 г. Атаке пехоты и танков предшествовала непосредственная авиационная и мощная артиллерийская подготовка. Высокая степень массирования артиллерии позволила взломать подготовленную оборону противника. Преодолевая ожесточенное сопротивление окруженных войск противника, мотострелковые соединения в первый день наступления на ряде участков продвинулись на 6—8 км.

По мере сужения фронта наступления увеличивалась плотность артиллерии. Так, при прорыве бывшего внутреннего сталинградского обвода плотность ее на участке прорыва ударной группировки возросла до 186 орудий и минометов, а на участке прорыва 21-й армии — до 222 орудий и минометов на 1 км. К концу января плотность артиллерии на участке 27-й гвардейской стрелковой дивизии была доведена до 338 орудий и минометов на 1 км фронта³.

Возрастание мощи артиллерийского огня вело к значительному снижению потерь в наших войсках и повышению их в войсках противника. Если в первые три наиболее тяжелых дня прорыва потери доходили до 4% состава армии⁴, то в последние дни штурма, несмотря на ведение боя в городских условиях, они не превышали 2%⁵. Потери противника, находившегося в обороне, за первые 16 дней операции «Кольцо» достигли свыше 100 тысяч человек, что составило почти 1/3 численности окруженной группировки.

В контрнаступлении под Сталинградом искусство прорыва и

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 75.

² См.: История второй мировой войны. Т. 6, с. 78.

³ ЦАМО СССР, ф. 422, оп. 12568, д. 20, л. 64.

⁴ См.: Великая победа на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 455.

⁵ ЦАМО СССР, ф. 226, оп. 366, д. 16, л. 176—198.

его развитие на всю оперативную глубину поднялось на новую, более высокую ступень. Опыт прорыва еще раз показал, что успех достигается не только наличием общего превосходства в силах и средствах над противником, но и умением создавать его на избранных направлениях за счет строгой экономии сил на второстепенных участках, а также достижением внезапности.

Прорыв обороны противника под Сталинградом не получил немедленного развития в стратегическую глубину, поскольку значительные усилия потребовались для отражения попыток врага деблокировать окруженную группировку и для ее уничтожения. Образовавшаяся пауза в ведении наступательных операций позволяла противнику за счет привлечения сил из стратегического резерва и других направлений укрепить ослабленный участок фронта и тем самым предотвратить образование в своей обороне стратегической брешы.

Предвидя это, советское Верховное Главнокомандование предусмотрело проведение серии операций по сковыванию сил противника на других направлениях и окончательному разрушению стратегического фронта обороны противника на юго-западном направлении. К ним относятся операции советских войск на Верхнем Дону и операция Западного и Калининского фронтов по ликвидации ржевского выступа противника (операция «Марс»), операции Закавказского фронта по разгрому группы армий «А».

Подготовка Острогжско-Россошанской операции началась в двадцатых числах декабря 1942 г., когда вокруг окруженной под Сталинградом группировки врага было создано плотное кольцо, а попытка деблокировать ее закончилась поражением армейской группы «Гот».

По директиве Ставки Воронежскому фронту предстояло провести наступательную операцию с задачей разгромить вражеские войска на Верхнем Дону и освободить от противника участок железной дороги Лиски—Кантемировка. Обеспечение операции с юга возлагалось на 6-ю армию Юго-Западного фронта.

Основные усилия противника сосредоточивались на удержании тактической зоны обороны, которая состояла из главной полосы глубиной 6—8 км и второй полосы, подготовленной в 12—20 км от переднего края. Оборонительные позиции противник совершенствовал в течение шести месяцев, за исключением участка южнее Первомайска, где он только что укрепился и его оборона была слабой.

Воронежский фронт к концу декабря имел 18 стрелковых дивизий, 5 стрелковых и 9 танковых бригад — более 243 тыс. солдат и офицеров, около 4 тыс. орудий и минометов калибра 76 мм и выше, 909 танков и 208 самолетов¹. Он превосходил противника по артиллерии в 2,2 раза, по танкам — в 3 раза, но уступал в живой силе и авиации.

¹ См.: История второй мировой войны. Т. 6, с. 110, 111.

Советское командование обстоятельно учло все особенности сложившейся обстановки в полосе предстоящего наступления и приняло смелое решение: тремя ударными группировками, сосредоточенными на плацдармах у 1-е Сторожевое и Щучье, а также в районе северо-западнее Кантемировки прорвать оборону противника и, развивая наступление по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить его группировку.

Избранная форма оперативного прорыва (схема 9) в наибольшей мере отвечала определенной фронту цели операции, положению наших войск (наличие плацдармов на Дону) и состоянию, в котором находились войска противника. В отличие от контрнаступления под Сталинградом здесь наносились только армейские удары, а рассекающий — даже отдельным стрелковым корпусом. Так как оборона была более подготовленной, чем под Сталинградом, удары казались более слабыми. Но в условиях наличия стратегической инициативы, спада морального духа войск противника их сила позволяла не только прорвать оборону, но и развить удар в оперативную глубину.

Учитывая, что наступление противника в полосе фронта было маловероятным, советское командование пошло на очень смелое ослабление второстепенных направлений и создание за счет этого таких ударных группировок, которые были бы способны самостоятельно прорвать вражескую оборону и развить успех в оперативную глубину.

В 40-й армии на участке прорыва шириной 10 км сосредоточивались пять стрелковых дивизий, одна стрелковая и три танковые бригады. На остальном 75-километровом фронте полосы армии были оставлены различные подразделения и части общей численностью 8 стрелковых батальонов, 57 орудий, или 1 батальон на 10 км и менее одного орудия на километр фронта¹.

В 18-м отдельном стрелковом корпусе на 8-километровом участке прорыва сосредоточивалось три стрелковые дивизии и одна стрелковая бригада со средствами усиления. Для обороны участков протяжением 156 км оставлялась одна стрелковая дивизия и отдельные подразделения силою до 12 батальонов².

Самую мощную ударную группировку образовывала 3-я танковая армия. В первый ее эшелон выделялись три усиленные стрелковые дивизии, а для развития прорыва нацеливались два танковых корпуса. На левом фланге этой армии намечалось ввести в прорыв и 7-й кавалерийский корпус.

Боевые порядки стрелковых соединений первого эшелона ударных группировок строились в один-два эшелона, а стрелковых полков — в два эшелона.

В результате решительного массирования сил и средств на главных направлениях были созданы несколько большие плотно-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 2, с. 113.

² Там же.

Таблица 4

Средние плотности и соотношение сил и средств на участках прорыва в Острогожско-Россошанской операции

Ударная группировка	Участок прорыва, км	Плотности на участке прорыва			Соотношение сил и средств		
		км на сд	орудий и минометов	танков	по пехоте	по артиллерии	по танкам
40-я армия	10	1,8	92	13,3	3,7:1	8,2:1	1,3:1
18-й отдельный стрелковый корпус	8	2,3	83	15	3,5:1	8,0:1	1,2:1
3-я танковая армия	16	5	52	$\frac{10}{26}$	2,3:1	5,1:1	3,7:1

Примечание. В числителе указана плотность танков НПП, в знаменателе — оперативная.

сти, чем при переходе в контрнаступление под Сталинградом, что обеспечивало превосходство над противником (табл. 4).

Несмотря на то что вражеские войска были в значительной степени морально надломлены, командование Воронежского фронта сделало многое, чтобы добиться максимальной внезапности удара, достижение которой осложнялось ограниченностью плацдармов, с которых переходили в наступление 40-я армия и 18-й отдельный стрелковый корпус. Значительную роль в этом сыграли мероприятия по дезинформации. В период подготовки операции «Сатурн» 40-я армия имитировала подготовку наступления со сторожевского плацдарма, одновременно используя эту имитацию для подготовки своей наступательной операции. Когда же внимание противника в результате удара на Среднем Дону ослабло, командование 40-й армии провело ряд мер по оперативной маскировке. Все перегруппировки войск проводились только ночью; значительная часть артиллерии развертывалась за рекой, чтобы лишить противника возможности обнаружить ее с наземных пунктов; южнее Воронежа демонстрировались сосредоточение и подготовка войск к наступлению.

Прорыву обороны противника предшествовала разведка боем передовыми батальонами, проведенная за двое суток до начала наступления. В 40-й армии атака передовых батальонов обеспечивалась часовой артиллерийской подготовкой с привлечением около половины всей артиллерии. Их действия были успешными. Вводом главных сил двух дивизий удалось вклиниться в оборону противника на 6-километровом фронте на глубину до 3,5 км. Разведка боем в 18-м стрелковом корпусе и в 3-й танковой армии позволила только уточнить передний край и вскрыть огневую систему противника.

Командующий 40-й армией, оценив результаты разведки боем, решил, с одобрения командующего фронтом, с утра 13 января,

т. е. на сутки раньше намеченного срока, перейти в наступление. Перед дивизиями, уже надломившими оборону противника, артиллерийская подготовка была заменена огневым налетом по узлам сопротивления, штабам и батареям противника. Войска армии быстро завершили прорыв главной полосы обороны на всем участке и продвинулись на глубину до 10 км.

На следующий день войскам армии пришлось отражать сильные контратаки противника, что привело к некоторой задержке развития прорыва. Командующий армией ввел второй эшелон: дивизию — на главном направлении, стрелковую бригаду — для расширения участка прорыва в сторону правого фланга. К исходу дня удалось осуществить прорыв на глубину до 17 км и расширить его до 50 км. Однако только на отдельных направлениях дивизии подошли ко второй полосе, которую противник занял подошедшими резервами. Это потребовало ввода в бой еще одной дивизии, переданной армии из резерва фронта. Полностью прорыв тактической обороны был завершён только на третий день.

Причины затяжки прорыва тактической зоны обороны, несмотря на очень удачное начало, состояли в том, что 40-я армия перешла в наступление одна, за день до общего наступления, чем привлекла к себе оперативные резервы; в результате запоздалого прибытия из Юго-Западного фронта 4-го танкового корпуса она оказалась без эшелона развития успеха; серьезную угрозу ей создавал открытый правый фланг, на обеспечение которого командующий вынужден был выделить значительные силы. Но разгром оперативных резервов противника в пределах тактической глубины обороны открыл широкие возможности для быстрого выхода войск 40-й армии на пути отступления основных сил 2-й венгерской армии в целях ее окружения, которое и завершилось 18 января 1943 г.

Войска 18-го отдельного стрелкового корпуса перешли в наступление 14 января после двухчасовой артиллерийской подготовки и в первый день прорвали главную полосу обороны. Однако противник, зная о переходе наших войск в наступление с плацдарма в районе Щучье, выдвинул против корпуса из оперативного резерва две дивизии — танковую и пехотную. Соотношение сил уравнилось, и наступление корпуса затормозилось на три дня. Хотя развитие прорыва на самостоятельном направлении корпусу оказалось не по силам, в общем ходе операции его действия сыграли большую роль. Сковав крупные оперативные резервы противника, он лишил его возможности оказывать значительное противодействие развитию прорыва на направлениях ударов 40-й и 3-й танковой армии.

Командующий 3-й танковой армией, получив дополнительные данные о противнике, решил увеличить продолжительность артиллерийской подготовки до полутора часов¹. Эта мера, безусловно,

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1960, с. 185.

была правильной. Однако допущенные при спешном планировании артиллерийского наступления ошибки привели к недостаточной эффективности огня. К тому же между концом артиллерийской подготовки и атакой образовался пятиминутный разрыв, позволивший противнику привести себя в порядок и подготовиться к отражению атаки. Запоздали перейти в атаку и застрявшие в заснеженном овраге танки. Вследствие этого первая атака успеха не имела. Лишь предприняв новые усилия, стрелковые дивизии с приданными танками за три часа смогли вклиниться в оборону на глубину 1—3 км.

Командующий 3-й танковой армией вынужден был ввести в сражение танковые корпуса. Их удар решил исход прорыва. К концу первого дня они преодолели всю тактическую зону обороны, оторвавшись от пехоты на 6—8 км. Глубина созданной брешки достигала 23 км, ширина — 10 км. Однако продвижение двух правогофланговых дивизий составило всего 2—4 км. Таким образом, оперативные-тактические ошибки привели к тому, что возможность быстро прорвать расшатанную оборону в полной мере не была использована.

Конечные результаты Острогожско-Россошанской операции оказались значительными: были разгромлены 2-я венгерская армия, итальянский альпийский, 24-й немецкий танковый корпуса и большая часть сил оперативного резерва группы армий «Б»; захвачена железная дорога на участке Лиски — Кантемировка, крайне необходимая для проведения операции по овладению Харьковским промышленным районом, освобожден значительный район между реками Дон и Оскол. Этим были созданы благоприятные условия для проведения следующей — Воронежско-Касторненской операции.

Эта операция по своему характеру многими чертами сходна с Острогожско-Россошанской: противник был еще более потрясен на левом фланге полосы, в которой должно было развернуться новое наступление, оборона противника проходила по поспешно занятому рубежу, на укрепление которого противник израсходовал все свои резервы. Приток сил с других участков в ближайшее время был ограничен; Воронежский и Брянский фронты наносили удары навстречу друг другу.

В 13 часов 24 января 1943 г. после 30-минутной артиллерийской подготовки 40-я армия перешла в наступление. Слабо подавленный противник открыл по войскам сильный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь. Бои на фронте армии с началом атаки приняли затяжной и упорный характер. Продвижение стрелковых дивизий наметилось лишь в центре и к исходу дня составило 0,5—3 км.

Успешнее действовал 4-й танковый корпус, который наступал в первом эшелоне вместе со стрелковыми дивизиями. За два часа он продвинулся на 6—8 км, но понес существенные потери. Прорваться в этот день в оперативную глубину ему не удалось. Об-

щее продвижение его составило 16 км вместо запланированных 35 км. Из всех стрелковых дивизий лишь одна, воспользовавшись успехом 4-го танкового корпуса, продвинулась на 5—6 км, а две стрелковые дивизии и бригада весь день вели бои за передний край обороны противника. Вследствие этого между танковым корпусом и стрелковыми соединениями нарушилось и без того наспех организованное взаимодействие, что существенно отразилось на развитии прорыва в оперативную глубину. На следующий день войска продвинулись на 10—18 км. Лишь отсутствие в танковом корпусе горючего не позволило 25 января захватить Касторное.

В 60-й и 38-й армиях прорыв принял затяжной характер. Зато в 13-й армии, где превосходство над противником составило по пехоте 4,7:1, по артиллерии 9:1, по танкам 5:1, уже к 15.00 хорошо подготовленная оборона противника оказалась прорванной на глубину 6—7 км, что соответствовало задаче дня. Это позволило ввести в сражение подвижную группу армии и две стрелковые дивизии. К исходу второго дня армия преодолела оборону противника на глубину 20 км, расширила фронт прорыва до 25 км, чем был открыт путь на Касторное.

Прорывы, осуществленные в ходе Воронежско-Касторненской операции, их развитие в глубину привело к окружению и разгрому более одиннадцати дивизий противника, что создало в его обороне оперативную брешь шириной около 160 км. Вместе с полосами наступления 3-й танковой армии и 18-го стрелкового корпуса фронт прорыва составил около 300 км.

В эти же дни успешно развивалось наступление войск Юго-Западного фронта на Донбасс и Южного — к низовьям Дона. С каждым днем стратегическая брешь в обороне врага возрастала. К началу февраля она достигла 540 км, а с участком от Дона до Кумы, где поспешно отходили небольшие группы противника, — 900 км.

Сокрушение обороны противника на юго-западном направлении создало благоприятные предпосылки для развития наступления на западном направлении и Северном Кавказе, что позволяло еще более расширить стратегический прорыв, использование которого оперативным преследованием могло привести к еще большим стратегическим результатам. Однако безуспешные действия Калининского и Западного фронтов при проведении операции «Марс» и недостаточно решительное наступление войск Закавказского фронта не позволили, как намечалось, выйти к Десне и Днепру весной 1943 г.

В основе неудач этих фронтов лежали существенные ошибки, допущенные при подготовке и ведении прорывов.

Замысел операции «Марс» (схема 10) состоял в том, чтобы восемью ударами Западного и четырьмя ударами Калининского фронтов раздробить оборону в районе ржевского выступа и, уничтожив оборонявшие его силы, выйти в район Смоленска. Одновременно Калининский фронт силами 3-й ударной армии предпринимал наступление на Великие Луки, Новосокольники.

В силу того что в общей сложности создавалось 13 ударных группировок, большинство из них, за исключением зубцовской Западного фронта и оленинской Калининского фронта, оказались небольшого состава — три-четыре дивизии с механизированным или танковым корпусом. Множественность ударов, из которых более половины были сковывающими, привела к распылению огневых средств. Плотности артиллерии в некоторых группировках хотя и достигали 70—85 и даже 100 орудий и минометов на 1 км участка прорыва, но половину из них составляли минометы, которые могли вести огонь только по первой позиции.

Нерешенной оказалась и проблема достижения внезапности ударов в условиях, когда нужно было показывать подготовку крупной операции, чтобы ввести противника в заблуждение о направлении главного удара в кампании.

Наступление началось в снежную бурю. Вследствие плохой видимости результаты артиллерийской подготовки оказались низкими, особенно на участках прорыва 20-й и 31-й армий.

Противник задолго до начала операции вскрыл районы развертывания ударных группировок, уплотнил перед ними войска, особенно артиллерию, приблизил к флангам оперативные резервы. С началом нашей артиллерийской подготовки он открыл сильный ответный огонь. Выдвижение пехоты и танков с удаленного исходного положения в значительной степени было дезорганизовано, взаимодействие в момент атаки переднего края нарушилось, ибо некоторые стрелковые подразделения запоздали или сбились в пургу со своих направлений. Только отдельным подразделениям дивизий 31-й армии удалось ворваться в первую траншею противника¹. Развить их успех в полках и дивизиях было нечем. Пришлось вводить в сражение дивизию из второго эшелона армии, на что ушло значительное время, в течение которого дивизии первого эшелона находились под интенсивным обстрелом артиллерии противника. Когда была введена в сражение свежая дивизия, они слабо поддержали ее атаку, и она продвинулась всего на 1 км.

Соединения 20-й армии за первый день продвинулись от 1 до 3 км. Результат наступления сковывающих групп оказался еще меньшим.

На второй день командование фронта повторило артиллерийскую подготовку, чем допустило перерасход боеприпасов, отпущенных на всю операцию². Но успех наметился только в полосе одной дивизии 20-й армии. Здесь был введен в сражение танковый корпус, который стремительной атакой пробился к железной дороге Ржев — Сычевка и перерезал ее. Наступая без поддержки пехоты, он потерял 70 танков из 120. Воспользовавшись образовавшимся разрывом между 6-м танковым корпусом и стрелковыми дивизиями, противник снова занял ряд населенных пунктов. Вести вслед за ним кавалерийский корпус в этот и следующий

¹ ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 1467, л. 11, 12.

² ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 2513, д. 1156, л. 265, 266.

день не удалось. Лишь ночью 28 ноября две кавалерийские дивизии проскочили к танковому корпусу, не создав, однако, своим броском бреши, через которую можно было бы развить успех всей армии. Отрезанные от главных сил, они вынуждены были в последующем перейти к партизанским действиям.

Несколько лучше проходил прорыв на Калининском фронте. В полосах 22-й и 41-й армий удалось пробить бреши в обороне на всю тактическую глубину. Но для этого пришлось ввести в сражение механизированные корпуса, ибо слабые первые эшелоны армий не в силах были выполнить поставленных задач.

3-й механизированный корпус был введен в сражение в полосе наступления 22-й армии на второй день операции, когда оборона противника не была надломлена, а его оперативные резервы уже начали выдвижение к участку прорыва. Это привело к затяжным боям в тактической зоне обороны. Корпус нес большие потери и продвигался медленно. Введенная из резерва армии стрелковая дивизия не изменила оперативной обстановки на направлении наступления 22-й армии. Прорыв заглох¹.

1-й механизированный корпус был введен в сражение в первый день, когда наступательные возможности соединений первого эшелона 41-й армии были еще значительными. Усилив их удар, он завершил прорыв тактической зоны обороны противника и на третий день вышел на глубину 33 км. Развивать удар дальше ему было опасно, ибо к открытым флангам и разрывам, образовавшимся между ним и отставшими стрелковыми соединениями, стали подходить крупные оперативные резервы противника.

Командующему 41-й армией не удалось своим слабым резервом закрыть разрывы. Через них противник нанес удар двумя танковыми и одной пехотной дивизиями и восстановил положение.

В течение декабря еще дважды предпринимались попытки срывать ржевский выступ, однако безуспешно.

Срыв намерений противника закончить 1942 г. решительной победой, признание им факта неизбежности длительной войны вынудили его на северо-западном и западном направлениях перейти к позиционной обороне. Операции, связанные с прорывом такой обороны, показали, что для ее взламывания требуется мощное огневое поражение, что достигалось созданием высоких плотностей артиллерии, повышением точности огневых ударов, надежным согласованием движения огня и боевых порядков войск.

Прорыв глубокой позиционной обороны требовал и глубокого построения наступающих войск. Одноэшелонное построение полков и дивизий, введенное приказом НКО № 306, лишало наступающие стрелковые войска возможности развивать успех через ослабленные в обороне врага участки, наращивать силу удара, чтобы добиться непрерывности атаки. В ходе кампании войска перешли к построению глубоких боевых порядков частей и соединений. В подразделениях сохранилось преимущественно одноэшелонное построение.

¹ ЦАМО СССР, ф. 213, оп. 2002, д. 179, л. 41.

Решающим средством развития тактического прорыва в оперативный были танковые и механизированные корпуса, наиболее выгодным моментом ввода которых являлось завершение прорыва пехотой наиболее сильного рубежа обороны — первой позиции, а лучше — полковых участков обороны врага. Ввод их в сражение раньше вел к значительным потерям.

Прорыв менее устойчивой обороны проходил при более низких плотностях войск. Однако опыт операций показал, что при подготовке прорыва в короткие сроки неизбежны определенные ошибки, которые ведут к снижению эффективности огня и согласованности действий войск. Чтобы достигнуть безусловного прорыва обороны и в достаточно высоком темпе, плотности войск на участках прорыва должны быть близки к тем, которые создаются при прорыве подготовленной обороны.

В зимней кампании 1942/43 г. фактор достижения внезапности оставался одним из важных при подготовке и осуществлении прорыва как позиционной, так и недостаточно развитой обороны противника.

Полученный многообразный опыт прорыва в ходе этой кампании лег в основу подготовки наступательных операций в летне-осенней кампании 1943 г.

2. ПРОРЫВ ПОЗИЦИОННОЙ ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА В ОПЕРАЦИЯХ ЛЕТНЕ-ОСЕННЕЙ КАМПАНИИ 1943 г.

К лету 1943 г. благодаря самоотверженному труду советского народа, руководимого Коммунистической партией, значительно увеличился выпуск военной продукции. При этом заметно возросло производство новых образцов вооружения. По сравнению с началом предыдущей кампании численность личного состава действующей армии увеличилась незначительно — на 24 тыс. человек, но количество орудий и минометов возросло на 28%, танков и САУ — на 26%, боевых самолетов — в 2,4 раза.

К началу кампании в основном завершился переход стрелковых войск на корпусную организацию, что способствовало улучшению управления войсками и их использованию в бою. Создается армейская и корпусная артиллерия. В артиллерии РВГК были сформированы артиллерийские корпуса прорыва, пушечные артиллерийские дивизии и др. Это намного повысило возможности оперативного маневра крупными массами артиллерии и их сосредоточения на участках прорыва.

Рост производства бронетанковой техники позволил сформировать пять танковых армий новой организации, увеличить число отдельных танковых и механизированных корпусов, отдельных танковых бригад, танковых и самоходно-артиллерийских полков.

Немецко-фашистское руководство после поражения под Сталинградом и на Кавказе пришло к выводу, что «возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует»¹. Начав готовить крупное наступление в районе курского выступа, оно приняло все меры по созданию прочной обороны на всем Восточном фронте. В оперативном приказе ставки вермахта от 13 марта 1943 г. № 5 указывалось, что «на отдельных участках фронта задача сводится к обескровливанию наступающего противника. Здесь мы заблаговременно должны создать особенно прочную оборону путем применения тяжелого оружия, совершенствования позиций в инженерном отношении, установки на необходимых участках минных заграждений, оборудования тыловых опорных позиций, создания подвижных резервов и т. д.»².

Этот приказ закреплял переход германской армии к позиционной глубоко эшелонированной обороне, состоящей, как правило, из двух полос с двумя-тремя позициями в каждой, оборудованных с широким применением траншей, ходов сообщения, различных заграждений и прочных огневых сооружений и укрытий.

Советское командование еще в конце 1942 г. вскрыло тенденцию перехода противника от очаговой обороны к позиционной и заблаговременно приняло меры, обеспечивавшие успешный прорыв такой обороны. Это выражалось в целеустремленном направлении качественного и количественного развития средств вооруженной борьбы, особенно артиллерии, совершенствовании организационной структуры войск, а также в методах планирования и осуществления прорыва в операциях и в кампании в целом.

Учитывая, что к лету 1943 г. Советская Армия еще не располагала возможностями для сокрушения противника одновременно на всем советско-германском фронте, советское Верховное Главнокомандование на основе глубокого анализа военно-политической обстановки переходит к заблаговременному планированию ряда последовательных операций на широком фронте. Это позволяло шире и целеустремленнее маневрировать резервами, особенно артиллерией РВГК, бронетанковыми войсками, авиацией и материальными средствами, и создавать такие ударные группировки, которые были способны осуществить взлом, прорыв позиционной обороны и развитие каждой из операций на значительную глубину.

Ставка Верховного Главнокомандования, приняв решение измотать противника в преднамеренной и упорной обороне в районе Курского выступа, предусмотрела переход в контрнаступление в целях разгрома наиболее крупных его группировок в районах Орла, Белгорода и Харькова. После этого намечалось развернуть наступательные операции к Днепру на всем юго-западном, а также западном направлениях.

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!». М., «Наука», 1967, с. 458.

² Там же, с. 499, 500.

В отличие от двух предыдущих наступательных кампаний советских войск в замысле на летне-осеннюю кампанию 1943 г. отчетливо просматривается идея развития ряда оперативно-тактических прорывов в стратегический, т. е. образования в стратегическом фронте противника широкой брешы, в которой можно было бы развернуть маневренные действия крупными силами и для закрытия которой противнику пришлось бы привлечь свои стратегические резервы и ослабить другие участки фронта.

Заблаговременное планирование развития ряда оперативно-тактических прорывов в стратегический — начало качественного нового этапа в эволюции прорыва в советском военном искусстве, получившее наиболее полное воплощение в последних кампаниях Великой Отечественной войны.

Прорыв в контрнаступлении под Курском. Для проведения контрнаступления Ставка привлекла крупные силы: 132 стрелковых, 13 артиллерийских, 3 минометных и 19 зенитных дивизий, 17 танковых корпусов и значительное количество отдельных бригад, полков и дивизионов. Насчитывалось 1396 тыс. человек, 19,1 тыс. орудий и минометов, более 3,4 тыс. танков и САУ и 2172 самолета¹. Это составляло около 30% всех сил Советской Армии. Они сосредоточивались на участке, немного превышавшем 10% всего советско-германского фронта. Такая концентрация сил и средств позволяла оперативным инстанциям создавать мощные наступательные группировки и избирать решительные формы прорыва и ведения операций в целом (схема 11).

Замысел Орловской наступательной операции предусматривал нанесение четырех мощных ударов: с севера — войсками левого крыла Западного фронта, с юга — войсками Центрального фронта в целях выхода к западу от Орла, с востока — двух пересекающих ударов Брянского фронта непосредственно на Орел.

В Белгородско-Харьковской операции был избран иной способ оперативного прорыва: мощный пересекающий удар, дополненный несколькими вспомогательными ударами, с целью расчленив противостоящую группировку врага на две части, охватить и разгромить противника в районе Харькова.

Разгромом вражеских сил в орловском выступе и в районе Харькова предусматривалось образование брешы в стратегическом фронте противника, через которую можно было бы развить военные действия непосредственно к Днепру.

Значение каждого операционного направления в полосе стратегического наступления предопределило состав ударных группировок. Вместе с тем Ставкой и командованием фронтов определялся такой состав каждой из них, чтобы она была способна успешно осуществить прорыв глубоко эшелонированной позиционной обороны противника и провести операцию на запланированную глубину. Состав ударных группировок в операциях показан в табл. 5.

¹ См.: История второй мировой войны, т. 7, с. 144.

**Состав ударных группировок фронтов при переходе
в контрнаступление под Курском**

Ударная группировка	Общевойсковых армий	Стрелковых дивизий	Танковых армий	Отдельных танковых корпусов	Воздушных армий	Артиллерийских и минометных дивизий	Артиллерийских и минометных бригад	Артиллерийских и минометных полков (без ап сд)
Орловская операция								
Группировка левого крыла Западного фронта (11 гв., 50 А)	2	14		3	1	3	7	21
Главная группировка Брянского фронта (63, 3А)	2	12		1	1	3	2	12
Вспомогательная группировка Брянского фронта (61 А)	1	6		1		2	1	9
Группировка Центрального фронта (48, 13, 70 А, 2 ТА)	3	22	1	2	2	3	11	16
Белгородско-Харьковская операция								
Главная группировка Воронежского и Степного фронтов (5 гв., 6 гв., 53 А, 1 и 5 гв. ТА)	3	20	2	2	2	4	3	4
Вспомогательная группировка Воронежского фронта (27, 40 А)	2	9		3		2		4

Как видно из таблицы, в состав каждой ударной группировки входили преимущественно 2—3 общевойсковые армии, 1—2 танковые армии, 1—3 танковых корпуса, от 2 до 4 артиллерийских и минометных дивизий. Их действия поддерживались одной-двумя воздушными армиями.

Кроме этих сил в состав группировок Ставка намечала ввести: на левое крыло Западного фронта — общевойсковую и танковую армии, на Брянский фронт — танковую армию, на главное направление Воронежского фронта — две общевойсковые армии. К сожалению, 11-я общевойсковая, 3-я гвардейская и 4-я танковые армии к началу контрнаступления не закончили свое формирование и в состав фронтов прибыли уже в ходе операций, что существенно отразилось на их развитии.

Мощь ударных группировок фронтов увеличивалась еще и потому, что общевойсковые армии к лету 1943 г. имели в своем составе по два-три, а иногда и четыре стрелковых корпуса — 7—12 стрелковых дивизий вместо пяти-шести в предыдущих кампаниях. По численности и оснащенности они превосходили армии, не имевшие корпусной организации, в 1,5—2 раза, усиливались одной—тремя артиллерийскими дивизиями прорыва, танковыми бригадами и полками, поддерживались значительным количеством авиации. Танковые армии стали однородного состава. В них по штату насчитывалось до 800 танков и САУ, около 700 орудий и минометов. По сравнению с битвой под Москвой состав ударных группировок возрос: по личному составу — в 1,5 раза, по орудиям и минометам — в 4,6 раза, по танкам — в 6 раз, по самолетам — в 2,5 раза. Если же сравнить с контрнаступлением под Сталинградом, то техническая оснащенность ударных группировок возросла в 1,5—2 раза.

Мощные ударные группировки создавались путем заблаговременной передачи в состав фронтов войск из резерва Ставки, а также путем межфронтового и межармейского маневра. Так, при подготовке Белгородско-Харьковской операции в Воронежский и Степной фронты были переданы из Брянского фронта три артиллерийские дивизии прорыва и дивизия реактивной артиллерии. Это позволило почти на 20% увеличить плотность артиллерии в 5-й гвардейской, 27-й и 53-й армиях.

Для создания на участках прорыва высоких плотностей артиллерии к участию в артиллерийской подготовке стали широко привлекаться орудия и минометы стрелковых дивизий из вторых эшелонов, артиллерия подвижных групп и часть артиллерии армий, действовавших на вспомогательных направлениях. Например, на участке прорыва 5-й гвардейской армии к артиллерийской подготовке были привлечены артиллерия 1-й и 5-й гвардейской танковых армий и четыре артиллерийских полка из дивизий 40-й армии, переходившей в наступление двумя днями позже. На участке прорыва 6-й гвардейской армии к участию в артиллерийской подготовке привлекалась артиллерия 5-го и 10-го гвардейских танковых корпусов и два дивизионных полка 27-й армии, а на участке 53-й

армии Степного фронта — артиллерия 1-го механизированного корпуса¹.

Искусство массирования сил и средств на важнейших направлениях в контрнаступлении под Курском поднялось на более высокую ступень. Если под Сталинградом средняя оперативная плотность на участках прорыва была: 1 дивизия примерно на 3 км фронта, от 30 до 80 орудий и минометов, от 12 до 17 танков на 1 км участка прорыва, то под Курском средняя оперативная плотность составляла: 1 дивизия на 1,6 км фронта, 170—230 орудий и минометов и 18—70 танков и САУ на 1 км участка прорыва (табл. 6).

Таблица 6

Средние оперативные плотности при прорыве
в контрнаступлении под Курском²

Фронт	Ширина полосы наступления, км	Ширина участка прорыва, км	Км на сд		Орудий и минометов на 1 км		Танков и САУ на 1 км	
			во всей полосе	на участке прорыва	во всей полосе	на участке прорыва	во всей полосе	на участке прорыва
Западный (левое крыло)	70	20	3,7	1,4	60,1	183,1	8,8	30,7
Брянский	158	30	8	1,9	40,3	173,7	4,9	18,6
Центральный	150	36	5,4	1,6	42,0	104,9	8,0	40,0
Воронежский	160	20	5	1,9	53,9	215,8	13,5	70,0
Степной	90	11	4	1,3	57,5	230	5,5	42,0

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 245.

² См.: «Военно-исторический журнал», 1968, № 7, с. 88.

Умелым массированием сил и средств на участках прорыва, прежде всего за счет смелого ослабления второстепенных направлений, удалось резко поднять соотношение сил в пользу наших войск.

Особое внимание при подготовке прорыва уделялось планированию огневого поражения противника. В связи с необходимостью прорыва позиционной обороны продолжительность артиллерийской подготовки в Западном фронте огределялась 2 часа 45 минут, а в Воронежском — 2 часа 50 минут. Глубина поражения обороны массированным огнем артиллерии достигала 3—4 км. Для поддержки атаки пехоты и танков чаще стал применяться огневой вал в сочетании с последовательным сосредоточением огня на глубину первой позиции обороны противника.

К лету 1943 г. возросла мощь нашей авиации. Наступление войск в Орловской операции намечалось поддерживать более чем 3000 самолетов трех воздушных армий. В Воронежском и Степном фронтах насчитывалось более 1300 самолетов. Кроме того, привлекалось до 200 самолетов дальней авиации. Наряду с количественным ростом авиации ее усилия все больше направлялись на поддержку наступления наземных войск. Если в контрнаступлении под Сталинградом для этой цели выделялось 43,6%, то в Орловской операции — 55,0%, при этом 80—85% всех самолетовылетов приходилось на поражение объектов в тактической зоне обороны противника.

Применение авиации планировалось в форме авиационного наступления. Авиационную подготовку на направлениях наступления ударных группировок предусматривалось проводить по-разному. На всех фронтах, кроме Центрального, значительное количество авиации привлекалось для нанесения массированных ударов ночью. За 15 минут до атаки или непосредственно перед ней удары наносились по главной полосе обороны противника¹. Но основные усилия воздушных армий направлялись на поддержку наступления наземных войск, что следует признать целесообразным, ибо дальность стрельбы артиллерии не обеспечивала подавления целей на большой глубине, особенно в ходе наступления, когда их обнаружение с наземных пунктов становилось затруднительным. Основными объектами действий авиации в ходе наступления были живая сила, артиллерия и танки противника на первой и последующих полосах обороны, а также резервы противника, выдвигавшиеся к участку прорыва.

Переход противника к позиционной обороне вызвал необходимость некоторого уменьшения глубины боевых задач. И полосы наступления были сужены в два раза, что способствовало повышению тактических плотностей войск.

Стрелковые соединения строились преимущественно в два эшелона, полки — в два, а иногда и в три эшелона. Более сильными

¹ См.: Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1968, с. 186—190.

по составу создавались артиллерийские группы и резервы. Возросла плотность танков НПП до 10—18 на 1 км фронта прорыва. В состав танковых групп НПП впервые были включены самоходно-артиллерийские установки, которые должны были продвигаться за танками и поддерживать их огнем.

Для развития тактического прорыва в оперативный в общевойсковых армиях, действовавших на главных направлениях, создавались подвижные группы в составе одного-двух танковых корпусов. Во фронтах для этой цели впервые применялись танковые армии однородного состава. При этом Воронежский фронт имел две танковые армии, которые в целях максимальной концентрации танкового удара предусматривалось использовать одновременно на одном направлении, в полосе одной общевойсковой армии.

Ввод в сражение эшелонов развития успеха в каждом фронте и в каждой армии планировался по-разному, с учетом особенностей обороны противника и других данных обстановки. Например, в 11-й гвардейской армии Западного фронта 5-й танковый корпус предусматривалось ввести в сражение в первый день операции после прорыва стрелковыми соединениями главной полосы обороны, а 1-й танковый корпус — на второй день. В дальнейшем в полосе этой же армии намечалось использовать и 25-й танковый корпус — резерв командующего фронтом. В 61-й армии Брянского фронта 20-й танковый корпус было решено ввести в прорыв в пределах тактической глубины обороны, а в 63-й армии 1-й гвардейский танковый корпус — после ее прорыва.

На Воронежском фронте для завершения прорыва главной полосы обороны в районе основных артиллерийских позиций противника было решено ввести в бой передовые танковые бригады — по одной от танкового (механизированного) корпуса первого эшелона танковой армии (всего около 200 танков на фронте 10 км). При поддержке специально назначенной артиллерии, во взаимодействии со стрелковыми дивизиями они должны были прорвать третью позицию первой полосы обороны и создать благоприятные условия для ввода в бой основных сил своих корпусов. Главные силы танковых армий предназначались для прорыва второй полосы обороны с ходу и развития наступления в ближайшей оперативной глубине. Вторые эшелоны танковых армий планировалось ввести в сражение за пределами армейской полосы обороны противника.

Сосредоточение крупных масс войск на участках прорыва и необходимость преодоления хорошо подготовленной позиционной обороны требовали особо тщательной организации взаимодействия. Восстановление корпусных управлений облегчило эту работу в армейском звене. При организации взаимодействия во всех звеньях управления главное внимание уделялось согласованию действий войск при занятии исходного положения для наступления, проведении артиллерийской и авиационной подготовки и выполнении вой-

сками боевых задач. Наиболее тесно взаимодействие организовывалось на глубину прорыва главной полосы обороны.

Во многом по-новому и в более широком масштабе, чем прежде, организовывалось инженерное обеспечение прорыва. Исходные районы для наступления оборудовались, как правило, широко развитой системой траншей и ходов сообщения. В связи с возрастанием в обороне противника плотности инженерных заграждений ответственной задачей инженерных войск стало проделывание проходов в минных полях. Их количество обычно определялось из расчета два прохода на стрелковую роту и три-четыре прохода на танковую бригаду¹. Важной задачей инженерных войск являлось оборудование путей для совершения перегруппировок войск и осуществления маневра, особенно танковыми соединениями и частями. Подразделения инженерных войск включались в состав передовых батальонов, а также привлекались для решения специальных задач при овладении особо прочными объектами противника.

Важное место в подготовке прорыва занимала партийно-политическая работа. Победа под Сталинградом, освобождение от оккупантов значительной территории были хорошей основой для развертывания этой работы. Использовалась создававшаяся пауза между кампаниями — проводились регулярные политические занятия и информации. На них раскрывались преимущества социалистического государства и всевозрастающие возможности Советской Армии, повышение международного авторитета СССР, расширение борьбы народов против фашизма, углубление противоречий между фашистской Германией и ее сателлитами. Особенно широкая работа велась с новым пополнением.

В целях достижения внезапности в армиях Западного и Брянского фронтов проводились широкие мероприятия по оперативной маскировке. В Воронежском фронте имитировалась подготовка прорыва в районе Суджи. В оперативном отношении этот удар выглядел убедительно и привлек внимание и силы противника. Не менее эффективной оказалась и ускоренная подготовка к переходу в контрнаступление на том направлении, где совсем недавно шли ожесточенные оборонительные сражения. Манштейн в своих воспоминаниях пишет: «Мы надеялись в ходе операции «Цитадель» разбить противника настолько, чтобы рассчитывать на этом фронте на определенную передышку. Однако эта надежда оказалась потом роковой для развития обстановки на северном фланге группы, так как противник начал наступление раньше, чем мы ожидали».

Быстрый переход от обороны к контрнаступлению сыграл важную роль в достижении внезапности, но только на тех направлениях, где были созданы мощные группировки с высокими плотностями войск (Воронежский и Степной фронты). Центральный

¹ См.: Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М., Воениздат, 1970, с. 166.

фронт, получивший всего два дня на подготовку наступления, не смог создать сильной ударной группировки на узком участке фронта, что сказалось на результатах прорыва и операции в целом.

В Орловской операции войска Западного и Брянского фронтов начали прорыв ранним утром 12 июля, когда противник еще пытался достичь целей, поставленных в операции «Цитадель». Ему предшествовала разведка боем передовыми батальонами, которую немецко-фашистское командование расценило как неудачную попытку удержать имевшиеся на орловской дуге немецкие резервы от ввода в наступление на Курск и не приняло необходимых предупредительных мер.

В 11-й гвардейской армии в результате надежного взлома обороны противника мощной артиллерийской и авиационной подготовкой, в ходе которой первый эшелон 211-й и 293-й пехотных дивизий противника понес до 50—60% потерь, прорыв начался успешно, особенно в полосе 8-го гвардейского стрелкового корпуса, где плотность артиллерии достигала 259,4 орудия, а непосредственно перед атакой нанесли удар 70 бомбардировщиков Пе-2¹. Атакующие цепи еще во время последнего огневого налета приблизились к противнику на 150—200 м и с переносом огня на вторую траншею атаковали передний край, овладев им без больших помех со стороны противника (схема 12).

Атакуя за огневым валом, батальоны первых эшелонов полков 11-й и 83-й гвардейских стрелковых дивизий прорвали три траншеи первой позиции, углубившись в оборону врага на 500—700 м. С окончанием огневого вала в бой были введены вторые эшелоны полков. К 8.30 первая позиция оказалась прорванной. Для наращивания усилий вводились третьи эшелоны полков. Командир корпуса ввел в бой 43-ю танковую бригаду — передовой отряд корпуса.

В то время как 11-я и 83-я гвардейские стрелковые дивизии огнем и атакой сковали противника в опорных пунктах восточнее Починок и в Перестряже, 43-я танковая бригада пробилась на их стыке и вышла к опорному пункту в Отрешке, а стрелковые полки — на ближние подступы ко второй позиции.

Артиллерия, часть которой уже сменила огневые позиции, сосредоточила огонь по второй позиции, оборудованной в виде опорных пунктов. Во время огневого налета танки и пехота приблизились к ним и с переносом огня в глубину перешли в атаку. После упорных боев опорные пункты в Отрешке и восточнее были взяты наступающими соединениями, и к 12.00 они вышли к третьей позиции, оборудованной за р. Фомина.

Командование 293-й пехотной дивизии противника, собрав остатки подразделений, вместе с резервными частями 53-го корпуса при поддержке артиллерии предприняло контратаки, стремясь не допустить прорыва третьей позиции. Завязались напряженные бои,

¹ См.: «Военно-исторический журнал», 1971, № 1, с. 20.

особенно в полосах 11-й и 31-й гвардейских стрелковых дивизий, которые вынуждены были отражать контратаки с места.

Массированными ударами артиллерии и авиации контратакующим войскам противника были нанесены чувствительные потери, и к 15 часам во многих местах завершён прорыв третьей позиции.

Командующий 11-й гвардейской армией подал сигнал на ввод в сражение 5-го танкового корпуса (136 танков). Из-за сильно разрушенных огнем артиллерии дорог, необходимости преодоления двух противотанковых преград и р. Полянка корпус на рубеж развертывания перед второй полосой вышел только к 20.00, т. е. на 3—3,5 часа позже намеченного срока¹. За это время противник успел вывести на нее главные силы 5-й танковой дивизии и вместе с отошедшими подразделениями 293-й пехотной дивизии организовал достаточно прочную оборону. Две атаки ее, предпринятые в 20.30 и 22.00, привели лишь к незначительному продвижению войск корпуса и его соседей.

Так, разрыв в наращивании усилий 5-м танковым корпусом не позволил в первый день прорвать вторую полосу обороны врага.

За ночь была проведена перегруппировка войск, подтянута вся артиллерия. Но с рассветом 13 июля противник вновь предпринял контратаки группами по 15—30 танков на участке действий 8-го гвардейского стрелкового и 5-го танкового корпусов. Отражение их затнулось до 12 часов. При этом было подбито 34 вражеских танка и уничтожено значительное количество солдат противника².

Соседние корпуса, введя в бой свои вторые эшелоны—1-ю и 84-ю гвардейские стрелковые дивизии, за это время смогли углубиться во вторую полосу обороны неприятеля. Командир 8-го гвардейского стрелкового корпуса сосредоточил на 2,5-километровом участке более 250 орудий и сюда же нацелил авиацию.

Одновременный удар артиллерии и 224-й штурмовой авиационной дивизии позволил сломить сопротивление врага. На некоторое время он смог задержаться в опорном пункте Старица. Но обход его с флангов 24-й танковой бригадой 5-го танкового корпуса, 43-й танковой бригадой и полками 11-й гвардейской стрелковой дивизии ускорил уничтожение в нем врага. Это открыло пути в оперативную глубину.

Прорыв в полосе 61-й армии развивался менее успешно, главным образом вследствие недостаточно надежного поражения противника в период артиллерийской подготовки и нарушения планомерной поддержки атаки. На преодоление первой позиции дивизии затратили 6—8 часов, а к исходу дня продвинулись всего на 3—7 км на участке шириной 12 км.

На второй день для развития прорыва командующий армией ввел в сражение танковый корпус и две стрелковые дивизии из

¹ См.: «Военно-исторический журнал», 1971, № 1, с. 22.

² ЦАМО СССР, ф. 666, оп. 225565, д. 2, л. 197.

второго эшелона. Но в течение ночи противник успел выдвинуть с курско-орловского направления к Болхову 12-ю танковую дивизию и оказать возобновившим наступление войскам упорное сопротивление. Несмотря на то что плотность артиллерии на участке ввода в сражение свежих сил была высокой (180—220 орудий на 1 км), надежно подавить противника не удалось, так как основная масса артиллерии вела огонь из-за р. Ока на большой дальности по недостаточно разведанным целям. За 13 июля войска 61-й армии, отразив контратаки противника, овладели несколькими узлами сопротивления, но развить прорыв в глубину не смогли.

14 июля командующий армией ввел в сражение еще одну стрелковую дивизию — свой резерв, но и после этого прорыв осуществить не удалось. Переброска 16-й артиллерийской дивизии из состава 61-й армии на Воронежский фронт намного уменьшила ее артиллерийскую группировку. Это еще более затруднило ведение прорыва тактической зоны обороны, который был завершён только 19 июля, т. е. на восьмой день операции.

Войска 3-й и 63-й армий быстро прорвали первую позицию. Но в дальнейшем наступление замедлилось. Противник начал непрерывные бомбежки войск, особенно 63-й армии, предпринял несколько контратак.

Наращиванию сил удара помешало то, что значительная часть артиллерии 3-й армии и почти все ее наблюдательные пункты находились на высоком берегу р. Зуша, далеко позади боевых порядков пехоты и огневых позиций батарей, расположенных на плацдарме. Это привело к нарушению взаимодействия артиллерии с пехотой и танками в наиболее ответственный момент боя — при завершении прорыва главной полосы обороны противника. Наибольшее продвижение — 6—7 км было достигнуто на стыке 3-й и 63-й армий. На остальном фронте продвижение составило 3—4 км¹.

В течение ночи противнику удалось выдвинуть к участку прорыва 36-ю пехотную дивизию и передовые части 8-й танковой дивизии. Сильными контратаками при поддержке многочисленной авиации 13 июля они попытались не только задержать наступление наших войск, но и отбросить их в исходное положение. Массированным огнем 2-го артиллерийского корпуса прорыва и ударами 15-й воздушной армии удалось сорвать намерения противника. Соединения 3-й и 63-й армий возобновили наступление и, овладев несколькими сильными узлами сопротивления, создали условия для ввода в сражение 1-го гвардейского танкового корпуса. Но противник, обнаружив выход его на рубеж развертывания, обрушил по танкам удары авиации. Ввод подвижной группы в сражение задержался до второй половины дня. К этому времени к участку прорыва подошла полностью 8-я танковая дивизия противника и закрыла наметившуюся брешь. Повысить темпы наступления не удалось, но все же к концу дня вторая полоса обороны против-

¹ ЦАМО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 1434, л. 1.

ника оказалась прорванной. Брешь достигла 25 км по фронту и 15 км в глубину¹.

Войска Центрального фронта перешли в наступление 15 июля. Ограниченность времени на подготовку операции не позволила сместить удар в сторону от главной группировки врага, только что прекратившей наступление и имевшей еще очень плотные боевые порядки. Сила огневого удара, осуществленного на широком фронте, оказалась намного ниже, чем того требовали условия обстановки. Вследствие этого армии правого крыла фронта «продвигались медленно, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, умело использовавших свои хорошо оборудованные рубежи... Враг то и дело бросал в контратаки танковые войска, а у него оставалось их достаточно»².

Для осуществления прорыва командующий фронтом ввел в сражение 2-ю танковую армию. Ведя бои с противником в пределах его первой позиции, она понесла существенные потери, но пробить брешь в обороне противника так и не смогла.

Таким образом, прорыв тактической зоны обороны противника в Орловской операции был успешно завершён к исходу второго дня наступления только на направлениях действий главных ударных группировок Западного и Брянского фронтов. Именно здесь открылись возможности развития тактического прорыва в оперативный.

Для решения этой задачи Западный фронт располагал еще двумя танковыми корпусами (один находился в составе 11-й гвардейской армии, другой — в резерве фронта). Кроме того, Ставкой намечалось включение в состав фронта с 18 июля 4-й танковой армии, которая заканчивала формирование в районе Москвы. Брянский фронт не имел резервных подвижных соединений и ему с 14 июля передавалась 3-я гвардейская танковая армия, сформировавшаяся в районе Плавска.

Командующий 11-й гвардейской армией, как только был завершён прорыв второй полосы обороны противника, 13 июля ввел в сражение 1-й танковый корпус с дивизией второго эшелона 16-го стрелкового корпуса. Удар двух танковых корпусов и стрелковой дивизии при поддержке артиллерии и авиации позволил продвинуться вперед до 25 км. Однако создать свободу для маневренных действий все еще не удавалось. Противник подвел к образованной брешу три танковые и моторизованную дивизии. Завязались напряженные бои. Только на следующий день противник вынужден был начать отход. Появились условия для дальнейшего развития успеха. Но танковые корпуса понесли потери и уже не обладали необходимой ударной силой для самостоятельных действий в оперативной глубине.

18 июля, т. е. на седьмой день операции, был введен в сражение 25-й танковый корпус из резерва фронта. Ему удалось развить

¹ См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., Воениздат, 1970, с. 215.

² Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., Воениздат, 1968, с. 227, 228.

удар. Глубина прорыва достигла уже 70 км. Одна бригада даже вырвалась к станции Хотынец на железной дороге Орел — Брянск. Но в результате контратаки противника эта бригада отошла к главным силам корпуса. Перерезать железную дорогу у армии не хватало сил. Полоса ее наступления расширилась до 150 км. Противник путем переброски резервов на наиболее угрожаемое направление уравнивал силы и даже предпринял ряд контратак в целях разгрома передовых частей 25-го танкового корпуса. Для наращивания усилий и выхода на оперативный простор требовался ввод свежих сил.

18 июля Ставка передала Западному фронту 4-ю танковую армию. В его состав она смогла прибыть только 24 июля, т. е. на 13-й день операции, с большим опозданием, когда 11-я гвардейская армия могла вести активные действия лишь двумя дивизиями, поскольку танковые корпуса в боях с танками противника понесли большие потери. Противник, воспользовавшись образовавшейся паузой, укрепил обороняемый рубеж. Ввиду этого 4-й танковой армии предстояло не войти в прорыв, как намечалось, а начать боевые действия с прорыва нового рубежа обороны противника.

В первый день наступления она должна была сломить сопротивление противника на участке в 14 км западнее Болхова и продвинуться на 50—60 км к югу от него¹. На подготовку прорыва были предоставлены только одни сутки. Из-за ограниченности времени не удалось должным образом организовать взаимодействие. Артиллерия не была сосредоточена к участку ввода танковых корпусов. Танковые бригады получили задачи поздно вечером и не успели провести необходимой подготовки к наступлению. Все это привело к тому, что танковая армия, вступив в сражение 26 июля, смогла продвинуться к исходу дня только на 2—4 км. Не дал желаемых результатов и второй день наступления. Лишь на третий день армия вынудила противника начать отход. Однако вследствие того что ей не удалось проникнуть в глубину оперативного построения противника, он смог осуществить планомерный отход, скачками в 4—8 км в сутки².

В первых числах августа 4-я танковая армия, переданная в конце июля в состав Брянского фронта, предприняла попытку прорваться к железной дороге Орел — Брянск в районе Хотынца, подступы к которому противник оборонял особенно сильной группировкой войск, перед этим потеснившей войска 11-й гвардейской армии. Прорыв на этом рубеже должны были начать дивизии 11-й гвардейской армии, а 4-я танковая армия — войти в прорыв для развития наметившегося успеха.

6 августа 11-я гвардейская армия после артиллерийской подготовки к 13.00 углубилась в оборону на 3 км. Развить успех дальше

¹ См.: Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне. Сб. № 3. М., Воениздат, 1944, с. 46, 60.

² Там же, с. 63—68.

Не смогла, поскольку её соединения уже не обладали необходимой ударной силой. Но командующий 4-й танковой армией лишь в 15.30 приказал 30-му Уральскому Добровольческому танковому корпусу войти в прорыв. Задержка с вводом в сражение танкового корпуса не позволила получить непрерывный и нарастающий по силе удар. Наступление танкового корпуса задержалось, а ввод других танковых корпусов в лесистой местности оказался затруднительным. Продвижение танковой армии в первый день составило 4 км, во второй — 5 км, лишь 8 августа она продвинулась на 14—16 км, но была остановлена перед новым оборонительным рубежом, на который противник отвел свои войска. После его прорыва она задержалась перед третьим рубежом, так и не сумев вырваться на оперативный простор.

Оценивая попытки развития тактического прорыва в оперативный силами 4-й танковой армии, только закончившей формирование и потому недостаточно слаженной, следует согласиться с мнением маршала И. Х. Баграмяна, командовавшего в то время 11-й гвардейской армией, что более целесообразно было ввести ее в сражение не на подступах к Болхову, где противник имел очень прочную подготовленную оборону, а сразу на Хотынец¹, где оборона была нарушена на всю глубину. Именно здесь, даже при самостоятельном прорыве оборонительного рубежа в конце июля, она могла бы прорваться в оперативную глубину и сорвать намерения противника по планомерному отходу на подготовленный в тылу рубеж.

3-я гвардейская танковая армия, переданная в состав Брянского фронта 14 июля, прибыла в район сосредоточения к исходу следующего дня, совершив 150-километровый марш. К этому времени противник отошел на хорошо подготовленный рубеж обороны по р. Олешня, а наступательные возможности 63-й и 3-й армий уже существенно уменьшились.

На подготовку операции 3-я танковая армия получила тоже одни сутки. Как свидетельствует С. М. Штеменко, при передаче 3-й гвардейской танковой армии Брянскому фронту Верховный рекомендовал ввести ее в сражение «как можно скорее, чтобы не дать врагу укрепиться»².

Но такое решение недостаточно учитывало возможности противника по организации обороны на новых, но заранее подготовленных рубежах, на которых противнику требовалось лишь разместить войска в назначенных им районах и организовать систему огня. На это нужны были сутки и менее, а танковым дивизиям — несколько часов. Поэтому наступающий мало выигрывал, стремясь осуществить прорыв таких рубежей с подготовкой наступления в ограниченные сроки. Но проигрывал много. Плохая организация боевых действий войск резко снижала их боевые

¹ См. «Военно-исторический журнал», 1963, № 7, с. 94.

² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1968, с. 172.

возможности, что в конечном итоге предreshало или медленное продвижение, или неуспех вообще.

Участок прорыва 3-й гвардейской танковой армии был избран шириной 16 км. На нем удалось создать следующие плотности: орудий и минометов — 43, танков — 50. Противник на этом участке имел также высокие плотности: орудий и минометов — 35, танков — 10. К тому же, вскрыв выдвижение танковой армии, он нацелил на нее большое количество авиации, которая в течение 19 июля провела до 1000 самолето-вылетов¹.

При таком соотношении сил, когда оборона противника была разведена плохо, наступление организовано поспешно, а элемент внезапности отсутствовал, рассчитывать на быстрый ее прорыв было трудно. Несмотря на высокие оперативные плотности танков, 3-я гвардейская танковая армия продвинулась за день на 7—10 км и лишь в юго-западном направлении до 20 км. Однако ее корпусам не удалось предупредить противника в занятии обороны по р. Оптуха² и тем самым вырваться на оперативный простор.

В этом, несомненно, сказалось и то, что Ставка, получив данные от командования Брянского фронта о том, что противник начал отвод мценской группировки в район Орла, а путь 3-й гвардейской танковой армии на запад был закрыт из-за сильного сопротивления противника, приказала в 2 часа 20 июля командующему Брянским фронтом изменить направление действий 3-й гвардейской танковой армии и с утра 20 июля нанести удар в целях разгрома мценской группировки.

С 19 июля по 10 августа 3-я гвардейская танковая армия семь раз предпринимала усилия по прорыву обороны противника и выходу в оперативную глубину, но получить свободу маневра не смогла. Действуя в наступлении медленно, по-пехотному прорывая оборону, она несла большие потери, добиваясь ограниченных оперативных результатов. За время Орловской операции армия потеряла 60,3% танков Т-34 и 72,9% танков Т-70³. Боеспособность армии была значительно снижена⁴, и 11 августа она была выведена в резерв Ставки для пополнения.

Опыт ввода в сражение танковых соединений и объединений на Западном и Брянском фронтах показал, что, не осуществив своевременного и непрерывного наращивания силы удара в глубину, трудно добиться быстрого развития тактического прорыва в оперативный; применение танковой армии для самостоятельного прорыва заранее подготовленной обороны противника, без надеж-

¹ См.: Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне. Сб. № 3, с. 14.

² Там же, с. 16, 17.

³ См.: Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне. Сб. № 3, с. 41.

⁴ См.: Рокоссовский К. К. Солдатский долг, с. 228.

ного ее огневого поражения, приводило к большим потерям, в связи с чем войска фронта лишались мощного средства развития успеха.

Полученный первый опыт применения танковых армий новой организации был учтен в Белгородско-Харьковской операции.

Прорыв обороны противника в Белгородско-Харьковской операции начался 3 августа (схема 13). Накануне, как и в Орловской операции, была проведена разведка боем передовыми батальонами, которая подтвердила, что противник прочно обороняется на прежних рубежах. В 5 часов началась артиллерийская подготовка. Сильные удары по противнику нанесла авиация двух воздушных армий. В результате мощной артиллерийской и авиационной подготовки враг понес большие потери и был потрясен морально. Его артиллерия оказалась надежно подавленной.

Пехота и танки НПП, перейдя в атаку при поддержке огневым валом, за два часа овладели всей первой позицией, продвинувшись на глубину 1,5—2 км. Надо признать, что темп атаки 1 км в час при мощном подавлении обороны противника был недостаточным высоким. Причина состояла в том, что огневой вал велся в основном артиллерией РВГК, связь и взаимодействие с которой осуществлялись через несколько инстанций, вследствие чего перенос огня задерживался и атака велась в замедленном темпе.

По мере продвижения наших войск в глубину сопротивление противника возрастало, но последовательный ввод вторых эшелонов позволял наращивать силу удара. В течение пяти часов на главных направлениях фронтов войска продвинулись на глубину 4—5 км и, прорвав две позиции, вышли в район основных артиллерийских позиций противника. Здесь наступление общевойсковых соединений стало замедляться. Третья позиция из-за недостатка дальнобойной артиллерии оказалась подавленной слабо. К тому же эффект подавления спустя пять часов после окончания артиллерийской подготовки, в сущности, исчез. Огневых средств, которые могли бы надежно подавить резервы противника, занявшие третью позицию в ходе прорыва, не доставало, поскольку значительная часть артиллерии начала смену огневых позиций и не могла сопровождать наступающие войска массированным огнем с прежней плотностью. Небольшое количество танков НПП, к тому же понесших потери, не могло восполнить недостаток огня артиллерии, которая к этому времени израсходовала 73% дневного лимита боеприпасов¹. В этой обстановке решающую роль в завершении прорыва главной полосы обороны сыграли передовые танковые бригады 1-й и 5-й гвардейской танковых армий.

С началом атаки они приступили к выдвигению. В 12—13 часов вступили в бой и совместно со стрелковыми дивизиями завершили прорыв главной полосы обороны противника. Представилась возможность для быстрого наступления ко второй полосе и прорыва ее с ходу. Но 200-я танковая бригада 1-й танковой армии, действовавшая в полосе 66-й и 97-й гвардейских стрелковых дивизи-

¹ ЦАМО СССР, ф. 203, оп. 51354, д. 3, л. 2.

зий, которые не имели танков НПП, не смогла оторваться от них, поскольку ей приходилось наступать преимущественно через населенные пункты. 49-я танковая бригада действовала в полосе 13-й гвардейской стрелковой дивизии, которую поддерживала 93-я отдельная танковая бригада. После завершения прорыва главной полосы обороны она могла устремиться сразу ко второй полосе, пока слабо занятой подходящими резервами противника. Однако незнание обстановки не позволило командиру 49-й танковой бригады принять такое решение. Таким образом, создавшийся благоприятный момент для прорыва с ходу второй полосы обороны противника на направлении 1-й танковой армии не был использован передовыми танковыми бригадами, а выход на рубеж ввода главных сил корпусов первого эшелона задерживался.

Выдвижение корпусов 1-й танковой армии осуществлялось в полосе шириной всего 3—4 км, что позволило иметь только по одному маршруту на корпус. При подходе к переднему краю они должны были преодолеть узкую (5—7 м), но с заболоченной поймой р. Ворсклу, на которой было построено пять мостов. Но поскольку подходы к мостам не были оборудованы, то после прохода передовых бригад они оказались настолько разбитыми, что темп выдвижения корпусов снизился с 15 до 2 км в час. Танковые бригады первого эшелона вышли на линию наступающих войск вместо 15 часов только в конце дня. Потеря пяти часов времени позволила противнику занять вторую полосу обороны силами 6-й и 11-й танковых дивизий, что в конечном итоге привело к неполному выполнению задач первого дня наступления. Лишь на рассвете 4 августа 1-й танковой бригаде 3-го механизированного корпуса удалось осуществить прорыв второй полосы в слабом месте и тем создать условия для развития удара в оперативную глубину.

На направлении действий 5-й гвардейской танковой армии достигнутая непрерывность развития прорыва дала блестящие для 1943 г. результаты. Передовые танковые бригады ее корпусов, обогнав стрелковые части, быстро преодолели первую полосу обороны. Главные силы танковых корпусов с ходу прорвали вторую полосу обороны и к 18 часам вышли на глубину 20—26 км. Правда, главные силы 18-го танкового корпуса из-за отставания войск 53-й армии пришлось развернуть для отражения ударов противника с востока, что сказалось потом на атаке опорных пунктов на армейской полосе обороны противника. Вследствие слабой артиллерийской поддержки и применения только фронтальных ударов овладеть ими не удалось, что и привело к некоторому невыполнению задачи дня и отразилось на развитии наступления в оперативной глубине.

Таким образом, в Белгородско-Харьковской операции на направлении главного удара к исходу первых суток удалось прорвать прочно оборудованную тактическую зону и подойти к армейской полосе обороны, хотя и на узком участке. Это создавало условия для развития наступления в оперативную глубину. Но втягивание во фронтальные бои за Томаровку 6-го танкового корпуса, необ-

ходимость оказания помощи 53-й армии Степного фронта и обеспечения фланга 5-й гвардейской танковой армии от угрозы контр-удара танковой дивизии противника не позволили 4 августа сделать рывок в оперативную глубину. В этот день армейского рубежа обороны достиг только 3-й механизированный корпус 1-й танковой армии. Прорвать его удалось лишь 5 августа.

Прорыв армейского рубежа обороны, разгром томаровской группировки врага, развитие наступления 27-й и 40-й армиями, усиленными тремя танковыми корпусами, создали в обороне противника оперативную брешь на богодуховском направлении, для закрытия которой он не имел достаточных сил. К исходу 7 августа фронт прорыва наших войск достиг 120 км. Танковые армии продвинулись на глубину до 100 км, а общевойсковые — до 60—65 км.

Анализ прорыва в контрнаступлении под Курском показывает, что в его подготовке и осуществлении произошли существенные изменения. Увеличился состав ударных группировок, возросли плотности войск и надежность огневого поражения противника. Глубокое боевое и оперативное построение позволило непрерывно наращивать силу удара и вести прорыв в нарастающем темпе с незамедлительным развитием тактического прорыва в оперативный.

Способы прорыва подготовленной обороны, применявшиеся советскими войсками, при которых оборона взламывалась мощным огнем артиллерии и ударами авиации, а прорыв начинался стрелковыми войсками с последующим пошелонным вводом танковых и механизированных соединений и объединений, оказался намного эффективнее шаблонного способа гитлеровской армии, по которому прорыв обороны возлагался в основном на танковые корпуса, образывавшие бронированные клинья. Так, 9-я армия группы армий «Центр» в операции «Цитадель» при прорыве обороны, подготавливавшейся в течение 2,5—3 месяцев, смогла за семь дней вклиниться в нее только на 12 км, 11-й гвардейской армии Западного фронта пришлось прорывать оборону, которая совершенствовалась более года. Уже в первый день наступления она прорвала главную полосу обороны, а на следующий день всю тактическую зону обороны и создала брешь глубиной до 25 км и шириной до 28 км. За семь дней она продвинулась на глубину 70 км, или в шесть раз больше, чем это было у противника.

На южном фланге Курского выступа прорыв нашей обороны вела 4-я танковая армия противника. В первые сутки она прорвала только главную полосу обороны, а ударная группировка Воронежского фронта — две полосы. Такого результата 4-я танковая армия добилась только на четвертый день операции. К этому сроку войска Воронежского и Степного фронтов образовали оперативную брешь глубиной около 90 км и шириной более 100 км.

Большинству фронтов, участвовавших в контрнаступлении, удалось создать глубокие оперативные бреши, однако недостаточно высокие темпы наступления в ближайшей оперативной глубине не позволили безостановочно развить прорывы таким образом, чтобы

объединить их в единый фронтовой и межфронтовой, что обеспечивало бы наиболее благоприятные условия для выхода войск на оперативный простор и перерастание серии оперативных прорывов в единый стратегический.

Совершенствование искусства прорыва при развитии общего наступления в ходе кампании. Поучительным примером прорыва обороны в этих условиях являются действия 60-й армии Центрального фронта в конце августа 1943 г. (схема 14).

Развитие Орловской операции привело к отходу войск противника перед Брянским и правым крылом Центрального фронтов на оборонительную позицию «Хаген», имевшую три-четыре траншеи и значительное количество прочных огневых точек. Перед 60-й армией положение фронта не менялось. Оборона противника перед ней готовилась с марта 1943 г. и в инженерном отношении была более прочной, чем перед остальными армиями фронта.

16 августа Ставка Верховного Главнокомандования, приняв решение на переход в общее наступление, поставила задачу Центральному фронту нанести удар в общем направлении Севск, хутор Михайловский, а затем на Киев. Главная группировка Центрального фронта в составе 48, 65 и 2-й танковой армий должна была прорвать оборону на 25-километровом участке и, развивая наступление, с ходу преодолеть р. Десна. 60-й армии предстояло осуществить прорыв на самостоятельном участке шириной 10 км, удаленном от участка главной группировки фронта на 15 км.

На подготовку операции отводилось 10 суток. Подготовка удара на главном направлении фронта проводилась спешно и без строгого соблюдения мер маскировки. К тому же в связи с переносом сроков наступления группировка войск, занявшая исходное положение для наступления, пять дней была на виду у противника, который определил направление главного удара фронта и стянул к нему за счет менее опасных участков основные силы 2-й армии — пять дивизий из восьми¹.

Фронт обороны противника в полосе 60-й армии оказался в значительной мере ослабленным. На участке, где намечался прорыв, у противника оборонялось немногим более полка, подразделения которого в основном были вытянуты по переднему краю. Командующий армией развернул на участке прорыва 24-й стрелковый корпус, две танковые бригады, артиллерийскую дивизию прорыва и артиллерию армии. Это обеспечило не столь уже высокие тактические плотности: стрелковых батальонов — 2,1, танков — 6, орудий и минометов — 90 на 1 км фронта².

Подготавливая операцию, командующий армией принял меры к скрытному сосредоточению войск. Штаб разработал и осуществил план мероприятий по оперативной маскировке и дезинформа-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 2, с. 351.

² См.: Кузнецов П. Г. Генерал Черняховский. М., Воениздат, 1969, с. 111.

ции, в котором предусматривалось проведение демонстративных действий на левом фланге армии в целях создания у противника впечатления о подготовке наступления на этом направлении¹.

Наступление войск Центрального фронта началось 26 августа. На главном направлении противник, изготовившийся к отражению наступления, оказал войскам 48-й и 65-й армий упорное сопротивление, развить успех в глубину не удалось.

60-я армия за сутки прорвала главную полосу обороны и развила наступление ко второй полосе. С утра второго дня был введен в сражение второй эшелон армии — 17-й гвардейский стрелковый корпус и переданный в распоряжение командарма 9-й танковый корпус. Несмотря на ограниченные возможности этих соединений, понесших потери еще в оборонительных боях, войскам 60-й армии удалось быстро прорвать вторую полосу обороны и вырваться на оперативный простор, где у противника уже не было резервов.

Командующий фронтом, используя успех 60-й армии, перегруппировал в ее полосу 13-ю, 2-ю танковую и 61-ю армии². За пять дней прорыв был расширен до 100 км, глубина его достигла 60 км. Таким образом, успех прорыва фронта противника решила не только сила удара, но и искусство, т. е. внезапное нанесение его в уязвимое место с последующим наращиванием усилий за счет второго эшелона и войск, переброшенных с других направлений.

Опасаясь флангового удара в южном и юго-западном направлениях, противник начал отвод войск перед Воронежским фронтом из района Сумы. В свою очередь продвижение Воронежского и Степного фронтов создало угрозу глубокого обхода сильной группировки противника в Донбассе.

Войска Южного фронта прорвали подготовленную оборону на р. Миус и, нанеся удар в тыл войскам 6-й немецкой армии, разгромили их, что резко ослабило южный фланг неприятеля.

Устойчивость стратегического фронта противника ослабевала с каждым днем. Немецко-фашистское командование, поняв невозможность удержания Левобережной Украины, поспешило с отводом своих войск за Днепр, чтобы не допустить их полного разгрома.

В целях разрушения стратегического фронта противника и форсирования Днепра с ходу советское командование усилило войска Центрального, Воронежского и Степного фронтов тремя общевойсковыми и одной танковой армиями. Темпы преследования противника были повышены. На ближних подступах к Днепру во фронте врага удалось образовать несколько разрывов, развитие успеха в которых позволяло добиться стратегического прорыва. Но на пути советских войск встал широкий Днепр. Он задержал их наступление на шесть — восемь суток, что позволило противнику создать за рекой фронт обороны и избежать стратегического прорыва.

¹ ЦАМО СССР, ф. 301, оп. 14950а, д. 4.

² См.: Рокоссовский К. К. Солдатский долг, с. 232.

Одной из причин того, что стратегический прорыв не был достигнут на дальних подступах к Днепру, является следующая: танковые армии в ходе борьбы на Курской дуге понесли большие потери и не могли разрубить фронт противника так, чтобы упредить его войска в выходе на реку и окружить крупные силы на ее левом берегу. Но все же и в таких неблагоприятных условиях нашим войскам удалось захватить ряд плацдармов на правом берегу Днепра и тем сорвать намерение врага создать неприступный Восточный вал.

Опыт прорыва позиционной обороны, накопленный в ходе летнего наступления 1943 г., нашел яркое воплощение в Киевской наступательной операции. Замыслом операции предусматривалось нанесение удара войсками 38, 60, 3-й гвардейской танковой армий и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса с лютежского плацдарма в юго-западном направлении (схема 15). 3-я гвардейская танковая армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус составляли подвижную группу фронта, которой предстояло войти в прорыв на второй день операции в полосе 38-й армии.

38-я армия имела четыре стрелковых корпуса и усиливалась 5-м танковым и 7-м артиллерийским корпусами. 60-я армия получила одну артиллерийскую дивизию прорыва и другие части усиления.

Перед ними оборонялось 12 пехотных и 2 танковых дивизии из 30 противостоящих 1-му Украинскому фронту, т. е. почти половина состава. Это позволило противнику иметь 1 дивизию на 4—5 км, 18—40 орудий на 1 км фронта обороны, которая представляла собой систему сильных опорных пунктов, соединенных траншеями. Глубина ее достигала 14—15 км.

Армии строились в два эшелона. В первом эшелоне 38-й армии предстояло наступать двум стрелковым корпусам, усиленным двумя танковыми бригадами танкового корпуса и отдельным танковым полком, во втором — также двум стрелковым корпусам. Кроме того, в армии создавалась подвижная группа из оставшихся сил 5-го танкового корпуса. Сильным первым эшелоном и армейской подвижной группой намечалось прорвать тактическую зону обороны противника, чтобы второй армейский эшелон и подвижную группу фронта можно было использовать для развития наступления в оперативную глубину.

В первом эшелоне 60-й армии наступали три стрелковых корпуса и стрелковая дивизия, во втором — две стрелковые дивизии и танковая бригада.

Для создания высоких плотностей войск командующие армиями пошли на предельно возможное сужение участков прорыва. В 38-й армии он составил 6 км, в 60-й — 13 км. На этих участках в первом оперативном эшелоне наступало по два стрелковых корпуса, которые поддерживала основная масса артиллерии. Это позволило создать в 38-й армии высокие плотности войск, которые составили 9 батальонов, 380 орудий и минометов, около 20 танков НПП (с учетом подвижной группы армии) на 1 км участка

прорыва. Оперативная плотность танков достигла 70 танков и САУ. На участке прорыва 50-го стрелкового корпуса плотность артиллерии составила 416 орудий и минометов на 1 км. Это была самая высокая артиллерийская плотность, достигнутая до этого в наступательных операциях Великой Отечественной войны¹.

Плотности войск в 60-й армии оказались намного ниже. Если по пехоте они были почти равными, то по артиллерии на главном направлении составили всего 74 орудия и миномета на 1 км фронта². Общая плотность танков на главном направлении составила всего 10—12 на 1 км.

Наступление армий поддерживалось всеми силами 2-й воздушной армии.

Решительное массирование сил и средств позволило добиться значительного превосходства над противником, которое на участке прорыва 38-й армии было больше по пехоте в 3 раза, по артиллерии в 4,5 раза, по танкам в 9 раз³.

Немаловажное значение имело достижение внезапности. Прорыв готовился со строгим соблюдением мер маскировки. Очень искусно была осуществлена перегруппировка 3-й гвардейской танковой армии и 7-го артиллерийского корпуса прорыва с букринского на лютежский плацдарм, обеспечившая внезапность удара. 27-я и 40-я армии накануне должны были нанести удар с букринского плацдарма и тем самым привлечь к себе внимание и сковать силы противника.

Прорыв обороны противника начался 3 ноября мощной артиллерийской подготовкой, продолжавшейся 40 минут. Из-за густого тумана авиационная подготовка не проводилась. Эффективность артиллерийской подготовки была столь высока, что пехота и танки продвигались беспрепятственно на глубину 2 км. Из многочисленной артиллерии противника огонь смогли открыть лишь отдельные батареи.

Противник, увидев возникшую угрозу прорыва наших войск к Киеву, до которого было всего 10 км, начал спешно подтягивать к участку прорыва свои резервы. Во второй половине дня перед фронтом 60-й армии появилась 8-я танковая дивизия, а в полосе 38-й армии 7-я танковая и 20-я моторизованная дивизии. Это задержало наступление армии. Но все же к исходу дня войска продвинулись на глубину 7—12 км.

Ставка ВГК в 20 часов 30 минут 3 ноября в телеграмме на имя командующего войсками фронта потребовала начатую операцию «не затягивать, т. к. каждый лишний день дает только преимущество противнику, позволяя ему сосредоточивать сюда свои силы, пользуясь хорошими дорогами, тогда как у нас разрушенные противником дороги затрудняют и ограничивают маневр». Ставка

¹ См.: «Военно-исторический журнал», 1963, № 11, с. 9.

² ЦАМО СССР, ф. 417, оп. 10501, д. 4, л. 208, 209.

³ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Т. 2, с. 384.

приказывала перерезать дороги, ведущие к Киеву, и не позднее 5—6 ноября овладеть городом Киев. «Решая эту задачу, пойти на жертвы, имея в виду, что эти жертвы будут во много раз меньше тех, которые придется затратить, если операция затянется».

В 10.00 4 ноября войска фронта возобновили наступление. Противник встретил войска 38-й армии контратаками. Ввод подвижной группы армии, а затем 3-й гвардейской танковой армии позволил создать перелом в ходе прорыва и продвинуться на глубину от 3 до 5—6 км. Прорыв был завершен ночью, когда 3-я гвардейская танковая армия, поддержанная соединениями 38-й армии, перешла в наступление с зажженными фарами. Это ошеломило врага, он начал поспешное отступление. Развивая успех, соединения армий перерезали Житомирское шоссе, что предредило быстрое освобождение Киева.

5 ноября завершила прорыв и 60-я армия. На следующий день был освобожден Киев. К концу операции войска фронта продвинулись на 150 км. На Днепре удалось создать плацдарм стратегического значения, сыгравший решающую роль в освобождении Правобережной Украины.

* *
*

В летне-осенней кампании 1943 г. советским войскам пришлось прорывать глубокую позиционную оборону, которая обладала высокой устойчивостью. Образование брешки в такой обороне потребовало создания крупных ударных группировок, высоких плотностей войск и 6—10-кратного превосходства над противником на участках прорыва, а также тщательной организации боевых действий войск, участвующих в прорыве.

Одним из важных направлений в развитии искусства прорыва было всевозрастающее массирование сил и средств на избранных участках. Если в первом периоде войны прорыв на одном участке, как правило, осуществлялся силами одной армии, имевшей пять—семь дивизий, то во втором периоде, особенно в летне-осенней кампании 1943 г., на одном или близко расположенных участках прорыва сосредоточивались усилия преимущественно двух-трех общевойсковых армий (15—20 дивизий), одной-двух танковых армий (или двух-трех танковых корпусов), до артиллерийского корпуса прорыва при поддержке воздушной армии. Это количество сил и средств обеспечивало необходимое превосходство над противником и высокие плотности войск, позволявшие надежно поработать оборону противника массой огня и последовательно наращивать усилия не только в ходе прорыва, но и при развитии операции на большую глубину.

В летне-осенней кампании 1943 г., как и во втором периоде войны в целом, намного возросло искусство достижения внезапности — очень важного фактора осуществления прорыва подготовленной обороны противника. Задача дезинформации наиболее ус-

пешно выполнялась Ставкой. Достижение внезапности во фронтовом звене также стало обязательным элементом планирования и подготовки наступательной операции.

В искусстве ведения прорыва определялось такое использование тактических и оперативных эшелонов, которое обеспечивало последовательное наращивание усилий, сохранение превосходства над противником и увеличение темпов прорыва по мере продвижения войск в глубину обороны противника. При этом большую роль играли подвижные группы армий и фронтов, ввод которых частично или полностью осуществлялся с выходом атакующих войск в район основных артиллерийских позиций для завершения прорыва главной полосы и атаки с ходу второй полосы обороны противника.

Летом и осенью 1943 г. совершенствовалось искусство развития тактического прорыва в оперативный в условиях перехода противника к глубокой позиционной обороне. Оно достигалось вводом в сражение главных сил танковых (механизированных) корпусов и танковых армий и действиями их в отрыве от общевойсковых соединений и объединений, которые, используя их успех, увеличивали темпы наступления, стремясь как можно быстрее перенести фронт борьбы в оперативную глубину.

Увеличение мощи ударных группировок, плотностей войск и повышение искусства организации и ведения прорыва позволило увеличить число успешных прорывов с 50% в первом периоде войны до 70% во втором. Приобретенный боевой опыт был использован и преумножен в третьем периоде войны.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ И СПОСОБОВ ПРОРЫВА В ТРЕТЬЕМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ

1. ПРОРЫВ В ОПЕРАЦИЯХ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ 1944 г.

К началу зимней кампании 1944 г. военно-политическая обстановка характеризовалась дальнейшим укреплением экономического, политического и военного могущества Советского Союза. Вместе с тем всевозрастающий размах наступательных операций, упорное сопротивление противника вызывали все больший расход материальных средств, покрыть который наша промышленность при отсутствии паузы в военных действиях на фронте была не в состоянии. Например, в конце 1943 г. — начале 1944 г. наша промышленность давала 160 тыс. тонн боеприпасов в месяц. Расход же одного наступающего фронта составлял 40 тыс. тонн. Иначе говоря, она в состоянии была обеспечить четыре-пять активно действующих фронтов. Их же было 12. Трудно было и с обеспечением войск горючим и смазочными материалами.

Непрерывные боёвые действия в гигантском наступлении летом и осенью 1943 г. принесли немалые потери. Для многих дивизий необходимы были отдых, время на пополнение и боевую подготовку.

Осенняя распутица ухудшила коммуникации, аэродромное базирование и возможность широкого маневрирования в ходе ведения операций.

Все эти и другие условия обстановки настоятельно требовали для войск передышки и времени для накопления материальных средств, пополнения частей, устройства тыла и для других нужд. Однако сокрушительный разгром противника в летне-осенней кампании создал определенные предпосылки для успешного продолжения наступления. Многие дивизии противника, особенно на юго-западном направлении, были обескровлены, оперативные резервы перемолоты, а стратегических он фактически не имел, так как всего в стратегическом резерве на Восточном фронте было 8,5 дивизий, к тому же нуждавшихся в доукомплектовании.

Продолжение наступления без оперативной паузы позволяло сорвать планы врага на стабилизацию Восточного фронта на линии Днепра и освобождение к началу весенне-полевых работ значительной части советской территории. Выход на государствен-

ные границы СССР открывал пути для перенесения военных действий на территорию сателлитов Германии, что заставляло их искать выхода из войны.

Тщательный анализ сложной стратегической обстановки, сложившейся к концу 1943 г., позволил Ставке увидеть реальные возможности для нанесения противнику мощного удара зимой 1944 г. без оперативной паузы между кампаниями. Однако реализация их оказалась делом сложным и потребовала внесения ряда коррективов в планы операций, задачи фронтов, способы ведения наступления, особенно прорыва.

Прорыв стратегического фронта противника в зимней кампании было намечено осуществить на юго-западном направлении. Кроме политических и экономических целей намечаемых операций учитывалось также и то, что на этом направлении у противника не было хорошо подготовленной, глубоко эшелонированной обороны, а Советская Армия имела выгодную конфигурацию фронта и ряд крупных плацдармов на Днестре. Здесь находились и главные силы Советской Армии, что позволяло без стратегической перегруппировки немедленно перейти в наступление и тем самым не дать противнику времени на создание прочной обороны, проведение перегруппировки сил и восстановление ранее разбитых частей и соединений. Наряду с наступлением на Правобережной Украине активные задачи ставились и перед фронтами, действовавшими на западном и северо-западном стратегических направлениях.

Особенности прорыва в операциях на Правобережной Украине. Стратегическая операция по освобождению Правобережной Украины проводилась войсками четырех фронтов в два этапа. Первый — с 24 декабря 1943 г. по 29 февраля 1944 г., в результате которого была расшатана стратегическая оборона врага на юго-западном направлении; второй — с начала марта по 17 апреля 1944 г., когда Украинские фронты осуществили стратегический прорыв и вышли в пределы Западной Украины и на границу с Румынией.

Советским войскам на Правобережной Украине противостояла мощная группировка врага, в которой насчитывались 91 дивизия, в том числе 18 танковых и 4 моторизованные, 1,2 млн. солдат и офицеров, 16 800 орудий, 2200 танков и штурмовых орудий и 1460 самолетов¹. Это позволяло ему создать очень высокие оперативные плотности войск — 13 км на дивизию.

На первом этапе для освобождения Правобережной Украины были привлечены все Украинские фронты. При этом 1-му Украинскому предстояло провести Житомирско-Бердичевскую операцию, 2-му Украинскому — Кировоградскую, 3-му и 4-му Украинским — Никопольско-Криворожскую. Наиболее характерные черты и особенности подготовки и осуществления прорыва в тех условиях обстановки проявились в Житомирско-Бердичевской операции, которая проводилась с 24 декабря 1943 г. по 15 января 1944 г. К ее

¹ См.: История второй мировой войны. Т. 8, с. 62.

началу фронт имел семь общевойсковых, две танковые и одну воздушную армии. В его составе насчитывалось свыше 450 тыс. человек, 5830 орудий и минометов калибра от 76 мм и выше, 1100 танков и САУ, до 750 самолетов.

Войскам фронта противостояла группировка противника в составе 30 дивизий, в том числе восьми танковых и одной моторизованной. Она имела около 300 тыс. человек, до 600 танков и штурмовых орудий, около 3500 орудий и минометов и до 500 самолетов¹. Следовательно, войска фронта превосходили противника в людях в 1,5 раза, в артиллерии в 1,6 раза, в танках в 1,8 раза, в самолетах в 1,5 раза.

Подготовка прорыва осуществлялась в течение девяти суток, непосредственно после отражения контрнаступления противника на киевском направлении.

Замыслом операции предусматривалось нанесение четырех рассекающих ударов в полосе 200 км при общей протяженности полосы фронта 490 км (схема 16). Главный удар намечалось нанести в направлении Брусилів, Бердичев силами 1-й гвардейской, 18-й, 38-й общевойсковых, 1-й и 3-й гвардейской танковых армий. Вспомогательные удары наносились: справа от главного — силами 60-й армии, усиленной двумя танковыми корпусами, на Шепетовку; слева — смежными флангами 40-й и 27-й армий на Христиновку, где должно было состояться соединение с войсками 2-го Украинского фронта и окружение группировки врага, оборонявшей каневский выступ.

На северном крыле фронта еще один удар силами двух дивизий с танковым корпусом наносила 13-я армия.

Таким образом, к прорыву привлекались все семь общевойсковых армий фронта. На каждом из направлений создавалась достаточно мощная группировка, при этом особенно сильная (30 стрелковых дивизий, 4 танковых и 2 механизированных корпуса) на направлении главного удара.

Хотя оборона неприятеля была неглубокой и очаговой, а ударные группировки достаточно мощными, все же командование фронта, учтя опыт предшествующих операций, в целях создания высоких плотностей войск в условиях большого некомплекта в соединениях определило неширокие участки прорыва: для главной группировки — 18 км, для 60-й армии — 15 км, для 40-й и 27-й армий — 10 км, а для 13-й армии — всего 4 км.

Избранная ширина участков прорыва обеспечивала необходимые условия для ввода в сражение подвижных групп фронта и армий. В то же время небольшое удаление участков прорыва друг от друга позволяло уже с преодолением тактической зоны обороны и расширением прорывов в сторону флангов объединить их в один общий участок прорыва и добиться образования широкой брешы во вражеской обороне.

В результате искусного сосредоточения сил и средств на участках прорыва были созданы высокие оперативные плотности: до 2—

¹ См.: «Военно-исторический журнал», 1967, № 2, с. 13.

3 км на одну дивизию, около 180—200 орудий и минометов, более 20 танков и САУ на 1 км¹. Однако плотность танков НПП была небольшой — даже на направлении главного удара, и то не во всех дивизиях, она не превышала восьми-деяти танков и САУ на 1 км участка прорыва.

Переход в наступление планировалось осуществить не одновременно на всех направлениях, а последовательно — сначала на главном направлении, затем, на второй день, на левом крыле фронта и на третий день на правом крыле. Это позволяло массированно и более эффективно использовать авиацию на каждом из направлений, а также осуществить маневр частью артиллерии РВГК с главного направления на вспомогательные.

Поскольку оборона противника была неглубокой, подвижные группы решено было ввести в сражение в ходе прорыва главной полосы обороны или после того, как стрелковые соединения овладеют ею. Ввод подвижных групп на небольшой глубине вызывался и тем, что плотности танков НПП были невысокими, а боевой состав многих стрелковых соединений был далек от штатного.

По решению командующего фронтом во всех армиях устанавливался единый порядок проведения артиллерийского наступления. Артиллерийская подготовка назначалась продолжительностью 90 минут, поддержка атаки пехоты и танков проводилась методом последовательного сосредоточения огня.

Планом авиационного наступления предусматривалось за двое суток до начала операции нанести удары по штабам, железнодорожным узлам и резервам противника, а непосредственно перед атакой всей штурмовой и бомбардировочной авиацией — по тактической обороне противника. С началом прорыва ставилась задача поддержать атаку главных сил путем непрерывного воздействия по опорным пунктам неприятеля, а с вводом в сражение танковых армий переключить основные силы авиации на их обеспечение.

Прорыв вражеской обороны на направлении главного удара начался утром 24 декабря 1943 г. Действиям главных сил предшествовала разведка боем передовыми батальонами. Особенность ее состояла в том, что она проводилась не накануне общего наступления, как это обычно практиковалось до сих пор, а непосредственно в день наступления, за несколько часов до его начала, что не только исключало шаблон в действиях войск, но и лишало противника возможности осуществить какие-либо мероприятия по усилению обороны. К тому же это имело и определенное психологическое воздействие. В случае отражения разведки боем противник мог полагать, что наступление, как это было и раньше, начнется лишь на следующий день; он расслаблял свое внимание, ожидая почти суточной паузы.

Вслед за разведкой боем была проведена мощная артиллерийская подготовка и нанесены удары авиацией. Перейдя в атаку, войска главной группировки фронта быстро овладели опорными

¹ См.: «Военно-исторический журнал», 1967, № 2, с. 18.

пунктами и узлами сопротивления противника на первой позиции и с ходу атаковали вторую позицию. Здесь бои приняли более ожесточенный характер.

Чтобы быстрее завершить прорыв тактической обороны противника и вырваться на оперативный простор, в середине дня были введены в сражение обе танковые армии: в полосе 18-й армии — 3-я гвардейская, в полосе 38-й армии — 1-я танковые армии. В результате их одновременного удара сопротивление противника было сломлено и к исходу короткого декабрьского дня был завершён прорыв тактической зоны обороны. Танковые армии продвинулись на глубину до 15—20 км, а общевойсковые армии — до 10 км.

На следующий день, несмотря на резкое ухудшение погоды (пошел дождь), что ограничило применение авиации и затруднило действия наземных войск, соединения ударной группировки успешно продвигались вперед. В этот же день перешли в наступление войска 40-й и 27-й армий. К исходу дня прорыв был расширен по фронту до 80 км и на глубину до 20—30 км. Создались условия для оперативного преследования противника.

На третий день операции, когда оперативная оборона врага оказалась надломленной, а противник начал стягивать свои резервы к опасному для него направлению, в наступление перешли более слабые по составу группировки правого крыла фронта. Особенно крупного успеха добилась 60-я армия. В течение дня ее войска продвинулись на глубину до 25 км. Успешно развивалось наступление и на других направлениях.

Таким образом, прорыв тактической зоны обороны противника на всех четырех участках был осуществлен в течение одного дня, а к исходу третьего дня операции все прорывы были объединены в одну общую брешь шириной до 200 км и армии перешли к преследованию противника на широком фронте. Своим наступлением войска 1-го Украинского фронта, охватывая каневскую группировку врага, создали реальные предпосылки для ее окружения и разгрома, что позволяло образовать в оперативной обороне врага значительную брешь, развитие наступления в которой могло привести к стратегическому прорыву. Дело оставалось за 2-м Украинским фронтом.

На 2-м Украинском фронте форма оперативного прорыва была избрана несколько иная. Два удара, наносимые южнее и севернее Кировограда, должны были завершиться окружением противника, после чего намечалось осуществить удары на Христиновку, навстречу войскам 1-го Украинского фронта и к Первомайску. Армиям правого крыла фронта предстояло осуществить самостоятельные прорывы в целях рассеяния окружаемой каневской группировки врага (схема 17).

Для проведения Никопольско-Криворожской операции 3-й и 4-й Украинские фронты планировали по три армейских удара.

В отличие от 1-го Украинского фронта состав ударных группировок для проведения Кировоградской и Никопольско-Криворожской операций оказался намного слабее, что повлияло на плот-

ности войск, создаваемые на участках прорыва. Так, на участках прорыва ударных группировок 2-го Украинского фронта наивысшая плотность артиллерии составляла 120, а средняя — 50—60 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Мощность огня снижалась еще и тем, что фронт к началу операции располагал недостаточным количеством боеприпасов — 0,6—1,1 боевого комплекта, вследствие чего на артиллерийскую подготовку было выделено всего 0,6 и на поддержку атаки 0,4 боевого комплекта. Удары авиации не могли компенсировать недостаток артиллерийского огня. Ее было мало. К тому же погода неблагоприятствовала ее применению.

Плотности пехоты и танков из-за большого некомплекта в соединениях оказались также невысокими.

Хотя оборона противника была не особенно прочной, ее первая позиция все же обладала достаточно высокой устойчивостью, что требовало мощного огневого удара. Однако при невысоких плотностях артиллерии и ограниченном количестве боеприпасов выполнить задачу надежного огневого поражения оказалось невозможным, что сказалось на результатах осуществления прорыва и операций в целом.

Войска 2-го Украинского фронта начали операцию 5 января. На участке прорыва ударной группировки южнее Кировограда противник оказался слабо подавленным. Ему удалось вскрыть подготовку нашего наступления, и он хорошо укрыл живую силу и огневые средства от артиллерийского огня. С началом атаки противник оказал ожесточенное сопротивление. Упорные атаки наших дивизий, следовавшие одна за другой, не приводили к успеху. Сказывалось отсутствие танков НПП и авиационной поддержки.

В этих условиях командующий фронтом приказал ввести в сражение 5-ю гвардейскую танковую армию с задачей совместно с пехотой прорвать вражескую оборону и выполнить поставленную задачу дня. Танковая армия имела 238 танков и САУ и вводилась двумя эшелонами: в первом — 29-й и 28-й танковые корпуса, во втором — 8-й механизированный корпус. Однако и танковые корпуса, встретив на своем пути организованную оборону противника, насыщенную танками и особенно противотанковой артиллерией, продвигались медленно. К исходу дня совместными усилиями общевойсковых и танковых соединений удалось завершить прорыв только главной полосы обороны.

Иначе развивался прорыв на направлении действий северной ударной группировки. Противник, узнав о сосредоточении 5-й танковой армии южнее Кировограда, не среагировал на разведку боем в полосе северной ударной группировки и не уплотнил перед ней боевые порядки. В 9 часов пехота, поддержанная последовательным сосредоточением огня, перешла в атаку. В полосе 53-й армии одновременно с ней перешел в наступление 5-й гвардейский механизированный корпус. В 11 часов, после прорыва первой позиции, в полосе 5-й гвардейской армии вошел в сражение 7-й механизированный корпус, имевший всего 41 танк. Удар двух армий, усиленных двумя танковыми корпусами, позволил в первые часы создать

брешь в обороне шириною 18 км, которую противник не мог закрыть тактическими резервами, а оперативные находились южнее. Танковые корпуса прорвали вторую позицию, а затем и всю главную полосу обороны. К исходу дня 7-й механизированный корпус вырвался на глубину 24 км.

Для развития успеха командующий фронтом из южной группировки перебросил сюда 8-й механизированный корпус. Несмотря на усиление, северная группировка на оперативный простор выйти не смогла: противник, полагая, что главный удар наносится севернее Кировограда, перебросил туда свои танковые части.

Ослабление обороны противника южнее Кировограда позволило 7-й гвардейской армии совместно с 5-й гвардейской танковой армией прорвать вторую полосу и к исходу дня продвинуться на глубину до 20 км, а передовыми частями выйти к юго-восточной окраине Кировограда. Южная группировка за второй день продвинулась на 6—7 км и соединилась с северной. Прорыв достиг 70 км по фронту и 30 км в глубину. Утром 8 января был освобожден г. Кировоград.

Правофланговые 52-я и 4-я гвардейская армии на своих участках продвинулись на 20—30 км.

Хотя результаты Кировоградской операции оказались значительными, однако войскам 2-го Украинского фронта не удалось вырваться на оперативный простор, выйти к Христиновке и там замкнуть кольцо окружения в тылу каневской группировки врага.

Прорыв на 3-м и 4-м Украинских фронтах вследствие малочисленности ударных группировок не удался.

Ход первых операций на Правобережной Украине показал, что противник обладал еще достаточными силами для сохранения устойчивости своего стратегического фронта. Сокрушение его возможно было либо нанесением ряда глубоких рассекающих ударов, как это намечалось первоначальным планом, для чего у фронтов пока не доставало сил, либо проведением сначала локальных наступательных операций имеющимися силами, в ходе которых можно было бы расшатать оборону врага, а затем, нанеся глубокие удары, сокрушить его фронт и выполнить задачи, намеченные на зимнюю кампанию. Ставка, накапливая силы для летне-осенней кампании 1944 г., избрала второй путь, для чего были намечены три операции: Корсунь-Шевченковская — силами 1-го и 2-го Украинских фронтов, Ровно-Луцкая — на правом крыле 1-го Украинского фронта и Никопольско-Криворожская — армиями 3-го Украинского фронта.

Центральной и наиболее эффективной операцией явилась Корсунь-Шевченковская (схема 18). Главной целью ее было уничтожение крупной каневской группировки противника, насчитывавшей 10 дивизий, одну моторизованную бригаду с многочисленными средствами усиления¹, что составляло около 10% всей численности войск, оборонявшихся на Правобережной Украине. Их полное уничтожение существенно ослабляло силы противника и ли-

¹ См.: История второй мировой войны. Т. 8, с. 71.

шало его возможности за счет ликвидации каневского выступа создавать резервы и уплотнять наиболее опасные для себя направления.

Немецко-фашистское командование, стремясь обеспечить удержание корсунь-шевченковского выступа, который мог бы служить исходным плацдармом на случай перехода в наступление, торопилось создать устойчивую оборону. В течение непродолжительного времени после образования этого выступа противнику удалось приспособить к обороне большинство населенных пунктов, отрыть отдельные окопы, организовать систему огня и местами создать инженерные заграждения.

Перед войсками 2-го Украинского фронта главная полоса обороны имела глубину от 3 до 6 км и состояла из опорных пунктов и узлов сопротивления, соединенных ходами сообщения. Внутри опорных пунктов имелась развитая сеть траншей. Вторая полоса подготавливалась на удалении 10—12 км от переднего края главной полосы, но к началу нашего наступления ее строительство не было завершено. Перед 1-м Украинским фронтом оборона противника в инженерном отношении была развита слабее.

Подготовка операции проводилась в сложной оперативной обстановке, когда войска фронтов только что завершили предшествующие операции, израсходовали значительное количество сил и средств и на ряде участков вели тяжелые оборонительные бои с крупными силами противника, который все еще питал надежды восстановить целостность Восточного вала. В борьбе с танковыми дивизиями противника, наносившими контрудары, было задержано значительное количество сил, особенно 1-го Украинского фронта. Часть сил его 40-й армии (136-я стрелковая дивизия, полк 167-й стрелковой дивизии, часть сил 6-й мотострелковой бригады) даже вела бой в окружении. Это крайне затрудняло создание ударной группировки фронта.

Весьма остро стоял вопрос о накоплении боеприпасов. К основным артиллерийским системам в армиях имелось от 0,7 до 1,5 боевого комплекта.

Неблагоприятными были и гидрометеорологические условия. Наступила оттепель, вскрылись малые реки, испортились дороги. Погода стояла пасмурная, крайне затруднявшая использование авиации.

Замысел Ставки на проведение Корсунь-Шевченковской операции предусматривал встречными ударами смежных крыльев 1-го и 2-го Украинских фронтов прорвать оборону противника у основания выступа и, соединившись в районе Звенигородка, Шпола, окружить и уничтожить обороняющуюся его группировку.

Хотя оборона у основания каневского выступа противника оказалась значительно ослабленной, для проведения операции командующие фронтами создали достаточно крупные ударные группировки — по две общевойсковые и одной танковой армии.

Оперативные плотности и соотношение сил на участках прорыва фронтов приведены в табл. 7.

Таблица 7

Оперативные плотности и соотношение сил на участках прорыва в Корсунь-Шевченковской операции

Ударная группировка	Участок прорыва, км	Количество дивизий	Количество танковых (механизированных) корпусов	Км на дивизию	Орудий и минометов (калибра 76 мм и выше) на 1 км	Танков на 1 км	Соотношение		
							по пехоте	по артиллерии	по танкам
Ударная группировка 1-го Украинского фронта	$\frac{25^*}{15}$	6	2	2,5	80 (104)	10	2,5:1	3,3:1	5,0:1
Ударная группировка 2-го Украинского фронта	19	14	3	1,4	99 (117)	14,2	4,6:1	6,3:1	10,4:1

* В числителе — по задаче Ставки, в знаменателе — по решению командующего фронтом. В скобках — с учетом РА.

Исходя из характера обороны ее подавление предусматривалось не на всем сплошном фронте участка прорыва, а по узлам сопротивления и опорным пунктам. Так, в решении командующего 40-й армией отмечалось: «Учитывая, что оборона противника очаговая, фронт обработки ее будет в два раза уже, что позволяет поднять фактическую плотность артиллерии до 100—120 стволов на 1 километр обрабатываемой огнем площади»¹. По важнейшим целям планировался огонь артиллерии и в 27-й армии.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 35 минут в 1-м Украинском фронте и 56 минут во 2-м Украинском фронте. Для уничтожения важнейших целей на переднем крае обороны противника было выставлено от 10 до 20 орудий на километр фронта для стрельбы прямой наводкой. Поддержка атаки намечалась во 2-м Украинском фронте огневым валом в сочетании с ПСО, а в 1-м Украинском фронте — только методом ПСО.

Значительное внимание оба фронта уделили достижению внезапности. С этой целью на 1-м Украинском фронте группировка создавалась с проведением минимальных перегруппировок. На 2-м

¹ ЦАМО СССР, ф. 266, оп. 12070, д. 99, л. 3.

Украинском фронте кроме детально разработанных мероприятий по скрытному сосредоточению войск на участке прорыва подготавливалась операция по введению противника в заблуждение. Она преследовала цель создать у него впечатление о подготовке удара на прежнем направлении, западнее Кироваграда в полосах 5-й и 7-й гвардейских армий. Здесь, как отмечает Маршал Советского Союза И. С. Конев, «были, например, созданы ложные районы сосредоточения танков и артиллерии, ложные огневые позиции, имитировались ложные передвижения войск и техники. Все это, вместе взятое, во многом способствовало успеху операции»¹.

Наступление войск 2-го Украинского фронта началось 24 января действиями усиленных передовых батальонов. Поддержанные артиллерией и небольшими группами штурмовиков, они внезапной атакой сломили сопротивление противника на переднем крае и к исходу дня на 16-километровом фронте продвинулись на глубину до 6 км².

В такой обстановке было бы целесообразным решительно развить успех, достигнутый передовыми батальонами, вводом в действие главных сил ударной группировки фронта. Однако командование фронта не пошло на изменение первоначального плана операции и не ввело в этот день главных сил. В результате противнику было предоставлено время для переброски своих сил к участку прорыва с других направлений.

С утра 25 января после 10-минутного огневого налета были введены в сражение главные силы 4-й гвардейской и 53-й армий. Они сразу же встретили упорное сопротивление противника. Эффективности подавления его артиллерийским огнем оказалась недостаточной. Не действовала из-за плохой погоды и авиация фронта.

Требовалось немедленное наращивание усилий наступающих войск. Однако армии и корпуса, построенные в один эшелон, не имели для этого сил и средств, и в 14 часов командующий фронтом на участке шириной всего 6 км ввел в сражение 5-ю гвардейскую танковую армию, которая, тесно взаимодействуя с общевойсковыми соединениями 53-й армии, завершила прорыв тактической зоны обороны. К исходу дня ее корпуса первого эшелона (20-й и 29-й танковые корпуса) продвинулись на глубину до 18 км.

На второй день наступление армий замедлилось, так как им пришлось отразить ряд контратак, спешно переброшенных к участку прорыва частей 14-й и 3-й танковых дивизий противника. 27 января противник нанес контрудары с юга тремя танковыми и с севера двумя пехотными и одной танковой дивизиями и после ожесточенных боев закрыл образовавшуюся в его обороне брешь. 20-й и 29-й танковые корпуса оказались отрезанными от остальных сил 5-й гвардейской танковой армии.

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943—1944. М., «Наука», 1972, с. 99.

² См. там же, с. 100.

Командующий фронтом, оценив сложившуюся обстановку, принял смелое решение: 20-му и 29-му танковым корпусам продолжать развивать наступление на Шпола, Звенигородку, где соединиться с войсками 1-го Украинского фронта; 18-му танковому и 5-му гвардейскому кавалерийскому корпусам войти в сражение соответственно в полосах 53-й и 4-й гвардейской армий, совместно с ними разгромить противостоящую группировку противника и развивать наступление вслед за танковыми корпусами первого эшелона 5-й гвардейской танковой армии.

20-й и 29-й танковые корпуса в ночном бою овладели г. Шпола, а в 13 часов 29 января захватили Звенигородку и встретились с подошедшим к городу передовым отрядом 6-й танковой армии.

Войска 4-й гвардейской и 53-й армий во взаимодействии с 18-м танковым и 5-м гвардейским кавалерийским корпусами с 28 по 30 января пробили заслон противника в горловине прорыва и устремились в направлении Шпола, одновременно образуя внутренний и внешний фронт окружения, который был создан к 2 февраля.

Войска 1-го Украинского фронта перешли в наступление 26 января. Бои на всем фронте прорыва носили упорный характер. Особенно сильное огневое сопротивление встретили войска 40-й общевойсковой и 6-й танковой армий. К исходу дня они продвинулись только на 2—5 км. При этом потери 6-й танковой армии составили 59 танков и САУ. Соединениям 27-й армии удалось продвинуться за день на 8—12 км.

На второй день войска 1-го Украинского фронта, используя успех 27-й армии, продвинулись до 10 км на правом фланге и до 25 км на левом фланге участка прорыва. Тактическая оборона противника оказалась прорванной на всем фронте. 28 января высланный вперед передовой отряд 6-й танковой армии к 13 часам достиг Звенигородки, где соединился с 20-м танковым корпусом 5-й гвардейской танковой армии. Каневская группировка врага оказалась в плотном окружении. Разгром корсунь-шевченковской группировки врага, заверченный к исходу 17 февраля, сильно ослабил центр стратегической обороны на Правобережной Украине. Успешным проведением Ровно-Луцкой и Николапольско-Криворожской операций удалось расстроить оборону и на флангах. При этом следует отметить, что в Ровно-Луцкой операции (схема 19) для проникновения в оперативную глубину командование 13-й армии искусно использовало разрыв в обороне врага в районе Сарн, через который по лесисто-болотистой местности прошли два кавалерийских корпуса и нанесли удар по вражеской группировке с тыла. В этой же операции был применен прорыв главными силами 13-й армии с подхода. Сложность организации взаимодействия при таком способе прорыва, трудность одновременного выхода атакующих войск к переднему краю противника привели к медленному прорыву. Лишь ослабление оперативной обороны врага неожиданным выходом кавалерийских корпусов в глубокий тыл врага позволило завершить прорыв, овладеть районом

Луцк, Сураж, Ровно и тем создать нависающее положение войск 1-го Украинского фронта над группой армий «Юг».

Проведением Корсунь-Шевченковской, Ровно-Луцкой и Никопольско-Криворожской операций завершился первый этап разгрома противника на Правобережной Украине. В ходе почти трех месяцев напряженной борьбы противнику были нанесены крупные потери. Существенно снизилось моральное состояние его войск, что не могло не отразиться на устойчивости обороны, которая во многих направлениях оказалась слабой. Все это создало предпосылки для решительного прорыва стратегического фронта врага от Полесья до Черного моря и полного освобождения Правобережной Украины. Однако наступала весенняя распутица, по мнению немецкого командования, исключавшая проведение крупных наступательных операций.

Советское командование, оценив обстановку, решило использовать создавшиеся возможности и, несмотря на неблагоприятные климатические условия, осуществить силами 1, 2 и 3-го Украинских фронтов второй этап стратегической операции по освобождению Правобережной Украины.

Разработка плана в Генеральном штабе началась еще в феврале. «Анализ стратегической обстановки на фронте,— пишет А. М. Василевский,— состояние войск врага, непрерывно возрастающие ресурсы страны дали Верховному Главнокомандованию основание сделать вывод о том, что возможно и целесообразно продолжать наступление Украинских фронтов без всякой передышки, чтобы одновременными мощными ударами на широком фронте от Полесья до устья Днепра расчленил немецко-фашистские войска и, уничтожив их по частям, завершить освобождение Правобережной Украины»¹. Иначе говоря, в этом замысле нашли реальное воплощение те идеи, которые были заложены при планировании наступления на Правобережной Украине в декабре 1943 г. (схема 20).

1-му Украинскому фронту главный удар предстояло нанести на Проскуров войсками 13, 60 и 1-й гвардейской армий, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий, усиленных всей артиллерией фронта. При этом каждая общевойсковая армия прорывала оборону на самостоятельном участке. Кроме того, два армейских удара намечалось осуществить на левом крыле фронта в тесном взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта.

2-й Украинский фронт должен был прорвать оборону на двух участках, нанося главный удар силами 27, 52 и 4-й гвардейской общевойсковых и 2-й и 5-й гвардейской танковых армий. Две армии, примыкавшие своими флангами к участку главного удара (40-я и 53-я), получили задачу создать на этих флангах группировки в составе пяти стрелковых дивизий каждая и, используя прорыв на главном направлении, нанести удары в целях обеспечения ударной группировки фронта справа и слева, расширения уча-

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, с. 376.

стка прорыва в сторону флангов и свертывания обороны противника перед фронтом своих войск.

На удалении 150 км от главного наносился вспомогательный удар смежными флангами 5-й и 7-й гвардейских армий.

3-й Украинский фронт получил задачу, используя плацдармы на р. Ингулец южнее Кривого Рога, главный удар нанести силами 46-й и 8-й гвардейской армий, конно-механизированной группы и танкового корпуса в направлении на Нов. Буг. Войска правого крыла фронта — 57-я и 37-я армии наносили удар с целью сковать левофланговые соединения 6-й немецкой армии. 6-я и 5-я ударная армии должны были наступать в направлении на Березнеговатое и Снигиревку с задачей во взаимодействии с 8-й гвардейской армией и конно-механизированной группой разгромить правофланговые соединения 6-й немецкой армии. 28-й армии ставилась задача наступать по правому берегу Днестра в общем направлении на Херсон и Николаев.

Таким образом, всего в стратегической операции планировалось нанести девять ударов с прорывом обороны на 14 участках. Ширина армейских участков прорыва колебалась от 5 до 13 км. Только в 60-й армии он был 25 км, в 8-й гвардейской — 17 км. Участок прорыва на направлении главного удара 2-го Украинского фронта был шириной 25 км.

Следует отметить, что если состав 1-го и 2-го Украинских фронтов позволял осуществить быстрый прорыв на нескольких участках, то для 3-го Украинского фронта прорыв на четырех участках при меньшем составе сил, особенно подвижных войск и недостатке боеприпасов, был затруднителен. Можно было бы ограничиться только двумя участками прорыва, что позволяло добиться лучшего массирования сил и средств, а значит, быстрее и с меньшими потерями прорвать оборону противника. Сковывать силы противника на второстепенном направлении при ограниченности у него оперативных резервов и концентрации их в основном перед 1-м и 2-м Украинскими фронтами можно было демонстрацией подготовки наступления, ибо вполне достаточно было задержать их всего на одни сутки.

Несмотря на большой некомплект в соединениях, благодаря сосредоточению усилий крупных ударных группировок на узких участках удалось на многих направлениях создать высокие плотности войск и убедительное превосходство над противником.

Чтобы образовать крупные группировки, поставить их перед слабым участком обороны врага и занять нависающее положение над главной группировкой противника, находившейся на Правобережной Украине, командующий фронтом провел крупную перегруппировку войск в условиях весенней распутицы. К западу на 80—120 км были смещены соединения 60-й, 1-й гвардейской и часть сил 18-й общевойсковых и 3-й гвардейской танковой армий. 4-я танковая армия выдвигалась из района Киева и ей предстояло совершить 300-километровый марш.

Планом боевого использования артиллерии артиллерийская подготовка определялась на 1-м и 2-м Украинских фронтах продолжительностью 45—56 минут, на 3-м Украинском фронте — 15—30 минут. Поддержка атаки осуществлялась огнем валом и последовательным сосредоточением огня.

При проведении авиационного наступления намечалось уничтожить авиацию противника на аэродромах, сорвать железнодорожные перевозки на основных магистралях, нарушить управление и связь. В период тактического прорыва и его развития в глубину авиация должна была уничтожать огневые средства и войска противника перед наступающими войсками, прикрыть войска от ударов с воздуха, оказать содействие вводу в прорыв подвижных соединений. Для выполнения последней задачи для танковых армий выделялось по одной штурмовой и истребительной дивизии.

Основная задача инженерных войск состояла в том, чтобы обеспечить продвижение войск в весеннюю распутицу, особенно преодоление рек Горынь, Горный Тикич.

Оперативное построение фронтов и армий было в основном одноэшелонным. Но фронты имели сильные подвижные группы в составе трех танковых армий, а на 3-м Украинском фронте — конно-механизированной группы. В резерве общевойсковых армий было по одной-две дивизии. Боевые порядки корпусов также строились в один эшелон, а дивизии — в два эшелона. Такое построение исходило из учета большого некомплекта соединений, неглубокой и недостаточно развитой в инженерном отношении обороны противника и было направлено на достижение мощного первоначального удара, который, по замыслу командования фронта, должен был обеспечить прорыв в первый день всей тактической обороны противника.

Следует особо остановиться на вводе в сражение подвижных групп. В составе 3-й и 4-й танковых армий насчитывалось 730 танков и САУ, в составе 2, 6, и 5-й гвардейской танковых армий около 600 танков и САУ. Все они вводились в сражение на небольшой глубине: 4-я и 3-я гвардейская танковые армии на глубине 6—8 км вслед за 4-м танковым корпусом — эшелонам развития успеха 60-й армии, а 2-я и 5-я гвардейская танковые армии — 1—1,5 км. 1-я танковая армия после доукомплектования находилась на марше и могла быть введена в сражение в ходе операции.

Наращивание силы удара танковыми армиями в ходе прорыва главной полосы обороны позволяло сделать прорыв безостановочным, провести его в высоком темпе и за короткое время перенести борьбу в оперативную глубину.

Ставка и командование Украинских фронтов сделали много для достижения внезапности удара. Наиболее важным мероприятием, осуществленным Ставкой, было назначение такого времени начала операции, которое немецко-фашистское командование считало невозможным для проведения крупного наступления, «На

этом необоснованном расчете, — писал маршал Г. К. Жуков, — мы и решили поймать врага, нанеся ему ряд сокрушительных ударов»¹. Командование 1-го Украинского фронта в полосе 38-й армии провело широкую подготовку крупного наступления: здесь проводились рекогносцировки, пристрелка артиллерии, ложное сосредоточение танковой армии и одного стрелкового корпуса со средствами усиления и, наконец, 2 марта — частная атака. Для скрытого совершения перегруппировки были приняты строгие меры по оперативной маскировке. Все это позволило длительное время держать в тайне подготавливаемую операцию. Лишь за три-четыре дня до начала наступления противник получил некоторые данные о нависшем со стороны Шепетовки ударе войск 1-го Украинского фронта. И хотя он принял решение о переброске на угрожаемое направление пяти танковых и моторизованных дивизий и одной бригады, однако половина этих сил не успевала подойти туда к началу наступления войск фронта. Вместе с тем переброска крупных сил к правому крылу 1-го Украинского фронта привела к ослаблению оперативной обороны врага перед 2-м Украинским фронтом, что облегчало прорыв ее на уманском направлении.

На 2-м и 3-м Украинских фронтах была организована действенная оперативная маскировка и к минимуму сведены перегруппировки войск вдоль фронта.

Первыми, 4 марта, прорыв начали войска 1-го Украинского фронта в условиях, когда противник, убедившись, что он не успевает прочно закрыть угрожаемое направление, предпринял отвод своих сил в глубину. Удар артиллерии пришелся по арьергардам. Сломив их сопротивление, войска 60-й и 1-й гвардейской армий в первой половине дня овладели всей главной полосой обороны. Введенные в сражение танковые армии развили их успех и к исходу дня продвинулись до 30 км, общевойсковые — до 15 км. По сути дела, оборона врага была опрокинута, открылась возможность ночью или на следующий день выйти к рубежу Тернополь, Проскуров, куда выдвигались резервы противника, и разгромить их с ходу. Но тяжелейшая весенняя распутица делала трудным продвижение даже танковых армий. К тому же в танках 4-й танковой армии в баках остался только неприкосновенный запас горючего, так как к началу прорыва их удалось заправить лишь наполовину.

Продвигаясь по раскисшим дорогам, уничтожая противника в сильных узлах сопротивления, оборудованных в крупных населенных пунктах, главная группировка в течение 5—10 марта подошла к рубежу Тернополь, р. Южный Буг, где противник спешно готовил новый оборонительный рубеж, на котором сосредоточивались усилия до десяти танковых и шести пехотных дивизий.

Попытки прорыва его с ходу привели лишь к захвату плацдармов и глубокому вклинению в оборону врага частей 3-й гвардейской танковой и 1-й гвардейской армий.

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., изд-во АПН, 1974, с. 231.

Ставка директивами от 12 марта поставила 1-му и 2-му Украинским фронтам задачу с 20—21 марта перейти в общее наступление, в ходе которого завершить прорыв оперативной обороны противника, окружить основные силы его 1-й танковой армии и перенести боевые действия за Днестр.

Хотя до перехода в общее наступление 1-й Украинский фронт располагал одной неделей, фактическое время, которое смогли получить армии на подготовку наступления, ввиду отражения контрударов и сильных контратак противника не превышало трех-пяти дней. В условиях проведения сложных перегруппировок войск такой срок следует признать ограниченным.

Наиболее поучительно прошли организация и прорыв оперативного рубежа обороны противника в 1-й гвардейской армии. В ее составе находилось шесть корпусов. Для нанесения удара по слабому месту западнее Проскурова с левого фланга армии на правый, на расстояние 60—80 км, перебрасывалось четыре корпуса. Вместе с корпусами 3-й гвардейской танковой армии они составили ударную группировку, которой предстояло прорвать оборону на участке 14 км (схема 21).

Танковые корпуса исходное положение для наступления заняли непосредственно за стрелковыми, чтобы с прорывом опорных пунктов на первой позиции войти в сражение и на глубине 5—6 км обогнать пехоту и устремиться в оперативную глубину. Для развития наступления на второй день в сражение намечалось ввести механизированный и стрелковый корпуса — вторые эшелоны армий.

21 марта после 40-минутной артиллерийской подготовки войска 1-й гвардейской армии в 12.20 перешли в наступление. Измотанный и подавленный противник хотя и пытался оказать упорное сопротивление, однако к 15.00 первая позиция была полностью прорвана. Разлившаяся от весеннего паводка небольшая р. Плоска задержала наступление войск. Но к 17.00 весь оперативный рубеж обороны неприятеля все же оказался прорванным.

На следующий день войска обеих армий продвинулись на 15—20 км и перешли в преследование.

Столь же успешно прошел прорыв в полосе 60-й армии, где для развития прорыва в сражение были введены 1-я и 4-я танковые армии. Выход их на оперативный простор, стремительные действия, особенно свежей 1-й танковой армии, привели к полной дезорганизации намерений противника, который стремился отвести свои войска за Днестр. Группа армий «Юг» оказалась расщепленной, при этом ее 4-я танковая армия была отброшена на запад, а 1-я танковая на восток, где она вскоре попала в оперативное окружение.

Ударная группировка 2-го Украинского фронта перешла в наступление 5 марта. Авиация из-за густого тумана не действовала. Наш удар оказался неожиданным для противника. Пехота и передовые отряды танковых армий при поддержке артиллерии быстро сломили сопротивление противника на первой позиции. Большую

роль в ходе прорыва сыграли орудия сопровождения, которых в армиях было на каждый километр фронта от 20 до 30.

После прорыва первой позиции на глубине до 1,5 км от переднего края обороны противника были введены главные силы 2-й и 5-й гвардейской танковых армий. 2-я танковая армия уже к исходу дня вышла к р.Горный Тикич, продвинувшись на 14—16 км. Для использования ее успеха командующий 27-й армией ввел в сражение из своего резерва 78-ю стрелковую дивизию. Это позволило к ночи выйти на р. Горный Тикич и войскам 27-й армии.

За ночь инженерно-саперные части при помощи войск оборудовали переправы. По ним переправились соединения 2-й танковой армии и развили наступление на Умань, переместившись в полосу 52-й армии. Наши танки, появившиеся в тылу противника, вынудили его начать поспешный отход и в полосе 52-й армии.

В целях развития достигнутого успеха 27-й армии по указанию командующего фронтом в ее полосе была введена в сражение 6-я танковая армия.

Несколько меньший успех прорыва был в полосе 4-й гвардейской армии, где была введена в сражение 5-я гвардейская танковая армия.

Командующий 4-й армией для наращивания силы удара ввел в сражение вечером 5 и утром 6 марта последовательно 41-ю и 62-ю гвардейские стрелковые дивизии. Это позволило 6 марта совместными усилиями с 5-й гвардейской танковой армией завершить прорыв тактической зоны обороны противника, выйти к р.Горный Тикич и 7 марта форсировать ее передовыми частями.

8 марта, когда оперативная оборона врага была расшатана, перешли в наступление 5-я и 7-я гвардейские армии. Они успешно прорвали оборону и начали развивать наступление на Первомайск.

С утра 9 марта улучшилась погода, что позволило 5-й воздушной армии нанести ряд ударов по войскам противника и содействовать наземным войскам в успешном продвижении вперед.

Противник вынужден был поспешить с отходом. Наши войска перешли в преследование. За шесть дней в весеннюю распутицу войска продвинулись на глубину около 70 км. С форсированием Южного Буга открылся путь к советско-румынской границе.

Прорыв на 3-м Украинском фронте проходил несколько труднее. Низкие плотности артиллерии при очень короткой артиллерийской подготовке не позволили надежно подавить оборону противника, который в течение дня оказывал упорное сопротивление, особенно в населенных пунктах. К исходу первого дня наступление войск начало замедляться. Тогда в 21.30 6 марта в ненастную погоду была введена в сражение конно-механизированная группа. Ее удар оказался неожиданным для противника и предпринял прорыв обороны на всю оперативную глубину. Утром 8 марта подвижная группа овладела г.Новый Буг. Фронт 6-й немецкой армии оказался разорванным.

Мощное наступление 1-го и 2-го Украинских фронтов на юг, юго-запад, перерастание Березнеговато-Снигиревской операции 3-го Украинского фронта в Одесскую привели к образованию стратегической бреши в обороне противника на юго-западном направлении. Развитие здесь стратегического преследования позволило освободить большинство районов Центральной и Западной Украины, выйти на Прут и восстановить часть государственной границы СССР.

* * *

Зимняя кампания 1944 г. обогатила советское военное искусство опытом прорыва обороны противника в условиях перерастания одной кампании в другую без паузы. Недостаток сил и некоторая недооценка прочности обороны противника на Правобережной Украине в начале кампании не позволили прорвать ее рассекающими ударами на широком фронте. Проведя ряд последовательных операций по фронту, Украинские фронты расшатали оперативную оборону врага и затем сокрушили стратегический фронт рассекающими ударами в глубину в сложных условиях весенней распутицы.

На Правобережной Украине было разгромлено более 70 вражеских дивизий, оборона прорвана в полосе 650 км и на глубину 450—500 км. Немецко-фашистское командование для восстановления стратегического фронта обороны у предгорий Карпат и нижнего течения р.Днестр вынуждено было перебросить из Германии, Западной Европы, Румынии и Венгрии 40 дивизий и две бригады¹.

Операции по освобождению Правобережной Украины характеризовались применением разнообразных форм оперативного прорыва:

— нанесение ряда ударов в целях глубокого рассечения обороны и группировок войск противника (Житомирско-Бердичевская, Проскуровско-Черновицкая и Уманско-Ботошанская операции);

— прорыв на двух участках с развитием наступления по сходящимся направлениям в целях окружения и уничтожения вражеских группировок (Кировоградская, Корсунь-Шевченковская, Никопольско-Криворожская операции);

— прорыв с использованием разрыва в обороне противника кавалерийскими корпусами и ударом с фронта общевойсковыми соединениями (Ровно-Луцкая операция);

— прорыв на ряде участков на широком фронте в целях дробления вражеской обороны на отдельные части с последующим объединением их в один общий прорыв (Березнеговато-Снигиревская и Одесская операции).

Такое широкое разнообразие форм оперативного прорыва сви-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 3, с. 171.

детельствует о творческом подходе советского командования к их выбору с учетом полученных задач, группировки сил и характера обороны противника, а также состояния и группировки своих войск.

Исходя из того что оборона противника имела, как правило, небольшую глубину, была недостаточно развита в инженерном отношении, строилась преимущественно по системе создания узлов сопротивления и опорных пунктов, прорыв ее в большинстве фронтовых операций совершался на трех-четырех и более участках. Так, из девяти проведенных операций фронты прорывали: на двух участках — в трех операциях, на трех-четырех и более участках — в шести операциях. Участки прорыва фронтов на главном направлении были в пределах 18—28 км, и на них сосредоточивались усилия обычно двух-трех общевойсковых армий. Ширина армейских участков прорыва составляла 3,5—13 км и лишь в отдельных случаях, при прорыве ослабленной обороны, — 17—25 км.

Оперативное построение фронтов, армий и большинства боевых порядков соединений и частей осуществлялось в один эшелон, так как для прорыва неглубокой обороны противника требовался прежде всего сильный первоначальный удар. Такое оперативное построение определялось и тем, что в составе всех фронтов на Правобережной Украине имелись крупные танковые соединения и объединения. При наступлении в условиях распутицы, отсутствия или ограниченного количества танков НПП и пониженных боевых возможностей стрелковых соединений они всякий раз участвовали в завершении прорыва вражеской обороны и в дальнейшем были ведущей силой при преследовании.

Учитывая слабую укомплектованность танковых войск, командование фронта стремилось сосредоточивать на главном направлении усилия нескольких танковых армий, танковых и механизированных корпусов, что позволяло применять их массированно, добиваться решающего превосходства над противником, быстро завершать прорыв вражеской обороны и развивать достигнутый успех на большую глубину.

При прорыве очаговой обороны противника продолжительность артиллерийских подготовок обычно не превышала 60 минут, а для поддержки атаки пехоты и танков применялся в основном метод последовательного сосредоточения огня. Сказывались здесь и тяжелые условия распутицы, затруднявшие нормальное обеспечение артиллерии боеприпасами. Широко применялась стрельба орудий прямой наводкой, что позволяло выполнять огневые задачи с малым расходом боеприпасов.

В ходе зимней кампании 1944 г. советские войска приобрели опыт прорыва и сильно укрепленной обороны противника под Ленинградом, Новгородом, в Крыму. Здесь участки прорыва начались узкими, в пределах 12—14 км, на которых оборона прорывалась, как правило, силами одной хорошо укомплектованной общевойсковой армии при поддержке значительного количества артиллерии и основных сил авиации фронта.

Прорыв сильно укрепленной обороны требовал более высоких плотностей артиллерии, чем это было в операциях на Правобережной Украине, наличия в составе артиллерийских группировок значительно большего количества орудий крупных калибров (122 мм и выше), которые широко использовались и для стрельбы прямой наводкой, проведения продолжительной артиллерийской подготовки атаки, выделения в ряде случаев предварительного периода разрушения, значительно большего расхода боеприпасов и применения более эффективных методов поддержки атаки (огневой вал вместо ПСО).

В целом опыт прорыва вражеской обороны, полученный в зимней кампании 1944 г., явился дальнейшим шагом в развитии советского военного искусства.

2. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОРЫВА В ОПЕРАЦИЯХ ЛЕТНЕ-ОСЕННЕЙ КАМПАНИИ 1944 г.

Стратегическая обстановка, сложившаяся на советско-германском фронте к лету 1944 г., была достаточно благоприятной для Советской Армии. В ходе зимней кампании противник понес крупные потери, для восстановления которых у него уже не было достаточных людских и экономических ресурсов. Но военная промышленность Германии все еще работала на всю мощь, что позволяло регулярно снабжать армию оружием и материальными средствами. За 1944 г. она получила столько боевой техники, что ее хватило бы на вооружение 225 пехотных и 45 танковых дивизий¹.

Советские войска, используя всевозрастающие возможности военной промышленности страны, войсковых ремонтных средств и прекрасную работу госпиталей, вступали в новую кампанию хорошо укомплектованными и обученными. В них царил высокий морально-боевой дух. Количественный и качественный состав Вооруженных Сил позволял советскому Верховному Главнокомандованию проводить крупные наступательные операции с еще более решительными целями.

Политические цели в летне-осенней кампании 1944 г., поставленные Коммунистической партией и Советским правительством перед Вооруженными Силами СССР, состояли в том, чтобы очистить от фашистских захватчиков всю советскую землю, восстановить государственную границу Советского Союза по всей линии от Баренцева до Черного моря и приступить к освобождению от фашистской неволи народов Польши, Чехословакии и других европейских государств.

В соответствии с этими целями и учетом возможностей Советских Вооруженных Сил Ставка Верховного Главнокомандования

¹ См.: Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. М., Изд-во иностр. лит., 1956, с. 95.

разработала план летне-осенней кампании 1944 г., в основу которого была положена идея последовательного нанесения мощных ударов на различных направлениях, которые в дальнейшем должны были привести к стратегическим прорывам на западном и юго-западном направлениях и вылиться в форму общего наступления Советской Армии на всем советско-германском фронте.

В ходе кампании было проведено семь стратегических наступательных операций и ряд операций оперативного значения. Прорыв стратегического фронта противника на западном направлении был начат и осуществлен Прибалтийским и группой Белорусских фронтов.

Прорыв в Белорусской операции (схема 22). Придавая важное значение удержанию белорусского балкона, фашистское командование держало здесь крупные силы и создало прочную глубоко эшелонированную оборону. Кроме тактической зоны было оборудовано в глубине четыре рубежа и несколько промежуточных полос и отсечных позиций, общая глубина которых достигала 250—270 км.

Наиболее подготовленной являлась тактическая зона обороны, имевшая две полосы. Главная полоса обороны глубиной 5—6 км состояла из двух, а местами из трех позиций, оборудованных граншеями полного профиля, соединенных между собой ходами сообщения. Вторая полоса обороны проходила на удалении до 12 км от переднего края. Для усиления устойчивости рубежей противник широко использовал многочисленные реки, заболоченные участки местности, леса.

Оборонялись в Белоруссии группа армий «Центр» (3-я танковая, 4, 9, и 2-я полевые армии), а также фланговые соединения 16-й армии группы армий «Север» и 4-й танковой армии группы армий «Северная Украина». Всего 53 дивизии и 3 бригады (в том числе 4 танковые и 3 моторизованные дивизии). Из них в оперативном резерве находилось всего 11 дивизий на фронте свыше 1000 км, к тому же скованных действиями партизан, что являлось слабой стороной обороны.

При определении замысла на операцию Ставка исходила из характера обороны противника и условий лесисто-болотистой местности. Тщательно был проанализирован и опыт незавершенных операций, проведенных на западном направлении зимой 1943/44 г. А он говорил о том, что без быстрого и решительного разгрома значительных группировок на ряде участков одновременно противник способен осуществить маневр, отвести свои войска на ближайшие оборонительные рубежи и сохранить целостность своего фронта. Поэтому в Белорусской операции Ставка решила силами четырех фронтов одновременно перейти в наступление на витебском, оршанском, могилевском и бобруйском направлениях, прорвать оборону на шести участках, окружить и уничтожить группировки противника в районах Витебска и Бобруйска и, развивая удары по сходящимся направлениям к Минску, окружить и уничтожить основные силы группы армий «Центр». В последующем

предусматривался ввод дополнительных сил и переход в наступление соседних фронтов в целях полного освобождения Белоруссии, Западной Украины и значительной части Литвы и Польши.

Оригинальность замысла операции состояла в том, что ликвидация на первом ее этапе витебской и бобруйской группировок противника создавала в обороне врага оперативные бреши шириною 90—100 км, через которые без задержки могли прорваться в глубину крупные силы подвижных войск. Действуя по сходящимся направлениям на Минск, они могли окружить и во взаимодействии с общевойсковыми армиями уничтожить крупные силы группы армий «Центр» восточнее Минска на глубине более 200 км. Это приводило к образованию стратегической бреши шириной около 500 км, на закрытие которой противник неизбежно должен был привлечь стратегические резервы и силы с других стратегических направлений. Иначе говоря, в этом замысле нашла законченное выражение идея непрерывного развития тактических прорывов в оперативные, оперативных — в стратегический, в ходе которых непрерывно попадали в окружение и уничтожались несколько крупных группировок противника.

В соответствии с общим замыслом Белорусской операции войскам 1-го Прибалтийского фронта предстояло главный удар нанести севернее Витебска в общем направлении Бешенковичи, Лепель, прорвать оборону на одном сплошном участке шириною 25 км смежными флангами 6-й гвардейской и 43-й армий и во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом разгромить витебско-лепельскую группировку противника.

Войска 3-го Белорусского фронта должны были нанести два удара: один — навстречу удару 1-го Прибалтийского фронта и другой — вдоль Минской автомагистрали. Прорыв обороны противника южнее Витебска предусматривалось осуществить силами 39-й и 5-й армий на участке 16 км, а вдоль автомагистрали — силами 11-й гвардейской и 31-й армий на участке 17 км¹.

2-му Белорусскому фронту надлежало действовать на вспомогательном направлении Могилев, Белыничи, рассекая 4-ю полевую армию на две части. Вместе с тем его активные действия должны были лишить противника возможности за счет сил центрального участка стабилизировать оборону на флангах белорусского балкона. Этот фронт прорывал оборону силами одной 49-й армии четырехкорпусного состава на участке в 12 км.

1-й Белорусский фронт наносил два удара примерно одинаковой силы: один из района Рогачева войсками 3-й и 48-й армий на участке 15 км в общем направлении на Бобруйск, Осиповичи; другой — из района нижнего течения р. Березина, Озаричи силами 65-й и 28-й армий на участке 14 км в общем направлении на Стар. Дороги, Слуцк с охватом Бобруйска с юга.

Кроме этой задачи 1-й Белорусский фронт по указанию Став-

¹ ЦАМО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 330, л. 48.

ки своим левым крылом был обязан сковать противостоящего противника и готовить наступление на люблинском направлении.

По решениям командующих фронтами в состав ударных группировок выделялось до 75% стрелковых дивизий, до 85% артиллерии и почти 100% танков, самоходно-артиллерийских установок и авиации. Такое массирование сил и средств позволило создать высокие оперативные плотности на всех участках прорыва (табл. 8).

Таблица 8

Средние оперативные плотности при прорыве
в Белорусской операции

Фронт	Ширина полосы наступления, км	Количество и ширина участка прорыва, км	Км на сд		Орудий и минометов на 1 км		Танков и САУ на 1 км	
			во всей полосе	на участке прорыва	во всей полосе	на участке прорыва	во всей полосе	на участке прорыва
1-й Прибалтийский . .	160	1—25	6,6	1,5	31	151	4	22
3-й Белорусский . . .	140	2—33	4,2	1,2	51	175	13	44
2-й Белорусский . . .	160	2—12	7,3	1,2	80	181	2	19
1-й Белорусский (правое крыло)	230	2—29	5,8	1,3	86	204	5,6	45
1-й Белорусский (левое крыло)	120	1—20	3,3	1,0	70	356	14,5	88,1

Примечание. Плотности по орудиям и минометам показаны с учетом установок реактивной артиллерии, но без противотанковых и зенитных орудий.

Из таблицы видно, что при суммарной протяженности фронта 690 км (без левого крыла 1-го Белорусского фронта) прорыв намечалось осуществить на шести участках общей шириной 99 км, что составляло 14,3% ширины полосы наступления фронтов. Такая протяженность участков прорыва, как показал ход боевых действий, оказалась достаточной как для успешного совершения прорыва, так и для развития стратегической операции на всю глубину.

Средние оперативные плотности на участках прорыва были в 4—5 раз выше, чем во всей полосе наступления фронтов, что свидетельствует о высоком искусстве массирования сил и средств. Превосходство над противником на важнейших направлениях достигало: по пехоте в 3—4 раза, по артиллерии и танкам — в 3—6 раз и более.

Оперативное построение войск всех четырех фронтов (без левого крыла 1-го Белорусского) было в один эшелон. Это позволяло использовать максимальное количество сил и средств для достижения мощного первоначального удара в целях быстреего прорыва тактической зоны обороны противника, в пределах кото-

рой располагались основные силы группы армий «Центр». Для развития успеха в оперативной глубине фронты имели подвижные группы различного состава.

Из 14 армий, действовавших в составе ударных группировок фронтов, только две (6-я гвардейская армия 1-го Прибалтийского фронта и 3-я армия 1-го Белорусского фронта) строились в два эшелона, остальные — в один эшелон с выделением резерва. В четырех армиях (11-я гвардейская, 3, 65 и 8-я гвардейская) создавались подвижные группы — каждая в составе танкового корпуса. Армии, имея полосы наступления 20—30 км, получали участок прорыва от 6 до 12 км, где сосредоточивали от 50 до 80% сил и средств.

Стрелковые корпуса в большинстве своем строили боевые порядки в два эшелона. Участки прорыва имели от 3,2 до 6 км, что позволяло достигать на них высоких тактических плотностей и решающего превосходства над противником. Все общевойсковые соединения и части имели артиллерийские группы, что позволяло командирам активно влиять на ход боевых действий.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 120—140 минут на всю глубину главной полосы обороны, на 3-м Белорусском фронте — только первых двух позиций. Во всех армиях выделялось значительное количество орудий для ведения огня прямой наводкой, плотность которых достигала 18—23 на километр участка прорыва.

Поддержка атаки намечалась огневым валом, последовательным сосредоточением огня или сочетанием этих методов на глубину 1,5 км. На 1-м Белорусском фронте в полосах 28-й и 65-й армий впервые за годы войны поддержка атаки пехоты и танков планировалась методом двойного огневого вала на глубину 1,5—2 км¹.

Для повышения мощи первоначального удара и быстрого прорыва тактической зоны обороны значительная часть танков и САУ (примерно 44% всего их количества) была выделена для непосредственной поддержки пехоты. Их плотность в среднем составляла от 12 до 22 боевых машин на 1 км участка прорыва, а в отдельных случаях и больше. При этом в отличие от предшествующих операций отдельные танковые бригады и полки использовались не централизованно в масштабе дивизии, а придавались подразделениям и стрелковым полкам, что позволяло более тесно организовывать их взаимодействие с пехотой в условиях лесисто-болотистой местности.

Подвижные группы армий планировалось использовать для завершения прорыва главной полосы или овладения с ходу второй полосой обороны, а подвижные группы фронтов — после прорыва тактической зоны обороны в целях безостановочного развития тактического успеха в оперативный. Наиболее сильными они

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 441—442.

создавались на 3-м и 1-м Белорусских фронтах, которые играли ведущую роль в стратегической операции.

Основные показатели планирования боевого применения подвижных групп фронтов и армий приведены в табл. 9.

Т а б л и ц а 9

Основные показатели планирования боевого применения подвижных групп в Белорусской операции

Фронт, подвижная группа	Всего танков и САУ	День ввода в сражение	Глубина ввода, км	Полоса ввода, км	Количество маршрутов	Темпы наступления, км
1-й Прибалтийский						
ПГ фронта — 1 тк . . .	297	2-й	12—15	7	3	20
3-й Белорусский						
ПГ фронта — 5 гв. ТА	524	3-й	30—35	16	4	40
ПГ фронта — КМГ . . .	322	2-й	12—15	8	4	38
ПГ 11 гв. А — 2 гв. тк	252	2-й	4—6	8	2	32
1-й Белорусский (правое крыло)						
ПГ фронта — КМГ . . .	274	2-й	10—12	20	4	25
ПГ 3 А — 9 тк	251	1-й	10	7	2	20
ПГ 65 А — 1 гв. тк	252	1-й	3—4	8	3	25
1-й Белорусский (левое крыло)						
ПГ фронта — 2 ТА	805	2-й	20	18—20	4	35—40
ПГ 8 гв. А — 11 тк	216	1-й	5—6	9	2	25—30

Следует отметить, что 5-я гвардейская танковая армия 3-го Белорусского фронта и конно-механизированная группа 1-го Белорусского фронта должны были вводиться в прорыв через суткидвое после ввода в сражение подвижных групп армий. Такой последовательный ввод подвижных групп давал возможность резко нарастить усилия в ходе операции (оперативные плотности танков и САУ увеличивались до 60—80 и более на 1 км участка ввода), что обеспечивало развитие наступления на большую глубину и перерастание оперативного успеха в стратегический.

В зависимости от хода прорыва в северной и южной группировках 3-го Белорусского фронта ввод в сражение 5-й гвардейской танковой армии предусматривался по двум вариантам: в полосе наступления 11-й гвардейской армии вдоль Минской автомагистрали или в полосе наступления 5-й армии с последующим выходом на Минскую автомагистраль.

Действия авиации планировались в форме авиационного наступления. Непосредственную авиационную подготовку во всех фронтах намечалось провести в ночь накануне наступления силами ночных бомбардировщиков (около 2 тыс. самолетов-вылетов) и авиации дальнего действия (пять авиакорпусов). Кроме того, на оршанском направлении, где оборона противника была особенно прочной, 448 штурмовиков и бомбардировщиков должны были в последние 30 минут артподготовки нанести массированные удары.

Авиационная поддержка атаки на 3-м и 1-м Белорусских фронтах планировалась сосредоточенными ударами штурмовиков и бомбардировщиков по артиллерии и живой силе противника (например, на рогачевском направлении пять ударов в течение 2,5 часа силами 825 самолетов, на паричском — три удара силами 540 самолетов). На 1-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах, где силы авиации были значительно меньше, авиационная поддержка атаки предусматривалась методом эшелонированных ударов небольших групп по шесть — восемь штурмовиков под прикрытием четырех — шести истребителей.

С вводом в сражение подвижных групп армий на их поддержку переключалось, как правило, по одной истребительной, одной штурмовой и одной бомбардировочной авиационной дивизии. Для поддержки конно-механизированных групп назначались один-два авиационных корпуса, а 5-й гвардейской танковой армии — три авиационных корпуса — 800 экипажей с 1500 самолето-вылетами на первые два дня боев.

Осуществление перечисленных выше мероприятий в совокупности с мероприятиями, проведенными Ставкой (ложное сосредоточение в мае — июне сил и средств на кишиневском направлении, проведение разведки боем 20—23 июня в полосах 1-го Украинского, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов и др.), позволило советскому командованию скрыть подготовку крупнейшей операции лета 1944 г., что во многом обеспечило успех прорыва и проведения операции в целом. Даже за неделю до начала нашего наступления, когда, по свидетельству фашистского генерала Типпельскирха, командованию группы армий «Центр» стало известно о сосредоточении значительных сил Советской Армии в Белоруссии, в германском генеральном штабе «доминирующей оставалась точка зрения, предполагавшая нанесение русскими основного удара на фронте группы армий «Северная Украина»... На просьбу группы армий «Центр» выделить ей по крайней мере более крупные резервы было заявлено, что общая обстановка на Восточном фронте не допускает иной группировки сил»¹. Это был грубый просчет фашистского командования.

Накануне дня общего наступления во всех фронтах была проведена разведка боем. На 1-м Прибалтийском фронте она началась на рассвете 22 июня после 15—25-минутной артиллерийской подготовки. В ходе боя передовым батальонам удалось на отдельных участках вклиниться на глубину до 1,5 км и местами овладеть первой позицией. В 6-й гвардейской армии в полосе 22-го гвардейского стрелкового корпуса для развития успеха были введены в бой подразделения главных сил полков первого эшелона (шесть батальонов с тремя-четырьмя танками каждый), что позволило к исходу дня прорвать главную полосу обороны противника на фронте 15 км и продвинуться на глубину 5—7 км².

¹ Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., Изд-во иностр. лит., 1956, с. 441.

² ЦАМО СССР, ф. 235, оп. 2074, д. 119, л. 70.

Успешные действия передовых батальонов потребовали внести изменения в планы артиллерийского наступления. В 6-й гвардейской армии продолжительность артиллерийской подготовки была сокращена наполовину, уменьшалось количество привлекаемой к ней артиллерии. В 43-й армии артиллерия 1-го стрелкового корпуса начала артиллерийское наступление прямо с поддержки атаки, а в 60-м стрелковом корпусе — с последнего периода артподготовки¹, которую сократили на 90 минут.

23 июня в атаку перешли главные силы ударной группировки фронта. Стрелковые соединения совместно с танками НПП при поддержке артиллерии и авиации сломали сопротивление 252-й и 56-й пехотных дивизий и стали быстро продвигаться в глубину. Командующий фронтом отдал распоряжение ввести в прорыв 1-й танковый корпус, однако после прошедшего дождя, испортившего дороги, корпус выдвигался медленно. Для его ввода, как отмечает Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, потребовалось бы освободить дороги, что могло затормозить продвижение успешно наступавших стрелковых соединений и выдвигание к р. Западная Двина переправочных средств. Кроме того, выйдя к этой реке, корпус вынужден был бы ожидать подхода пехоты. Поэтому командующий фронтом внес поправку в план наступления и решил ввести танковый корпус после захвата стрелковыми войсками плацдарма на Западной Двине².

Для наращивания силы удара во второй половине дня был введен в сражение корпус второго эшелона 6-й гвардейской армии. К исходу дня войска фронта полностью завершили прорыв тактической зоны обороны противника, продвинулись на глубину 16 км и расширили прорыв до 50 км по фронту³.

24 июня обе армии ударной группировки фронта, преследуя отходящего противника, продвинулись на глубину до 30 км, расширив прорыв до 90 км по фронту. Они вышли на 50-километровом фронте к Западной Двине и захватили пять небольших плацдармов. С вводом в сражение еще одного стрелкового корпуса из второго эшелона 6-й гвардейской армии был образован общий плацдарм протяжением 65 км и глубиной до 10 км. На него 25 июня переправился 1-й танковый корпус, который сразу же во взаимодействии со стрелковыми соединениями перешел в преследование. В этот же день войска 43-й и 39-й армий завершили окружение витебской группировки врага.

На 3-м Белорусском фронте разведка боем проводилась во второй половине 22 июня. Передовые батальоны 5-й армии уже через два часа захватили первую позицию. В бой были введены батальоны первого эшелона полков, которые продвинулись в глубину до 3,5 км⁴. В полосе других армий успех передовых баталь-

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 449—450.

² См.: Освобождение Белоруссии. 1944. М., «Наука», 1970, с. 119.

³ ЦАМО СССР, ф. 235, оп. 2129, д. 28, л. 8.

⁴ См.: Крылов Н. И. Навстречу победе. М., Воениздат, 1970, с. 201—204.

онов был меньшим. В целом разведка боем показала, что оборона противника на оршанском направлении значительно сильнее, чем на богушевском направлении.

В ночь на 23 июня авиация нанесла удары по важнейшим опорным пунктам главной полосы обороны и по огневым позициям артиллерии. А утром 23 июня после артиллерийской и авиационной подготовки войска фронта перешли в атаку на обоих направлениях.

Наибольший успех был достигнут на богушевском направлении. На участке главного удара 39-й армии еще за полчаса до окончания артиллерийской подготовки было замечено, что подразделения противника, не выдержав мощного огневого удара нашей артиллерии, начали отходить из первой траншеи. Было принято решение о переносе огня артиллерии в глубину и начале атаки по всему фронту. Части 5-го гвардейского стрелкового корпуса быстро овладели первой и второй траншеями и с ходу захватили три исправных моста через р. Лучеса. Это дало возможность уже к 12 часам преодолеть реку главными силами корпуса, а еще через час завершить прорыв главной полосы обороны противника. К исходу дня корпус продвинулся на 13—14 км и расширил прорыв до 20 км по фронту.

Весьма успешно в этот день действовали и соединения 5-й армии, которые, использовав достигнутые накануне успехи передовых батальонов, решительной атакой завершили прорыв главной полосы, с ходу прорвали вторую полосу обороны и к исходу дня продвинулись на 10—13 км, расширив фронт прорыва до 26 км.

Таким образом, войска 39-й и 5-й армий за один день полностью прорвали тактическую зону вражеской обороны и расширили прорыв до 50 км по фронту. На следующий день, отразив сильные контратаки противника, они продвинулись на 10—20 км и овладели городом Богушевск. Для развития успеха здесь во второй половине дня в полосе 5-й армии была введена в прорыв конномеханизированная группа генерала Н. С. Осликовского, передовые отряды которой к 20.00 вышли в район северо-восточнее Богушевска.

На оршанском направлении, где оборона противника была особенно прочной, в первый день операции на смежных флангах армий удалось вклиниться только на глубину 2—3 км. В то же время на правом фланге 11-й гвардейской армии войска 16-го гвардейского стрелкового корпуса и 152-го укрепленного района, наступавшие на заболоченном слабо обороняемом участке, продвинулись от 4 до 10 км, полностью прорвав главную полосу обороны¹. В связи с этим командующий армией решил перегруппировать сюда вторые эшелоны двух стрелковых корпусов, наступавших на главном направлении, и одну стрелковую дивизию из своего резерва. Ввод их в сражение позволил на следующий день

¹ См.: Галицкий К. Н. Годы суровых испытаний. М., Воениздат, 1973, с. 489.

продвинуться на глубину до 14 км. На главном направлении вдоль автомагистрали продвижение вновь было незначительным.

Хотя наступление южной ударной группировки еще не привело к полному прорыву тактической зоны обороны, однако и здесь в обороне врага образовалась глубокая трещина, сулившая быстрое перерастание тактического прорыва в оперативный и объединение двух прорывов в один общий фронтальный прорыв.

На третий день операции конно-механизированная группа с ходу овладела Сенно и перерезала здесь железную дорогу Орша — Лепель. 5-я армия, взаимодействуя с ней, продвинулась на 20 км.

В связи с большим успехом наступления на богушевском направлении по указанию А. М. Василевского командующий войсками 3-го Белорусского фронта 25 июня ввел в прорыв 5-ю гвардейскую танковую армию на богушевском направлении, а 2-й гвардейский танковый корпус на участке намечившегося прорыва севернее Минской автомагистрали. Обновив пехоту, танковая армия к исходу 26 июня продвинулась до 50 км, овладела г.Толочин и перерезала коммуникации врага западнее Орши, к которой вышел 2-й гвардейский танковый корпус.

В связи с успешным наступлением правой ударной группировки фронта противник вынужден был начать отвод войск, оборонявшихся к югу от Орши.

В последующие три дня подвижные войска, а за ними и общевойсковые армии успешно развивали наступление по всему фронту и к исходу 28 июня достигли р.Березина. За шесть дней войска продвинулись от 80 до 150 км, а фронт прорыва совместно с 1-м Прибалтийским фронтом достигал 200 км.

Войска 2-го Белорусского фронта перешли в наступление 23 июня. Особенность прорыва заключалась здесь в том, что он осуществлялся с форсированием реки, имевшей широкую заболоченную пойму.

В ходе артиллерийской подготовки атаки, продолжавшейся два часа, специально выделенные усиленные стрелковые роты (по одной от полка первого эшелона) форсировали р.Проня и захватили три, а местами и четыре траншеи. Вслед за ними по наведенным саперами штурмовым мостикам переправились к концу артиллерийской подготовки и главные силы дивизий. Однако танки и самоходно-артиллерийские установки при преодолении реки и особенно заболоченной поймы встретили большие трудности, что сказалось на замедлении темпа атаки. К исходу дня войска продвинулись в глубину до 8 км и расширили прорыв до 25 км по фронту.

24 июня войска 49-й армии продвинулись на 12—14 км. В ночь на 25 июня противник начал отход за Днепр. В преследование перешли соединения 33-й и 50-й армий. К исходу пятого дня операции войска фронта, продвинувшись на 80—90 км, завершили прорыв оперативной обороны противника и продолжали успешно развивать наступление на минском направлении.

На 1-м Белорусском фронте прорыв вражеской обороны начался 24 июня. Накануне была проведена разведка боем, но так как три наших фронта уже вели наступление, противник привел свои войска в полную боевую готовность, и передовые батальоны, проводившие разведку боем, были встречены сильным огнем и многочисленными контратаками и имели ограниченный успех.

В ночь перед началом прорыва 16-я воздушная армия и авиация дальнего действия нанесли сильные бомбовые удары по главной полосе обороны, осуществив 550 самолето-вылетов.

В 4 часа 55 минут началась артиллерийская подготовка. Хотя противник ожидал ее, но сила огня артиллерии и удары авиации потрясли его до основания, особенно на направлении действий левой ударной группировки. На участке прорыва 65-й армии было уничтожено 80 артиллерийских и минометных батарей, 11 отдельных орудий, 56 огневых точек, 24 дзота, 8 блиндажей, 12 наблюдательных пунктов, до 1500 солдат и офицеров.

С окончанием артиллерийской и авиационной подготовки войска фронта на обоих направлениях перешли в атаку.

Соединения 65-й и 28-й армий перешли в атаку при поддержке двойного огневого вала и ударов штурмовой авиации.

Характер ведения прорыва стрелковыми соединениями в лесисто-болотистой местности можно проследить на примере 18-го стрелкового корпуса 65-й армии (схема 23).

На участке прорыва корпуса шириною 5 км вело огонь 1087 орудий и минометов 76 мм и выше, 353 реактивные установки, действовало 63 танка и самоходно-артиллерийские установки, 5 инженерно-саперных батальонов, что составляло 288 артиллерийских систем, 16 танков и 1 инженерно-саперный батальон на 1 км участка прорыва. Дивизии наступали на фронте 1,5—1,8 км.

Атака переднего края противника проходила своеобразно. После первого огневого налета мелкие группы, выделенные для разведки от 15-й и 37-й гвардейской стрелковых дивизий, стремительным броском овладели первой траншеей. В ходе продолжавшейся артиллерийской подготовки передовые батальоны преодолели заболоченные участки и за 50 минут до ее окончания заняли рубеж атаки в первой траншее врага. В 7 часов к ним подошли танки НПП, началась общая атака при поддержке двойного огневого вала.

Огонь артиллерии ошеломил врага так, что в первые минуты атаки он оказывал очень слабое сопротивление. Продвижение батальонов первого эшелона было настолько быстрым, что огневой вал на отдельных участках приходилось переносить через рубеж, а иногда и через два¹.

Первое организованное сопротивление неприятель начал оказывать только через час. Разрушив в полосе 69-й стрелковой дивизии мост через реку Ипа, его боевая группа задержала продвижение танков и самоходно-артиллерийских установок восточнее Раковичей. Тогда стрелковые подразделения под прикрытием их огня

¹ ЦАМО СССР, ф. 463, оп. 34149, д. 1, л. 84.

и орудий сопровождения преодолели болото и отбросили противника к северо-западу. Саперы получили возможность приступить к восстановлению моста. В 9 часов танки преодолели по нему р. Ипа, догнали пехоту и вместе с ней овладели Раковичами.

37-я гвардейская стрелковая дивизия при поддержке тяжелого самоходно-артиллерийского полка к 9 часам двумя полками ворвалась в Николаевку, а третий полк начал обходить Петровичи с севера.

15-я стрелковая дивизия с окончанием огневого вала главными силами устремилась в обход Петровичей с юга и юго-запада. Опасаясь окружения, гарнизон узла сопротивления в Петровичах разбежался по лесу.

Таким образом, за два часа наступления всем трем дивизиям удалось прорвать две позиции врага и продвинуться на 3 км.

Противник, стремясь задержать продвижение войск корпуса и его соседей в глубину, отдельными боевыми группами перехватил наиболее доступные направления — в Чернин, в лесу западнее Николаевка, Вяжны. В одиннадцатом часу дивизии вклинились во вторую позицию, но были задержаны упорным сопротивлением противника. Из района Чернин на Николаевку противник предпринял контратаку силой пехотного батальона с пятью танками.

Один из командиров рот, заметив выход танков и пехоты из леса севернее Чернина, подал сигнал на вызов артиллерийского огня, развернул взводы в сторону выдвигающегося противника и приказал орудиям сопровождения занять огневые позиции на гряде высот севернее Николаевки.

Как только танки и пехота противника подошли к р. Ипа, все огневые средства открыли огонь. Роту поддержали соседи и артиллерия, открывшая огонь по вызову. Контратака врага захлебнулась. Только убитыми он потерял 40 человек. Но при отходе в Чернин ему удалось взорвать мост через р. Ипа. Без него преодолеть заболоченную пойму танки не могли.

Пехота повела наступление на Чернин под прикрытием массированного огня артиллерии, танков и орудий сопровождения. С улучшением погоды активизировала свои действия авиация.

По пояс в воде, по вязкой тине пехота преодолела болотистую пойму и заняла исходное положение для наступления.

Артиллерия 69-й стрелковой дивизии, сменив огневые позиции, непосредственно перед атакой усилила огонь по узлам сопротивления неприятеля, чем обеспечила захват его с небольшими потерями.

Овладение узлом сопротивления в Чернине облегчило наступление 37-й гвардейской стрелковой дивизии. К 18 часам на правом фланге корпуса главная полоса обороны оказалась прорванной. На левом фланге 15-я стрелковая дивизия завязала бои за сильный узел сопротивления, оборудованный противником в Вяжнах. Это создало благоприятные условия для ввода в прорыв подвижной группы армии — 1-го гвардейского танкового корпуса.

Головные батальоны танковых бригад первого эшелона с прорывом стрелковыми дивизиями первой позиции противника нагнали пехоту и продвигались за ней в готовности развить ее успех. Поскольку заболоченная местность не позволяла двигаться вне дорог и гатей, главные силы танкового корпуса начали движение бригадными колоннами. Но артиллерии противника удалось разрушить гать в пойме р.Ипа, и 16-я гвардейская танковая бригада вынуждена была свернуть на большак, ведущий на Чернин. Боевой порядок танкового корпуса разъединился. Для усиления удара на стыке 18-го и 105-го стрелковых корпусов с рубежа Чернин командующий армией совместно с 16-й гвардейской танковой бригадой ввел в бой 44-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которые, пройдя через боевые порядки 69-й стрелковой дивизии, повели наступление на Кнышевичи. Но упорное сопротивление врага на выс. 152,0 и заболоченная долина р.Песчанка задержали их продвижение на всю ночь.

1-я гвардейская мотострелковая бригада к 14 часам вышла к Николаевке. Из-за повреждения гати у Петровичей перемещение ее артиллерии задержалось. И боевые машины по разбитой лесной дороге двигались медленно. За дорогой Вяжны — Чернин оказалось новое препятствие — сильно заболоченный участок местности. Используя переправу, наведенную 37-й гвардейской стрелковой дивизией, бригада наконец получила тактический простор и в 21 час овладела Гамзой, а в 24 часа — Слободкой.

В левой части полосы наступления 15-й стрелковой дивизии продвигалась 17-я гвардейская танковая бригада. К 17 часам ее батальоны обогнали пехоту и в полночь 25 июня ворвались в Романищи.

Таким образом, к исходу 24 июня тактическая зона обороны противника оказалась прорванной.

Используя успех 1-го гвардейского танкового корпуса, ускорили продвижение дивизии 18-го стрелкового корпуса. К исходу дня они углубились в оборону врага на 12 км, расширив прорыв до 10,5 км.

Противник в ночь на 25 июня начал отход в северо-западном направлении.

Успех 18-го стрелкового корпуса решительно повлиял на наступление соседних корпусов. Командир 105-го стрелкового корпуса через его полосу ввел в бой второй эшелон, а 3-й гвардейский стрелковый корпус 28-й армии, наступавший в первой половине дня медленно, с вводом второго эшелона увеличил темпы продвижения и к 5 часам 25 июня передовыми частями форсировал р.Тремля, после чего начал преследование отходящего противника.

Во второй половине дня в полосе 28-й армии на глубине 9 км в сражение была введена конно-механизированная группа генерала Плиева, которая начала развивать тактический прорыв в оперативный, наступая в направлении Глуск.

Соединения правой ударной группировки в первый день смогли вклиниться в оборону противника только на 2—4 км. На резуль-

татах действий сказались трудности, связанные с преодолением заболоченной поймы р.Друть, а также то, что удар пришелся по наиболее сильному участку обороны неприятеля.

С утра 25 июня командующий 3-й армией ввел в сражение две танковые бригады 9-го танкового корпуса. Перед атакой главных сил вновь была проведена 45-минутная артиллерийская подготовка. Активизировала действия наша авиация, которая за день произвела более 2 тыс. самолето-вылетов. К исходу дня войска правой ударной группировки завершили прорыв главной полосы и вышли ко второй.

Боевые действия 26 июня были переломными на всем фронте. Войска правой ударной группировки после ввода в сражение всех сил 9-го танкового корпуса и второго эшелона 3-й армии завершили прорыв тактической зоны обороны противника, войска левой ударной группировки вышли на оперативный простор.

На следующий день войска фронта окружили бобруйскую группировку противника и, продвинувшись за четверо суток на глубину 70—80 км, полностью завершили прорыв оперативной обороны и создали благоприятные условия для развития наступления на минском направлении.

Развивая наступление, войска 1-го и 3-го Белорусских фронтов 3 июля освободили столицу Белоруссии г.Минск и окружили к востоку от него 105-тысячную группировку вражеских войск.

Таким образом, за 12 дней советские войска на центральном участке советско-германского фронта разгромили основные силы группы армий «Центр» и остатки ее отбросили на запад на 230—280 километров¹. В стратегическом фронте обороны противника на западном направлении образовалась брешь шириной свыше 400 км.

Преследуя противника, войска фронтов к 11 июля завершили разгром окруженной группировки и к 15 июля, продвинувшись на глубину свыше 500 км, оказались на подступах к границам Восточной Пруссии и Польши.

Ставка Верховного Главнокомандования, стремясь к максимальному использованию результатов, достигнутых в Белоруссии, в целях расширения фронта прорыва и развития успеха в глубину, усилила 1-й Прибалтийский фронт стратегическими резервами — 2-й гвардейской и 51-й общевойсковыми армиями и приказала 1-му Белорусскому фронту ввести в действие крупную группировку войск, созданную на левом крыле фронта, а также перейти в наступление 1-му Украинскому, 2-му и 3-му Прибалтийским, Ленинградскому, а затем и 2-му и 3-му Украинским фронтам.

Из всех операций, проведенных этими фронтами, в наибольшей мере определяющие тенденции в развитии прорыва, свойственные летне-осенней кампании 1944 г., проявились в Львовско-Сандомирской и Яско-Кишиневской (схемы 24, 25).

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 3, с. 345.

Прорыв стратегического фронта противника в Белоруссии создал для врага критическую обстановку на подступах к Восточной Пруссии — колыбели прусского милитаризма. Гитлеровское верховное командование спешно перебросило в Западную Белоруссию и Литву крупные силы, в частности 39, 40, 12-й танковые и 26-й армейский корпуса.

Вместе с тем, зная о наличии между Полесьем и Карпатами наших четырех танковых армий, немецко-фашистское командование ждало здесь наступления советских войск и держало к югу от Припяти 24 танковые дивизии из 30, имевшихся на советско-германском фронте. Отсюда в Белоруссию оно перебросило всего лишь четыре пехотные и две танковые дивизии, взамен которых из резерва ОКХ прибыли одна танковая, одна моторизованная и до шести пехотных дивизий.

К началу Львовско-Сандомирской операции войскам 1-го Украинского фронта противостояла группа армий «Северная Украина» — 4-я и 1-я немецкие танковые армии и 1-я венгерская армия в составе 40 дивизий (из них пять танковых и одна моторизованная) и двух пехотных бригад. Оперативная плотность войск была высокой — 10—12 км на одну дивизию.

Ожидая наступления войск 1-го Украинского фронта, противник готовил прочную оборону. Главная полоса глубиной 4—6 км имела две-три позиции. Вторая полоса обороны создавалась в 10—15 км от переднего края. По западным берегам рек Западный Буг и Гнилая Липа усиленно готовилась третья, тыловая, полоса обороны. Общая глубина оперативной обороны противника достигала 40—50 км.

Характерной особенностью группировки противника являлось то, что основные силы группы армий занимали тактическую зону обороны, а оперативные резервы (пять танковых, одна моторизованная и три пехотные дивизии и одна пехотная бригада) находились в руках командующих армиями. Причем танковые дивизии располагались в 15—20 км от переднего края на вероятных направлениях наших ударов и, следовательно, могли быть использованы в борьбе за тактическую зону обороны, где и следовало ожидать наиболее сильного сопротивления.

Участок обороны в Молдавии и Северной Румынии фашистское командование считало наименее опасным и самым устойчивым. Такая оценка основывалась, с одной стороны, на том, что Советская Армия якобы не могла вести наступление на всем стратегическом фронте, а с другой — на создании на южном крыле своего фронта очень сильной обороны, чтобы закрыть путь Советской Армии к румынской нефти и на Балканы. Всего в составе группы армий «Южная Украина» насчитывалось 47 дивизий и 5 бригад¹. При этом большинство дивизий (32 дивизии) и наиболее сильная 6-я немецкая армия оборонялись в центре построения группы армий, где оперативная плотность составляла 7,5—8 км

¹ См.: «Военно-исторический журнал», 1964, № 7, с. 88.

на одну дивизию. На флангах же группы армий оперативная плотность достигала 18—20 км на одну дивизию и там оборонялись румынские войска.

Оборона противника характеризовалась большой глубиной, тщательностью подготовки, наличием долговременных укреплений и большой насыщенностью живой силой и огневыми средствами, особенно на ясском и кишиневском направлениях. Тактическая ее зона состояла из двух полос общей глубиной 8—15 км и более. Перед 2-м Украинским фронтом вторая полоса проходила по южному берегу р.Бахлуй, которая своей болотистой поймой, топкими берегами и илистым дном сама по себе представляла серьезное препятствие. Перед 3-м Украинским фронтом она была оборудована только на кишиневском направлении. В системе тактической зоны обороны в районах Тыргу-Няму, Тыргу-Фрумос и Яссы имелись укрепленные районы, оборудованные долговременными и деревоземляными огневыми точками и многочисленными оборонительными препятствиями, прикрытыми противотанковыми и противопехотными заграждениями. На 1 км фронта укрепленных районов приходилось до 7 долговременных сооружений¹.

В оперативной глубине перед 2-м Украинским фронтом на удалении 20—35 км по хребту Маре проходила третья, армейская полоса обороны, хорошо оборудованная отдельными опорными пунктами, прикрывавшими каждый узкий горный проход и узел коммуникаций. Перед 3-м Украинским фронтом в оперативной глубине имелись две полосы, расположенные по рекам Кагильник и Прут.

Исключительно большое внимание немецко-фашистское командование уделяло подготовке оборонительного рубежа по р.Серет, прикрывавшего важнейшие пути в глубь Румынии через известные Фокшанские ворота — естественного 80-километрового прохода между Карпатами и Дунаем. Здесь было создано до 1700 различных долговременных сооружений, мощные полосы противотанковых надолб и заполненные водой противотанковые рвы. Все доступные участки местности были опутаны колючей проволокой и прикрыты минными полями и фугасами.

Таковы условия, в которых предстояло провести Львовско-Сандомирскую и Яско-Кишиневскую операции.

От Белорусской их отделял небольшой промежуток времени. Поэтому прорыв в них планировался на общих принципах, сложившихся к лету 1944 г. Однако специфика оперативно-стратегических условий, взглядов командующих на ведение операций внесли новые элементы в подготовку операций и создание брешей в обороне врага.

План летне-осенней кампании 1944 г., разработанный Ставкой, предполагал и требовал безусловного и успешного проведения всех намеченных стратегических операций. Поэтому, отдавая директивы Украинским фронтам, она определяла такие формы опе-

¹ См.: Яско-Кишиневские Канны. М., «Наука», 1964, с. 52.

ративных прорывов и состав ударных группировок, которые обеспечивали бы безусловное образование глубоких брешей на стратегических направлениях, используя которые можно было бы развить широкие маневренные действия на большую глубину.

В обеих операциях предусматривалось нанесение двух мощных ударов по сходящимся направлениям в целях окружения и уничтожения крупных группировок врага. Для 1-го Украинского фронта осуществление окружения было связано с немалыми трудностями. Изгиб линии фронта противника в его сторону был незначительным, всего около 40 км и то за счет участка 1-го Белорусского фронта в районе Ковеля. На линии же развертывания ударных группировок его, по существу, не было. Противник ждал наступления войск 1-го Украинского фронта, усилил разведку, наметил контрмероприятия, в частности отвод войск на вторую полосу на значительном участке фронта. Перед южной ударной группировкой поставил оперативный резерв — 3-й танковый корпус.

Для осуществления оперативных прорывов во фронтах были созданы ударные группировки и плотности войск, показанные в табл. 10.

Таблица 10

Состав ударных группировок и плотности войск на участках прорыва

Наименование	Львовско-Сандомирская операция		Ясско-Кишиневская операция	
	северная ударная группировка 1 УФ	южная ударная группировка 1 УФ	ударная группировка 2 УФ	ударная группировка 3 УФ
Общевойсковые армии	2	3	3	3
Танковые армии . . .	1	2	1	—
Конно-механизированные группы	1	1	1	—
Отдельные танковые (механизированные) корпуса	—	—	1	2
Стрелковые дивизии . . .	14	24	24	24
Орудия и минометы . . .	3250	3775	4380	5500
Танки и САУ	717	1084	1164	591
Самолеты	1300	1950	915	1037
Участки прорыва, км	12	15	16	18
Плотности:				
км на сд 1 эшелона орудий и минометов танков и САУ . . .	1,5 24 - 255 35	1,5 236—254 70	2 240—250 56	1,5 240—280 25

Сравнение состава ударных группировок фронтов и плотностей войск в Львовско-Сандомирской и Ясско-Кишиневской операциях с аналогичными группировками и плотностями в Белорусской операции и двух предыдущих кампаниях показывает, что количество боевой техники и особенно плотности войск на участках прорыва возросли примерно на 20—35% по артиллерии и на 5—15% по

танкам и самоходно-артиллерийским установкам. Количество авиации, обеспечивавшей наступление ударных группировок, было примерно таким же, как и в Белорусской операции, но по сравнению с летне-осенней кампанией 1943 г. возросло на 20—30%, а по сравнению с зимней кампанией 1944 г. — в 2—2,5 раза.

Увеличение плотности огневых средств на участках прорыва достигалось также путем сужения их ширины. Например, первоначально командование 2-го Украинского фронта наметило участок прорыва шириной 22 км, что давало 220 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Чтобы поднять плотность до 250 орудий и минометов, Ставка предложила фронту сузить участок прорыва до 16 км.

Высокие плотности артиллерии обеспечивали надежное подавление обороны противника за 90—105 минут, при этом на долю огневых налетов во 2-м Украинском фронте приходилось 50% времени артподготовки, а на 3-м Украинском — 19%. Ярусное расположение целей противника на высотах перед участками прорыва позволило выставить на прямую наводку 35—55 орудий на 1 км¹, что увеличило степень поражения целей неприятеля.

Основным методом поддержки атаки на Украинских фронтах становится двойной и одинарный огневой вал в сочетании с последовательным сосредоточением огня.

В применении танков для 1-го Украинского фронта характерным было стремление основную их массу иметь в эшелонах развития успеха, вводить которые в сражение командующий фронтом считал более выгодным в ходе осуществления прорыва тактической зоны обороны. Это привело к тому, что для создания групп танков НПП их было выделено крайне мало. Например, в северной ударной группировке — 149, в южной — 119, или в среднем 12% против 44% в Белорусских фронтах. Это позволило создать плотности танков НПП всего 12—13, а в 38-й армии — даже 8 бронеединиц на 1 км². В ходе разведки боем часть танков НПП понесла потери и плотность их еще более снизилась³.

Таким образом, командование 1-го Украинского фронта недооценивало роль танков НПП и делало упор на преждевременный ввод в сражение танковых армий в целях прорыва обороны противника. Ставка, изучив план операции 1-го Украинского фронта, указала, что танковые армии и конно-механизированные группы следует использовать не для прорыва, а для развития успеха после прорыва. Командующему фронтом пришлось изменить порядок ввода танковых армий и уменьшить излишний оптимизм в отношении возможностей общевойсковых армий, которым первоначально ставилась задача за первый день операции продвинуться на глубину

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 3, с. 452.

² ЦАМО СССР, ф. 236, оп. 35149, д. 2, л. 91.

³ См.: Москаленко К. С. На юго-западном направлении. Кн. 2. М., Воениздат, 1975, с. 398.

30—45 км¹. Однако командование фронта не внесло изменений в порядок использования танков НПП.

На 2-м Украинском фронте танки НПП применялись массированно в масштабе дивизии, хотя в 1944 г. уже проявилась тенденция к использованию их в полках и даже батальонах. Но такой способ более подходил к конкретным условиям холмистой местности, на которой противник основные усилия обороны сосредоточивал на высотах. Их быстрый захват нарушил устойчивость обороны во всей главной полосе. В среднем плотности танков НПП составили 17 боевых машин на 1 км. Но благодаря массированию танков против ключевых тактических объектов противника их плотность возрастала до 40—50 боевых машин или была в два-три раза выше средней. Если даже 10 танков будут подбиты, считало командование фронта, то остальные все-таки дойдут до цели и тогда опорный пункт наверняка будет сломлен².

Массированное применение танков имело и морально-психологическое значение, особенно против войск недостаточно устойчивых.

Ввод в сражение 6-й танковой армии был предусмотрен после прорыва тактической зоны обороны.

Основные усилия авиации в Яско-Кишиневской операции сосредоточивались на обеспечение прорыва. Так, на 2-м Украинском фронте в течение первых трех дней операции предусматривалось сделать свыше 4000 самолето-вылетов, из них на подавление и уничтожение живой силы и боевой техники противника в его главной полосе — 50%, а с учетом прикрытия главной группировки от ударов с воздуха — почти 70% самолето-вылетов. Примерно такое же распределение усилий авиации было и на 3-м Украинском фронте.

1-й Украинский фронт в Львовско-Сандомирской операции располагал наибольшим количеством авиаресурсов. За день его авиация могла сделать 6,5 тыс. самолето-вылетов. При этом бомбардировочная авиация свои усилия сосредоточивала на важнейших объектах и в наиболее ответственные моменты наступления, что повышало оперативную значимость ее ударов, — она использовалась для обеспечения ввода в сражение подвижных групп армий и фронтов, задержки оперативных резервов врага, срыва их контрударов, для обеспечения форсирования войсками водных преград.

Прорыв войсками 1-го Украинского фронта проводился в условиях, когда Белорусские фронты успешно преследовали врага на подступах к Неману и верховьям Нарева, создавая тем самым угрозу обхода левого фланга группы войск «Северная Украина». Ход Белорусской операции давал основания предполагать возможный отвод противником своих войск в глубину перед правым крылом или во всей полосе 1-го Украинского фронта, что, естественно, требовало предусмотреть и в плане операции.

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 3, с. 385.

² См.: Яско-Кишиневские Канны, с. 75.

К 10 июля командованию 1-го Украинского фронта стало известно о намерении противника отвести свои силы на вторую полосу обороны¹. Эти данные настоятельно требовали разработки варианта прорыва в условиях преднамеренного отвода войск противника с первой на вторую полосу. Однако этого сделано не было. Командующий фронтом, основываясь на данных разведки, решил в ночь на 13 июля провести разведку боем вначале силами разведывательных отрядов в составе одной усиленной роты от каждой дивизии первого эшелона, а затем и передовыми батальонами, подержанными артиллерией, и, таким образом, не допустить проведения артиллерийской подготовки атаки по пустому месту и сохранить силы для разгрома противника в глубине².

12 июля в 22 часа на обоих направлениях начали разведку боем разведывательные отряды. В полосах 120-го и 76-го стрелковых корпусов, действовавших на рава-русском направлении, было установлено, что с наступлением сумерек 88-я и 72-я пехотные дивизии противника, прикрываясь арьегардами, начали отвод своих сил на вторую полосу обороны. Непосредственно перед участком прорыва части 291-й пехотной дивизии отразили атаку разведывательных отрядов.

На львовском направлении противник вообще не намеревался отводить свои войска.

Результаты разведки еще раз подсказывали, что в условиях, когда противник оказывает столь упорное сопротивление на рубеже, который он решил оставить, сопротивление его на второй полосе может быть очень упорным. Поэтому заблаговременное планирование ее прорыва необходимо. В течение 13 июля еще можно было отдать распоряжения о перемещении и развертывании ударных группировок перед второй полосой, наметить вероятные участки прорыва, спланировать огневое поражение.

Наступление утром 13 июля началось силами семи передовых батальонов после 30-минутной артиллерийской подготовки (схема 26). Подразделения 504-го и 506-го полков 291-й пехотной дивизии не выдержали их ударов. За 16 часов передовые батальоны углубились на 7—8 км, т. е. преодолели главную полосу обороны³. В 18 часов, после массивных огневых налетов артиллерии и ударов авиации, перешли в наступление главные силы дивизий первого эшелона, выдвинутые к этому времени на уровень передовых батальонов. Они быстро сломили сопротивление 291-й пехотной дивизии и устремились ко второй полосе, но прорвать ее с ходу не смогли⁴, ибо основным силам 42-го армейского корпуса удалось без больших потерь отойти на вторую полосу и подготовиться к отражению атак. Наиболее слабым оказался участок, на кото-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 3, с. 404.

² См.: Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943—1944. М., «Наука», 1972, с. 248.

³ См.: Полушкин М. А. На сандомирском направлении. М., Воениздат, 1969, с. 57.

⁴ См.: Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943—1944, с. 248.

рый отошли остатки 291-й пехотной дивизии, но он не был своевременно вскрыт.

На направлении удара северной ударной группировки 1-го Украинского фронта противник подтянул 16-ю и 17-ю танковые дивизии, что повысило устойчивость второй полосы обороны врага. Попытки боем вскрыть слабые участки обороны, затянувшиеся до конца дня, не дали желаемых результатов. Все это говорило о том, что противник, вскрыв направление главного удара северной группировки, именно на нем сосредоточил свои основные усилия. Чтобы сломить его сопротивление, требовался мощный удар, подготовить который можно было примерно за 12—16 часов, затратив ночное время на перегруппировку войск, а первую половину дня для разведки обороны противника, планирования огня артиллерии и ударов авиации.

Но атака второй полосы началась утром 14 июля после 5-минутного огневого налета при плотности 90—100 орудий и минометов, при возможности иметь 200 орудий на 1 км¹. После перемещения артиллерия разместилась на позициях, не имевших топографической основы, и не успела произвести пристрелку. Разведывательные данные о противнике и его огневых средствах на второй полосе были очень скудными. Централизованное управление артиллерией было нарушено, а ее огонь из-за ограниченности времени (короткая июльская ночь) не был должным образом организован и спланирован. Вследствие этого противник оказался слабо подавленным. Наступающие войска встретили упорное сопротивление. Активизировала свои действия авиация. 16-я и 17-я танковые дивизии противника предприняли ряд контратак.

Неоднократно повторенные атаки не дали значительных результатов. Лишь 76-й стрелковый корпус 3-й гвардейской армии, кстати, не входивший в состав ударной группировки, смог нащупать слабое место в обороне неприятеля. В его полосе была введена в бой 1-я гвардейская танковая бригада (передовой отряд 1-й танковой армии). Совместно они продвинулись на глубину до 8 км.

В связи с встретившимися трудностями прорыва второй полосы было решено в течение ночи привести войска в порядок, выдвинуть в первую линию вторые эшелоны стрелковых корпусов, а утром 15 июля провести мощную артиллерийскую подготовку и завершить прорыв тактической зоны обороны.

Для наступления 15 июля в 3-й гвардейской армии была предусмотрена 40-минутная артиллерийская подготовка и повышена плотность артиллерии. В 13-й армии планирование огня велось в масштабе корпусов и дивизий, что в условиях подготовки прорыва в короткие сроки позволило лучше спланировать действия артиллерии.

В 8 часов 30 минут войска северной ударной группировки возобновили наступление. Наиболее успешно в этот день действовали войска 13-й армии, на участке прорыва которой плотности артиллерии были доведены до 200 стволов на 1 км. Ее корпуса вторую

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне, с. 480.

полосу обороны прорвали к исходу дня. Их успеху способствовало и то, что основные усилия армии были сосредоточены на участке потрепанной 291-й пехотной дивизии.

На следующий день прорыв второй полосы осуществила и 3-я гвардейская армия, чем были созданы условия для ввода в сражение подвижных групп. При этом командующий фронтом изменил первоначальный порядок их ввода. Сначала, 16 июля, ввел конно-механизированную группу для оказания помощи войскам левой ударной группировки в окружении обороняющихся в районе Броды, а с утра 17 июля — 1-ю танковую армию для развития прорыва в глубину.

Проведенные изменения не позволили в ближайшие сутки решить две крупные оперативные задачи. Хотя конно-механизированная группа по составу танков не намного уступала 1-й танковой армии, но наличие у нее уязвимых кавалерийских дивизий затрудняло ей проход в оперативную глубину через узкую брешь. Это привело к потере целых суток, необходимых для развития тактического прорыва в оперативный. Лишь с вводом в сражение 1-й танковой армии оперативная оборона врага оказалась прорванной, и войска правой ударной группировки получили свободу для маневренных действий.

О том, что в узкий прорыв более успешно могла войти танковая армия, говорят действия 3-й гвардейской танковой армии, проникшей в оперативную глубину через колтувский коридор шириной всего 4—6 км. Вместе с тем следует отметить, что ввод здесь 16 июля ударной группировки 1-й гвардейской армии, а 18 июля еще и 4-й танковой армии с точки зрения развития операции в целом нельзя признать удачным. В узком проходе скопилась масса войск, они были лишены свободы действий. Поскольку правая ударная группировка 17 июля уже вырвалась на оперативный простор, 4-ю танковую армию можно было ввести в сражение вслед за конно-механизированной группировкой в обход Львова с севера и северо-запада. Для этого ей предстояло совершить марш-маневр до рубежа ввода протяженностью 110—120 км и около 100 км от рубежа ввода до Львова. В условиях когда оборона на направлении наступления северной группировки уже была разрушена, а 1-я танковая армия стремительно шла к Сану, на все это могло уйти двое, максимум трое суток. В районе Львова 4-я танковая армия могла быть 19—20 июля и атаковать его с незащищенного северного или западного направления.

При входе в сражение через колтувский коридор 4-я танковая армия вышла к Львову 19 июля, но только одним танковым корпусом. Остальные ее силы были связаны обороной колтувского коридора и отражением контрудара 48-го танкового корпуса противника. Встретив у Львова упорное сопротивление, она не смогла продолжать наступление, ее силы оказались разбросанными в четырех районах. Лишь к 25 июля командующему армией удалось собрать свои силы и начать штурм города, который был взят совместно с 3-й гвардейской танковой и 60-й армиями только 27 ию-

ля, т. е. на пять-шесть дней позже, чем это могло произойти при вводе 4-й танковой армии в сражение в полосе 13-й армии.

Конечно, такой маневр был связан с определенным риском, ибо противник стремился и мог перерезать колтувский коридор. Но при мобилизации ударной группировки 1-й гвардейской армии, противотанковых средств фронта и 5-й гвардейской армии, составлявшей второй эшелон фронта, колтувский коридор и кольцо окружения вокруг бродской группировки могли быть сохранены. Овладение же Львовом 21—22 июля нарушало оперативную устойчивость группы армий «Северная Украина», что позволяло быстрее объединить два оперативных прорыва в стратегический, раньше и большими силами выйти на Вислу.

Прорыв южной ударной группировки проходил в сложных, порой критических условиях. Основная причина состояла в том, что противник, определив направление и время начала наступления, изготовился к его отражению: привел войска в повышенную боевую готовность, несколько уплотнил боевые порядки, подтянул к участку прорыва оперативные резервы—1-ю и 8-ю танковые дивизии. И все же запас сил, т. е. высокие плотности войск, созданные на участке прорыва, значительное превосходство в силах и средствах, твердое и гибкое руководство ходом операции командующим фронтом и решительные действия всех войск позволили прорвать очень прочную оборону противника.

Сопоставление хода прорыва на 1-м Украинском и Белорусских фронтах, затрат на его осуществление сил позволяет сделать вывод, что в условиях, когда вероятность достижения внезапности невысока, плотности огневых и технических средств борьбы должны быть на 30—40% выше, чем принято для сложившихся условий в проводимой кампании.

Прорыв на львовском направлении характерен и тем, что две танковые армии были протиснуты в оперативную глубину через 6-километровый проход, который оказался в три-четыре раза уже, чем считалось необходимым по довоенным взглядам и сложившейся практике ввода в сражение подвижных групп фронтов. Этот опыт говорит о том, что ввод в сражение крупных танковых масс возможен и без широких «предохранительных» полос на флангах их ввода. Важно лишить противника возможности вести огонь прямой наводкой, подавить и деморализовать крупные контрударные группировки. Для этого на 1-м Украинском фронте широко применялись массированные огни и сосредоточенные удары авиации. Например, по 1-й и 8-й танковым дивизиям противника 2-я воздушная армия произвела 1848 самолето-вылетов, чем резко ослабила силу их ударов¹.

Как и в Белорусской операции, разгром окруженной в тактической и ближайшей оперативной глубине бродской группировки противника привел к образованию крупной брешы в обороне врага,

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 3, с. 407.

стремившегося во что бы то ни стало удержать в своих руках Западную Украину и тем преградить путь советским войскам в Силезский промышленный район и в Чехословакию, куда гитлеровское руководство перебазировало из Германии большое количество военных предприятий и где все шире развертывалось движение Сопротивления, вылившееся в Словацкое восстание. На 10-й день войска 1-го Украинского фронта центром продвинулись почти на 200 км. Наступление велось в полосе шириной более 300 км. 29—30 июля войска фронта, продвинувшись в общей сложности до 350 км, форсировали Вислу и захватили на ней ряд плацдармов. В течение августа эти плацдармы были объединены в один общий плацдарм по фронту до 75 км и в глубину 20—60 км.

Успех войск 1-го Украинского фронта позволил расширить стратегический прорыв до 1200 км. Лишь переброска на западное стратегическое направление крупных резервов из Германии, стран Западной Европы и других стратегических направлений, а также расположение их на естественных преградах — реках Висла, Нарев и по укрепленной границе Восточной Пруссии — позволило противнику стабилизировать стратегический фронт обороны.

Вместе с тем следует отметить, что большие затраты сил и средств 1-м Украинским фронтом на прорыв тактической зоны обороны и развитие его в оперативную глубину ограничили его возможности по использованию результатов стратегического прорыва. Общая глубина продвижения его войск оказалась в два раза меньше, чем в Белорусской операции, хотя подвижных соединений у него было больше, чем во всех фронтах, наступавших в Белоруссии севернее Полесья. Кроме того, вблизи полосы наступления 1-го Украинского фронта действовали четыре танковых корпуса левого крыла 1-го Белорусского фронта.

Ход прорыва в Яско-Кишиневской операции, начавшейся 20 августа одновременно ударом 2-го и 3-го Украинских фронтов (схема 25), имел ряд своих примечательных сторон.

На 2-м Украинском фронте благодаря высоким плотностям артиллерии, созданным на участке прорыва, сосредоточению огня по ключевым пунктам тактической обороны и достигнутой внезапности оборона оказалась надежно подавленной, связь и управление войсками в звене рота, батальон, полк были полностью нарушены.

За ходом прорыва следили специально назначенные штабом фронта офицеры. И как только войска первого эшелона преодолели р. Бахлуй, 6-й танковой армии был дан сигнал на выдвижение вперед. Уже в 14 часов она вошла в прорыв. Это был единственный случай в ходе Великой Отечественной войны, когда танковая армия вошла в так называемый «чистый» прорыв в середине первого дня операции.

Хотя вторая полоса оказалась уже прорванной, 6-й танковой армии не удалось сразу вырваться на оперативный простор. Противник ввел в сражение три дивизии из резерва, стремясь этими соединениями вместе с отошедшими силами остановить наступле-

ние войск 2-го Украинского фронта на третьей полосе, проходившей по хребту Маре. В результате упорных боев противнику удалось замедлить продвижение войск ударной группировки фронта. Но уже на следующий день наши войска с ходу захватили перевалы через хребет Маре и полностью завершили прорыв армейской полосы обороны. В ночь на 22 августа 6-я танковая армия, перейдя в преследование, за день продвинулась на 35 км, 23 августа — уже на 45 км и устремилась к Фокшанским воротам, чтобы с ходу прорвать укрепленный район и тем самым открыть путь в Центральную Румынию, Болгарию и к границам Югославии и Венгрии. Эту задачу она блестяще выполнила 27 августа, пройдя с боями за неделю 180 км.

Не менее успешно осуществлялся прорыв и на 3-м Украинском фронте, где в условиях наступления с плацдарма все же удалось достигнуть внезапности. Большую роль в этом сыграла подготовка ложного удара в полосе 5-й ударной армии и проведение ею разведки боем в день начала операции. Это ввело противника в заблуждение об истинном направлении главного удара и он задержался с отводом основных сил 6-й немецкой армии из кишиневского выступа, что облегчило их полное окружение и уничтожение.

На второй день операции для развития успеха были введены 4-й гвардейский механизированный, а затем и 7-й механизированный корпуса. Продвижение ударной группировки фронта составило 25—30 км. На следующий день танкам удалось вырваться на оперативный простор и развить наступление к району встречи с войсками 2-го Украинского фронта. За 22 августа 7-й механизированный корпус прошел 80 км. Через день состоялось окружение яско-кишиневской группировки врага в составе 22 дивизий, которая вскоре была разгромлена. На южном крыле германского фронта образовалась огромная брешь, закрыть которую противнику было нечем. В итоге операции войска фронта с 20 по 29 августа разгромили основные силы группы армий «Южная Украина» и этим добились прорыва стратегического фронта противника на юго-западном направлении. Это позволило в дальнейшем преодолеть Восточные Карпаты и Трансильванские Альпы, освободить румынский и болгарский народы от немецко-фашистских захватчиков и выйти к венгерской и югославской границам. За один месяц войска 2-го и 3-го Украинских фронтов продвинулись на 500 км. Только к середине сентября немецко-фашистскому командованию удалось создать новый сплошной фронт обороны за счет вновь созданной группы армий «Юг» в составе 8-й немецкой, 2-й и 3-й венгерских армий.

В летне-осенней кампании 1944 г. Советская Армия добилась выдающихся успехов. Были разгромлены крупные группировки немецко-фашистских войск на всех направлениях советско-германского фронта и дважды прорван стратегический фронт врага: на

западном направлении на участке от Западной Двины до Карпат протяжением 1200 км, где было разгромлено до 100 дивизий, и на юго-западном направлении — от Карпат до болгарской реки Марица на фронте свыше 500 км, с разгромом 56 дивизий. Продвижение наших войск составило от 400 до 700 км.

В обоих случаях прорыв стратегического фронта противника был достигнут проведением крупных стратегических операций, в которых первоначально одновременными ударами на нескольких узких участках фронтов полностью взламывалась вражеская оборона, а в дальнейшем действиями по сходящимся направлениям окружались и уничтожались основные силы противостоящих группировок немецко-фашистских войск и одновременно развивалось наступление в глубину в высоких темпах.

Как показал опыт, такой способ прорыва стратегического фронта противника обеспечивал советским войскам непрерывность ударов на большую глубину, развитие наступления в высоких темпах, сокращение сроков проведения стратегических операций, нанесение огромных потерь противнику в живой силе и боевой технике при небольших потерях с нашей стороны, а также приводил к истощению стратегических резервов врага и создавал выгодные условия для проведения новых стратегических операций на других направлениях.

В летне-осенней кампании 1944 г. задача рассечения вражеской обороны на части несколькими одновременными ударами (три — шесть и более) решалась усилиями не одного фронта, как это было в предшествующей кампании, а только усилиями группы фронтов, что обусловливалось наличием у противника сильной глубоко эшелонированной обороны и значительных оперативных резервов, состоявших в основном из танковых и моторизованных соединений, способных к широкому маневру и осуществлению мощных контрударов.

В зависимости от замысла операции, наличия сил и средств, характера обороны противника и его группировки фронт осуществлял прорыв на одном или двух участках. Из 13 начальных фронтовых операций, проведенных в июне — августе 1944 г., в семи операциях фронты прорывали оборону на двух участках и в шести операциях — на одном участке. Причем если фронт наносил одновременно удары на двух направлениях, то на каждом из них создавалась мощная ударная группировка, способная самостоятельно прорвать вражескую оборону и развить успех на большую глубину. В этом случае один удар именовался главным, а другой — вторым, а не вспомогательным, так как по своей силе, значимости и роли в операции он выходил за рамки вспомогательного удара, нанесившегося обычно с ограниченной целью. Каждый из ударов осуществлялся двумя-тремя общевойсковыми, одной-двумя танковыми армиями (или одним — тремя танковыми и механизированными корпусами) при наличии 3,5—4,5 тыс. орудий и минометов, значительным количеством инженерных войск при мощной поддержке авиации.

Главные удары во фронтовых операциях наносились преимущественно по слабому месту в обороне противника, но с таким расчетом, чтобы избранные направления выводили наши главные группировки во фланг и тыл основным силам врага (удары 1-го Прибалтийского фронта под Витебском, 1-го Белорусского фронта под Бобруйском, 2-го и 3-го Украинских фронтов в Яско-Кишиневской операции и др.). В ряде случаев по сильным местам в обороне противника главный удар наносился тогда, когда удары на других направлениях не обеспечивали решения задачи разгрома основных сил противостоящей группировки противника (1-й Украинский фронт в Львовско-Сандомирской операции) или же когда через сильные участки обороны проходили важнейшие коммуникации, выгодные для успешного применения крупных сил подвижных войск (3-й Белорусский фронт на оршанском направлении). Большое значение при выборе направления главного удара придавалось достижению внезапности. Особенно характерными в этом отношении являются удары 1-го Белорусского фронта в районе Парычей и 3-го Украинского фронта с плацдарма южнее Бендер. На этих направлениях противник совершенно исключал возможность нанесения нашими войсками главных ударов.

На избранных направлениях решительно массировались силы и средства и создавались мощные ударные группировки войск. Так, на участках прорыва, составлявших 6—15% всей ширины полосы фронта, сосредоточивалось 50—80% общевойсковых соединений, 60—80% артиллерии, 90—100% танков и авиации. Это позволяло создавать высокие оперативные плотности — в среднем 0,8—1,0 км на стрелковую дивизию, 150—250 орудий и минометов и 60—80 танков и САУ на 1 км участка прорыва — и достигать превосходства над противником по пехоте в 4—6 раз, по артиллерии в 6—10 раз, по танкам в 4—8 раз и по авиации в 4—10 раз.

Важнейшая роль в решении задачи прорыва тактической обороны противника принадлежала стрелковым соединениям, которые в большей мере, чем прежде, насыщались танками и артиллерией. Получая меньшие по ширине участки прорыва — до 1,5—2,5 км на дивизию и до 3—5 км на стрелковый корпус, они обретали возможность увеличить тактические плотности сил и средств — до 5—7 стрелковых батальонов и до 20, а в отдельных случаях и больше танков непосредственной поддержки пехоты на 1 км участка прорыва.

Боевые порядки общевойсковых соединений и частей строились, как правило, глубокими, с расчетом нанесения сильного первоначального удара, возможности наращивания его в ходе прорыва и ведения безостановочной атаки на всю глубину главной полосы обороны противника. По сравнению с летне-осенней кампанией 1943 г. увеличилась глубина боевых задач. Стало правилом ставить ближайшую задачу для полка — захват первой позиции (глубина до 2 км), для стрелковой дивизии — захват второй позиции (глубина 4—5 км), для стрелкового корпуса — овладение главной полосой обороны (глубина 6—8 км). Последующая задача для

стрелковых дивизий в большинстве случаев определялась захватом главной полосы обороны (глубина 8—10 км), для стрелкового корпуса — выходом ко второй полосе или овладением всей тактической зоной (глубина 13—17 км). В тех случаях когда на участке корпуса использовалась армейская подвижная группа, последующая задача корпуса (она же задача дня) ставилась и на большую глубину.

Повышение плотностей артиллерии на участках прорыва и улучшение ее качественного состава, увеличение лимита отпускаемых фронтам боеприпасов с учетом накопленного боевого опыта позволило увеличить удельный вес массированного огня в системе артиллерийской подготовки и повысить ее эффективность. Так, если в 1943 г. из общего времени на артиллерийскую подготовку отводилось на огневые налеты 8—20%, то в летне-осенней кампании 1944 г. оно достигло 50% и более. Глубина одновременного подавления обороны противника возросла до 5—6 км, а в некоторых операциях (Яско-Кишиневской и др.) до 8 км. В целях обеспечения надежности артиллерийской поддержки атаки применялся двойной огневой вал на глубину первой позиции вражеской обороны. Улучшилось и управление артиллерией за счет создания стройной системы артиллерийских групп по организационно-тактическому принципу и привлечения к управлению артиллерийскими группами штабов артиллерийских дивизий и корпусов прорыва.

Для авиационного обеспечения прорыва было характерным широкое применение массированных авиационных ударов, увеличение продолжительности непрерывной поддержки наземных войск на поле боя, более тесное взаимодействие авиации с наземными войсками. Последнее достигалось полным закреплением практики управления авиацией на поле боя представителями авиационного командования, располагавшимися на командных пунктах общевойсковых командиров.

Совершенствование искусства подготовки прорыва и методов его ведения позволило достигнуть в ряде операций (1-й Прибалтийский и 3-й Белорусский фронты в районе Витебска, 1-й Белорусский фронт южнее Бобруйска и на ковельском направлении, 2-й и 3-й Украинские фронты в Яско-Кишиневской операции) прорыва тактической зоны обороны противника на всю ее глубину в первый день операции.

Развитие тактического прорыва в оперативный достигалось вводом в сражение подвижных групп армий и фронтов. При этом подвижные группы армий вводились, как правило, в первый день для завершения прорыва тактической зоны обороны противника, а иногда и после ее прорыва (7 мк 37 А в Яско-Кишиневской операции, 11 тк 8 гв. А в Люблинско-Брестской операции). Подвижные же группы фронтов в составе танковых армий и конно-механизированных групп чаще всего вводились в прорыв после преодоления тактической зоны обороны первым оперативным эшелонам, что являлось новым явлением в практике их применения и свидетельст-

вовало о значительных достижениях советского военного искусства в решении проблемы прорыва вражеской обороны.

3. ИСКУССТВО ПРОРЫВА ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА В ОПЕРАЦИЯХ 1945 г.

Кампания 1945 г. в Европе проводилась в благоприятной для наших Вооруженных Сил военно-политической обстановке. Враг был изгнан из пределов Советского Союза, фронт вооруженной борьбы проходил через Восточную Пруссию, Польшу, Чехословакию и Венгрию, в 520—550 км от Берлина и в 650 км от р. Эльба — намеченного рубежа встречи союзных армий. В результате разгрома гитлеровских войск в Северной Норвегии и выхода из войны Финляндии линия фронта сократилась с 4450 до 2250 км, что позволило нашему командованию направить высвободившиеся силы и средства для усиления активно действующих фронтов.

Благодаря мерам, принятым Коммунистической партией и Советским правительством, к началу 1945 г. техническая оснащенность и вооружение Советской Армии достигли наивысшего уровня за все время войны. Это создавало широкие возможности для образования мощных ударных группировок, способных наносить сокрушительные удары на большую глубину и вести наступление в высоких темпах.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования на кампанию предусматривал одновременный переход в наступление на всем стратегическом фронте с нанесением главного удара на варшавско-берлинском направлении в целях разгрома немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Австрии и выхода на рубеж устья реки Висла, Быдгощь, Познань, Вена. В дальнейшем предполагалось наступление на Берлин и Прагу.

Прорыв стратегического фронта обороны противника на берлинском направлении. Между Вислой и Одером на глубину до 500 км было подготовлено семь оборонительных рубежей. Наиболее сильный из них — вислинский рубеж состоял из четырех полос общей глубиной 50—70 км. Особенно прочной оборона была перед нашими плацдармами в районах Магнушева, Пулавы и Сандомира. Главная полоса состояла из трех-четырёх позиций. В ней оборонялись дивизии в полосах 5—10 км. Против плацдармов располагались танковые и моторизованные дивизии противника, входившие в оперативные резервы. Последующие оборонительные рубежи готовились в основном по рекам, что усиливало их прочность и позволяло немецко-фашистскому командованию последовательно переносить усилия в глубину и тем сдерживать прорыв наших войск к стратегически важным пунктам.

Оборона Восточной Пруссии опиралась на цепь укрепленных районов, протянувшихся вдоль ее восточной и южной границ, а также на ряд крепостей.

Для ослабления группировки войск противника на берлинском направлении советское Верховное Главнокомандование предприняло операции в Восточной Пруссии и в Венгрии, которые вынудили противника в течение октября и декабря перебросить из центра на фланги 18 дивизий (в том числе 8 танковых) и 3 бригады. Взамен их на центральное направление было выдвинуто только 6 пехотных и 2 танковые дивизии. Ослабление группировки войск на 10 дивизий, из них на 6 танковых, не позволило врагу создать сильные оперативные резервы и заблаговременно занять подготовленные оборонительные рубежи в глубине.

По замыслу Ставки ВГК (схема 27) главный удар на берлинском направлении наносили войска 2-го и 1-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов на участке Остроленка, Краков. Прорыв здесь стратегического фронта позволял в кратчайшие сроки освободить центральные и западные воеводства Польши и, выйдя на ближние подступы к Берлину, создать необходимые условия для завершения полного разгрома вооруженных сил фашистской Германии; последующее наступление 2-го Белорусского фронта к устью Вислы вело к отсечению восточно-прусской группировки врага и ее разгрому во взаимодействии с войсками 3-го Белорусского фронта и Балтийским флотом.

Хотя опыт минувшей кампании показал высокую эффективность операции на окружение, в январском наступлении 1945 г. Ставка избрала иную форму ведения операций — нанесение ряда мощных рассекающих ударов на большую глубину. 2-й Белорусский фронт должен был, используя плацдармы на западном берегу р. Нарев, нанести два мощных удара на стыке групп армий «Центр» и «А» и затем, образовав единую брешь, развить наступление к Балтийскому морю. 1-му Белорусскому фронту предстояло нанести также два удара, используя магнусшевский и пулавский плацдармы. Уже в ходе прорыва ближайшей оперативной глубины они должны были слиться в единый удар, направленный своим острием непосредственно на Берлин. 1-й Украинский, 3-й Белорусский и 4-й Украинский фронты должны были нанести по одному удару.

Если учесть, что участки прорыва ударных группировок 1-го и 2-го Белорусских фронтов находились друг от друга на расстоянии 20—40 км, то можно сказать, что в оперативно-стратегическом плане и эти фронты наносили по одному мощному удару.

Оборона противника на берлинском направлении была наиболее прочной против плацдармов. Прорыв ее требовал создания высоких плотностей войск, а развитие запланированных операций на большую глубину — создания нескольких оперативных эшелонов.

В директивах фронтам Ставка указала состав ударных группировок, направления ударов и участки прорыва, плотности артиллерии, т. е., по существу, основные вопросы прорыва решались Ставкой.

Так, в директиве 1-му Украинскому фронту (как и всем осталь-

ным) Ставка указала: главный удар нанести силами пяти общевойсковых армий (45 стрелковых дивизий), двух танковых армий, четырех танковых и механизированных корпусов с сандомирского плацдарма на Хмельник, Родомско. Оборону прорвать на участке 30 км, плотности артиллерии иметь 220 стволов на 1 км фронта прорыва (от 76 мм и выше).

Фактически созданные группировки и плотности сил и средств показаны в табл. 11.

Плотности войск по сравнению с летне-осенней кампанией 1944 г. возросли на 15—20%, а в полосах отдельных соединений и больше. Например, на участке прорыва 29-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии плотность артиллерии была доведена до 390 орудий и минометов на 1 км.

Концентрация на участках прорыва большого количества огневых средств позволяла надежно взломать оборону врага, а плотные боевые порядки и глубокое оперативное построение войск обеспечивали прорыв ее в высоких темпах и на всю глубину.

Таблица 11

Состав ударных группировок фронтов и плотности войск в январском наступлении 1945 г.

Наименование	3 БФ	2 БФ		1 БФ		1 УФ
		рожанская группировка	сероцкая группировка	магнушевская группировка	пулавская группировка	
Общевойсковые армии	4	3	2	4	2	8
Танковые армии		1		2		2
Отдельные танковые (механизированные) корпуса	2	3	1		2	4
Стрелковые дивизии	30	22	13	35	14	56
Артиллерия	4800	4770	1800	5300	3800	8200
Танки	1238	1535	375	1982	768	3244
Самолеты	1333	1647		2190		2582
Ширина участка прорыва, км	24	18	10	17	13	36
Плотности:						
км на дивизию первого эшелона	1,5	1,7	1,5	1,2	1,8	1,4
орудий и минометов на 1 км участка прорыва	220	290	180	310	300	230—250
танков и САУ НПП на 1 км участка прорыва	30	25	20	24	26	До 20
оперативная плотность танков и САУ на 1 км участка прорыва	50	71	32	104	60	95

В планировании огневого поражения противника проявились новые черты. В 1-м Белорусском фронте артиллерийское наступление планировалось по двум вариантам с учетом особенностей перехода войск фронта в наступление, когда атаке главных сил предшествовали действия усиленных передовых батальонов, или, как их тогда называли, «особых эшелонов». Подготовка атаки передовых батальонов предусматривалась одним мощным 25-минутным огневым налетом всей артиллерии фронта, сосредоточенной на участках прорыва, а не только специально выделенной (один — три артполка на батальон), как это обычно практиковалось раньше. Поддержка их атаки планировалась одинарным огневым валом на глубину 1,5—2 км. В случае прорыва передовыми батальонами первой позиции артиллерия должна была обеспечить ввод в бой главных сил дивизий первого эшелона, а при неуспехе их наступления — проводить артиллерийскую подготовку по полному графику, т. е. еще в течение 70 минут (повторный огневой налет 20 минут, разрушение и подавление целей методическим огнем — 30 минут, третий огневой налет — 20 минут). Не менее важно было и то, что по первому варианту артиллерийская подготовка сокращалась до 25 минут. По второму варианту массированные огневые налеты составляли почти 60% ее продолжительности, а с учетом первого огневого налета — почти 70%.

На 1-м Украинском и 3-м Белорусском фронтах артиллерийская подготовка предусматривалась продолжительностью 107 и 120 минут. Доля массированного огня в них возросла до 30—35%, кроме того, во время разрушения целей противника широко велся методический огонь, что повышало надежность подавления обороны неприятеля. Глубина поражения противника огнем артиллерии во всех фронтах возросла до 6—8 км.

На 2-м Белорусском фронте артиллерийская подготовка планировалась по трем вариантам в зависимости от успеха действий передовых батальонов, переходивших в атаку после первого 15-минутного огневого налета, при поддержке двойного огневого вала.

Разработка на 1-м и 2-м Белорусских фронтах нескольких вариантов артиллерийской подготовки являлась новшеством в планировании огневого поражения противника.

Боевые действия авиации планировались в форме авиационного наступления. При прорыве тактической зоны обороны противника основные усилия авиации направлялись на поддержку пехоты и танков ударных группировок, а после прорыва — на обеспечение действий подвижных войск. На 1-м Белорусском фронте в первые два дня наступления предусматривалось осуществить 7945 самолето-вылетов, а на 1-м Украинском в первые три дня — 12 080.

Высокая степень поражения создавалась для того, чтобы подвергнуть первый эшелон обороняющегося противника сокрушительному разгрому и тем самым не позволить ему отвести войска и организовать оборону на подготовленных в глубине рубежах. Как отмечал вскоре после войны начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал М. С. Калинин, мы стремились создать такую си-

лу удара, которая была бы способна преодолеть всю зону тактической обороны противника, затем быстро совершить оперативный прорыв, с тем чтобы мы могли захватить рубежи раньше, чем противник силами отходящих частей и прибывающих резервов из глыбины организует на них оборону.

Этой же цели были подчинены построение войск и намечаемый характер боевых действий.

Оперативное построение фронтов, проводивших Висло-Одерскую операцию, было двухэшелонным. В 1-м Белорусском фронте во втором эшелоне находилась 3-я ударная армия, а в 1-м Украинском — 21-я и 59-я армии. Эшелон развития успеха в каждом фронте создавался в составе двух танковых армий. В состав подвижной группы 1-го Белорусского фронта входил еще и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Кроме того, фронты имели резервы.

В два эшелона был построен и 3-й Белорусский фронт, несмотря на то что глубина операции намечалась сравнительно небольшой — 150 км. Это вызывалось тем, что на направлении наступления фронта противник имел долговременную укрепленную линию на р. Дайме, Хайльсбергский укрепленный район и укрепления Кенигсберга, для прорыва которых в ходе операции требовалось наращивание усилий в оперативном масштабе.

2-й Белорусский фронт имел одноэшелонное построение. Подвижную группу составляла 5-я гвардейская танковая армия, а резерв — танковый и кавалерийский корпуса. Такое решение было принято потому, что для создания двух ударных группировок потребовалось пять из семи общевойсковых армий. Часть сил 49-й армии также привлекалась для расширения участка прорыва главной группировки фронта и обеспечения ее от контрударов с севера, где в районе Мазурских озер располагались несколько дивизий, входивших в резерв группы армий «Центр».

На прикрытие участка шириной 170 км требовалось восемь-девять дивизий, и командующий фронтом выделил для этой цели три корпуса 49-й и 50-й армий. Вместе с тем при планировании операции военный совет фронта полагал, что поскольку противник основные усилия сосредоточил на удержании главной полосы обороны, ее следует и можно прорвать армиями первого эшелона, создав в большинстве из них армейские подвижные группы в составе танкового или механизированного корпусов. Это позволит сохранить силы 5-й гвардейской танковой армии, которая, войдя в «чистый» прорыв, сможет без больших помех выйти к Балтийскому морю.

Оперативное построение армий было одно-, двух- и трехэшелонным.

Одноэшелонное их построение на 1-м и 3-м Белорусских фронтах обуславливалось тем, что они имели более широкие полосы наступления, а также стремлением командования фронтов создать сильный первый оперативный эшелон, поставив в него все стрелковые корпуса, которые, прорывая оборону на узких участках, могли бы последовательно наращивать усилия и по возможности сво-

ими силами преодолеть обе полосы обороны и создать тем самым условия для ввода в прорыв танковых армий.

На 1-м Украинском и 2-м Белорусском фронтах армии строились преимущественно в два эшелона, а 3-я гвардейская армия даже в три эшелона. Это объяснялось тем, что при общем участке прорыва большинство армий 1-го Украинского фронта получило узкие полосы наступления, а 3-я гвардейская к тому же должна была развить удар в сторону фланга для окружения группировки врага на стыке с 1-м Белорусским фронтом.

Восемь армий из четырнадцати, наступавших на направлениях, где не вводились подвижные группы фронтов, имели свои подвижные группы в составе одного-двух танковых корпусов. Кроме того, в армиях создавались артиллерийские, зенитные артиллерийские группы, артиллерийско-противотанковые и инженерные резервы и подвижные отряды заграждений.

Боевые порядки стрелковых соединений и частей строились преимущественно в два эшелона, что позволяло последовательно наращивать усилия при прорыве позиций и полос тактической зоны обороны противника. Ширина участка прорыва корпуса в среднем составляла 2,5—5 км, а дивизии — 1,2—2,5 км.

Использование танков во фронтах осуществлялось на тех же принципах, что и летом 1944 г. В 1-м Белорусском фронте в атакующий эшелон было выделено 22% танков и САУ, что позволило создать их средние плотности в армиях ударных группировок 25, а в 8-й гвардейской, 5-й ударной и 33-й армиях около 30 бронеединиц на 1 км участка прорыва.

На 1-м Украинском фронте плотности танков НПП составляли 17,5 бронеединицы на 1 км участка прорыва, при этом в 5-й гвардейской армии их было всего 10,3, а в 52-й армии — 13,7¹.

В эшелон развития успеха фронты выделили: 1-й Белорусский фронт — 2160, 1-й Украинский — 2640 танков и самоходно-артиллерийских установок.

В этом различии выразились взгляды командующих фронтами на использование эшелона развития успеха при прорыве. Если на 1-м Белорусском фронте танковые армии планировалось ввести в сражение после прорыва стрелковыми войсками тактической зоны обороны для захвата с ходу армейской полосы обороны, то на 1-м Украинском фронте основным, наиболее полно разработанным вариантом был ввод танковых армий для завершения прорыва тактической зоны обороны². При этом для допрорыва главной полосы обороны выделялось по одной усиленной танковой (механизированной) бригаде от каждого корпуса первого эшелона³.

Такой вариант ввода танковых армий в сражение был хорошо отработан в предыдущих операциях и, несомненно, гарантировал

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Т. 4, с. 111.

² Там же, с. 109.

³ ЦАМО СССР, ф. 324, оп. 3336280, д. 1, л. 8; ф. 315, оп. 4440, д. 55, л. 4—7.

завершение прорыва тактической обороны. Но он имел и недостатки. При вводе танковых армий в ходе прорыва тактической обороны противника они вынуждены были действовать в стесненных условиях, наносить фронтальный удар, нередко вести борьбу с оперативными резервами противника, не имея свободы для маневрирования. При недостатке танков НПП это вынуждало поешелонно, т. е. по частям, вводить корпуса в сражение. Все это увеличивало физическое и моральное напряжение танкистов, повышало расход моторесурсов, потери танков от противотанковых средств противника и снижало возможности танковых армий для стремительного броска в оперативную глубину.

Проблема завершения прорыва тактической зоны обороны на направлениях действий танковых армий удачнее решалась в 1-м Белорусском фронте. Общевоинские армии (5-я ударная и 8-я гвардейская) получили до 500 танков и САУ. Это позволило им создать высокие плотности танков НПП, обеспечить сильный первоначальный удар, в максимальной степени использовать результаты огневого поражения и провести атаку на значительную глубину.

Такое применение танков для прорыва позволяло более тесно организовать их взаимодействие с пехотой, артиллерией и инженерными войсками, не расходовать танковые армии для завершения прорыва тактической обороны противника и создать благоприятные условия для их действий в оперативной глубине.

Новым в использовании танков НПП являлось то, что они придавались поротно стрелковым батальонам, а отдельные танки закреплялись за стрелковыми взводами. Такое их применение стало возможным в связи с увеличением количества и повышением боевого мастерства командиров стрелковых подразделений.

Подвижные группы армий предназначались для выполнения двух задач — завершения прорыва тактической обороны противника и развития наступления в оперативную глубину. Ввод их в сражение обычно намечался после прорыва обороны полков первого эшелона противника, т. е. двух позиций.

Ограниченность плацдармов и исходных районов для наступления при большой плотности войск создавала угрозу переуплотнения, а следовательно, повышения потерь от огня противника. В связи с этим было предусмотрено заблаговременное оборудование плацдармов широкой сетью траншей, ходов сообщения, инженерных сооружений, которые могли быть использованы в оборонительных боях по удержанию плацдармов и для расположения войск непосредственно перед наступлением. Средние плотности инженерных сооружений на 1 км составили: траншей и ходов сообщения до 10 км; артиллерийских и минометных окопов — до 75; КП и НП — до 27; блиндажей и землянок — более 100. Чтобы добиться непрерывного наращивания силы удара с плацдармов и бесперебойного снабжения войск при наступлении на большую глубину, через Вислу было построено 26 мостов различной грузоподъемности, от 5 до 15 на ударную группировку или 3—4 моста на армию,

В целях максимального и быстрого использования мощного огневого удара войсками в заграждениях противника были созданы проходы по три-четыре на стрелковую роту и два-три на танковую роту. Для выполнения большого объема задач инженерного обеспечения плотности инженерных войск были доведены от 5 до 13 саперных рот на 1 км фронта прорыва¹.

Партийно-политическая работа была всецело направлена на подготовку войск к осуществлению прорыва глубоко эшелонированной обороны в высоких темпах и стремительному развитию наступления в глубину. Особое внимание обращалось на повышение боевого мастерства личного состава и на согласованные действия частей и подразделений различных родов войск при выполнении боевых задач.

Учитывая, что в ходе операции предстояло освободить братскую Польшу и вести боевые действия на территории Германии, у личного состава воспитывалось правильное, интернационалистическое отношение к местному населению, в том числе и к немецкому народу. Одновременно проводились беседы, на которых показывалось, с каким нетерпением поработанные народы Европы ждут своего освобождения. Все это повышало боевой порыв войск, решительность действий в ходе наступления.

Сложной проблемой являлось достижение внезапности, поскольку широкое наступление возможно было только с плацдармов и места наших намечавшихся прорывов не могли быть тайной для противника. Поэтому Ставка и командование фронтов в наибольшей мере стремились скрыть от противника силу подготавливаемых ударов и время начала наступления. В этих целях Ставка активизировала боевые действия на флангах стратегического фронта, стремясь растянуть группировку войск противника в Польше. Это, как отмечал генерал армии С. М. Штеменко, привело Гитлера к убеждению, что главный удар в 1945 г. Советская Армия нанесет именно через Венгрию и Чехию. Туда и направлялись основные силы вермахта².

Фронты проводили различные мероприятия по оперативной маскировке. В период активизации боевых действий в Венгрии и Восточной Пруссии рядом мероприятий создавалось впечатление, что войска 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов стремятся всемерно укрепить занимаемые плацдармы и в декабре — январе переходить в наступление не будут. Под видом этого готовились и исходные районы для наступления. Когда войска приступили к подготовке наступления, в соответствии с разработанными планами оперативной маскировки осуществлялся показ ложных направлений ударов, районов сосредоточения, ложных перевозок войск и разгрузок материальных средств, отвод войск с плацдармов. Одновременно скрытно проводилось передвижение войск и

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Т. 4, с. 119.

² См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны, с. 310.

занятие ими исходных районов для наступления. Большое внимание уделялось дезинформации противника путем подброса ему ложных документов, проведением ложных телефонных переговоров и др. Боевые задачи до войск в письменном виде доводились: корпусам — за пять дней, дивизиям первого эшелона за три дня, а второго — за два дня, командирам полков — в это же время только устно.

Первыми прорыв оборонительного рубежа противника на Висле начали войска 1-го Украинского фронта 12 января 1945 г. Передовые батальоны после 15-минутного огневого налета артиллерии (два-три артиллерийских полка на батальон) в 5 часов, т. е. за 4 часа до рассвета, перешли в атаку и овладели первой траншеей, из которой противник отвел большую часть своих войск в глубину (схема 28).

В 10 часов началась артиллерийская подготовка. Мощь ее, а также то, что она проводилась непосредственно за разведкой боем, чего противник не ожидал, настолько потрясли его войска, что многие солдаты и даже офицеры потеряли самообладание и начали самостоятельно покидать позиции¹.

За 45 минут до окончания артиллерийской подготовки на всем участке прорыва стрелковые взводы, выделенные по одному от каждого батальона первого эшелона, начали демонстрацию общей атаки. Для правдоподобности атаки с каждым стрелковым взводом действовало два-три танка. Противник, зная по опыту прошлых операций, что наша атака главных сил начиналась с выходом танков на передний край, принял демонстрацию атаки за начало общего наступления и вывел из укрытий свои уцелевшие от артиллерийского огня войска для отражения наступления. В это время был проведен последний мощный 15-минутный огневой налет всей артиллерии фронта. Вслед за ним перешли в атаку главные силы.

Атака пехоты и танков при поддержке двойного огневого вала развивалась в быстром темпе, особенно в 52-й армии. Это послужило основанием для прекращения двойного огневого вала после ведения огня по первому основному и двум промежуточным рубежам и перехода к поддержке атаки методом ПСО. Ослабление огня нашей артиллерии позволило противнику усилить сопротивление и даже предпринять несколько контратак, что привело к замедлению темпов атаки, особенно при бое за вторую позицию. Однако и эта позиция через два-три часа после начала наступления была прорвана.

Наращение сопротивления противника свидетельствовало о том, что на третьей позиции оно может быть значительным. Вследствие этого командующий фронтом в 14 часов отдал приказ на ввод в сражение танковых армий и отдельных танковых корпусов. При этом для завершения прорыва главной полосы обороны в бой вводилось по одной танковой (механизированной) бригаде от каждого

¹ ЦАМО СССР, ф. 328, оп. 20718, д. 40, л. 66.

корпуса первого эшелона. Главные же их силы должны были с ходу прорывать вторую полосу обороны противника.

Передовые бригады (отряды) совместно со стрелковыми соединениями завершили прорыв главной полосы и устремились ко второй полосе обороны. Создались условия для ввода главных сил подвижных групп. В 3-й и 5-й гвардейских армиях ввод в сражение главных сил подвижных групп прошел одновременно, что позволило им быстро выйти ко второй полосе. Однако ввиду наступившей темноты разведать слабо занятые участки обороны и сделать проходы в минных полях оказалось делом сложным, что задержало атаку второй полосы силами одних танковых корпусов и передовых отрядов дивизий. С выходом стрелковых корпусов ко второй полосе были предприняты попытки ее прорыва ночью, в результате чего удалось вклиниться в расположение врага, а танковым корпусам прорвать всю тактическую зону обороны и к утру 13 января выйти к р. Нида, где проходил армейский рубеж обороны противника.

Ввод главных сил 3-й гвардейской и 4-й танковых армий задержался примерно на 16 часов, т. е. вместо второй половины дня 12 января они фактически вошли в сражение в 8 часов утра 13 января перед второй полосой обороны, когда передовые отряды, обойдя опорные пункты, проникли к р. Нида, оторвавшись от главных сил на 20—25 км. Задержка ввода главных сил танковых армий в сражение произошла потому, что в момент подхода их к передовым частям общевойсковых армий все дороги и маршруты оказались забитыми движущимися вперед за своими частями артиллерией и транспортом. 3-я гвардейская танковая армия на преодоление главной полосы обороны противника без боя затратила всю ночь, а корпуса 4-й танковой армии остановились за боевыми порядками пехоты до утра 13 января¹.

В связи с запозданием ввода в сражение главных сил танковых армий они вступили в бой тогда, когда противник нанес контрудар 24-м танковым корпусом, опираясь на вторую полосу обороны, где отошедшими войсками он удерживал важные опорные пункты. Это привело к затяжным боям, которые длились весь день 13 января. Вторая полоса войсками фронта вместо первого дня наступления была прорвана только на второй день. Танковые же армии задачу первого дня наступления (с ходу форсировать р. Нида) выполнили только на третий день.

Разгром оперативного резерва противника — 24-го танкового корпуса создал предпосылки для выхода на оперативный простор. Уже утром 14 января войскам фронта удалось с ходу форсировать р. Нида, прорвать на ней подготовленную оборону, слабо занятую противником, и устремиться к рубежу обороны, оборудованному по р. Пилица, на который противник спешно отводил свои разрозненные войска. Упредив их в выходе, 3-я гвардейская танковая

¹ ЦАМО СССР, ф. 669, оп. 33765, д. 1, л. 13—14; ф. 324, оп. 4756, д. 137, л. 158—162.

армия форсировала с ходу реку Пилица и овладела рядом важных пунктов и переправ. В этот же день был взят г. Радомско, расположенный в 30 км за р. Пилица. На следующий день рубеж на р. Пилица с ходу прорвали войска 4-й танковой и 13-й армий, после чего началось оперативное преследование противостоящих 1-му Украинскому фронту войск противника.

На 1-м Белорусском фронте прорыв начался 25-минутным огневым налетом. Авиационное наступление, так же как и на 1-м Украинском фронте, ввиду неблагоприятной погоды не проводилось. Сокращение артиллерийской подготовки позволило сэкономить 30 тыс. тонн боеприпасов из 53 тыс., выделенных на нее.

Немецкие офицеры и солдаты знали о скором переходе в наступление войск 1-го Белорусского фронта, но рассчитывали, что артиллерийская подготовка будет продолжаться полтора-два часа с несколькими переносами огня, и укрылись в надежных убежищах. Но вслед за огневым налетом 22 усиленных батальона и 25 стрелковых рот перешли в атаку на фронте свыше 100 км. Их атака для противника оказалась неожиданной. Поддержка атаки на главном направлении осуществлялась одинарным огневым валом и только по основным рубежам, а в армиях, наступавших с пулавского плацдарма, — методом ПСО.

Ведение прорыва соединениями рассмотрим на примере 61-го стрелкового корпуса 69-й армии, наступавшего с пулавского плацдарма (схема 28).

В его полосе начали действия два передовых батальона, усиленные артиллерией и танками. Первую и вторую траншеи они заняли еще затемно без больших помех со стороны противника, понесшего очень большие потери от огня артиллерии, поскольку огневой налет пришелся на тот момент, когда противник переводил пехоту из первой траншеи во вторую. Наибольшее число убитых оказалось в ходах сообщения¹. Через 1 час 20 минут, после упорного боя, батальоны овладели и третьей траншеей, что привело к нарушению всей системы огня и взаимодействия противника. Надежно подавленная артиллерия неприятеля молчала или спешно меняла огневые позиции.

Специально выделенные взводы шли следом за передовыми батальонами и очищали траншеи от оставшихся солдат противника.

В связи с успешными действиями передовых батальонов по приказу командующего армией в 10 часов перешли в наступление главные силы дивизий первого эшелона². Артиллерийская подготовка была заменена 15-минутным огневым налетом по целям на второй позиции. Поскольку туман затруднял ведение огня с закрытых позиций, все орудия полковых артиллерийских групп были

¹ См.: Данилов Ф. В. Радом-Лодзинская операция. М., Воениздат, 1958, с. 121.

² ЦАМО СССР, ф. 426, оп. 95713, д. 1, л. 4.

выдвинуты для стрельбы прямой наводкой¹. Их прицельный огонь оказал пехоте и танкам действенную поддержку.

В 10 часов 30 минут, после надежной огневой обработки, 134-я и 274-я стрелковые дивизии атаковали вторую позицию. Ее первой траншеей удалось овладеть быстро, но вскоре противник, оправившись от удара, начал оказывать всевозрастающее сопротивление. Из рощи восточнее Флерянув, на опушке которой было расположено пять дзотов, полки 134-й стрелковой дивизии встретили упорное сопротивление. Из леса южнее Геленув противник принял контратаку.

Полки первого эшелона, сосредоточив в основном огонь орудий, выставленных для стрельбы прямой наводкой, и танков по дзотам и контратакующим подразделениям противника, обходным маневром овладели дзотами и разгромили противника в роще. Контратакующая группа была подавлена огнем артиллерии и затем разгромлена встречным ударом. В 13 часов 30 минут и вторая позиция оказалась прорванной.

274-я стрелковая дивизия была контратакована на подступах ко второй позиции, перед вводом в бой главных сил. Хотя отражение контратаки заняло полчаса, однако и это время позволило противнику организовать оборону 2-й позиции, атака которой началась только в 11 часов. Противник оказал упорное сопротивление, особенно в опорном пункте Лагув, подступы к которому были прикрыты минными полями и противотанковым рвом.

Командир дивизии сосредоточил по Лагуву огонь дивизионной артиллерийской группы. В ходе ведения методического и сосредоточенного огня саперы проделали проходы в минных полях. Перешедшие в атаку танки и пехота сломили сопротивление 55-го пехотного полка и овладели второй позицией. Однако тут же противник предпринял новую контратаку. Огнем артиллерии она была приостановлена, а затем атакой пехоты и танков враг был отброшен с немалыми для него потерями.

Далее оборона главной полосы представляла собою цепь опорных пунктов и окопов, что позволяло войскам 61-го стрелкового корпуса, подавляя часть из них огнем артиллерии, обходить другие и продвигаться в глубину быстрее. Однако командиры дивизий, прибегая вторые эшелоны для атаки второй полосы, не ввели их в бой. Не были высланы и передовые отряды дивизий. Поэтому развитие наступления несколько замедлилось, что задержало ввод в сражение 11-го танкового корпуса. Наступление темноты еще больше затруднило продвижение частей 61-го стрелкового корпуса. Но все же к 21 часу он подошел ко второй полосе, продвинувшись за короткий январский день на 15 км. Фронт прорыва возрос с 4 до 6 км². Однако его дивизии не использовали всех возможностей для прорыва второй полосы с ходу.

¹ См.: Данилов Ф. В. Радом-Лодзинская операция, с. 125.

² ЦАМО СССР, ф. 528, оп. 82257, д. 14, л. 132.

Ввод в прорыв 11-го танкового корпуса начался в 14 часов, после прорыва двух позиций противника. В первом эшелоне шли две танковые бригады. Поскольку сопротивление противника между главной и второй полосами обороны не ослабевало, передовым отрядам бригад пришлось втянуться в бой. Под их прикрытием через слабые участки были введены в бой главные силы бригад. Это позволило 20-й танковой бригаде к 20 часам достигнуть второй полосы обороны неприятеля. 65-я танковая бригада подошла к ней вместе со стрелковыми войсками.

Ввиду замедления наступления войск 69-й армии противник успел занять вторую полосу 19-й танковой дивизией и остатками 17-й и 214-й пехотных дивизий. Всего на фронте 18 км, где 69-й армии предстояло прорвать оборону, противник имел восемь свежих батальонов и четыре-пять сводных из остатков 17-й и 214-й пехотных дивизий¹.

Поскольку войска противника оборону занимали поспешно и в темноте, в ней должны были быть слабые участки. Два таких участка были обнаружены севернее и южнее г. Зволень. Действуя энергично, 20-я танковая бригада уже к 21 часу прорвала вторую полосу и стала обходить г. Зволень с севера. Ее успехом воспользовались дивизии 25-го стрелкового корпуса, предприняв атаку города с фронта. Несмотря на все трудности ведения наступления в городе ночью, он был взят к 24 часам.

61-му стрелковому корпусу предстояло прорвать вторую полосу обороны на самом сильном участке, где оборону занимали три свежих батальона 19-й танковой дивизии и значительное количество отошедших сил противника. В силу этого атаку было решено предпринять с утра 15 января, т. е. после подготовки в ограниченные сроки.

На участке прорыва было сосредоточено 602 орудия, что позволило создать плотность 103 орудия и миномета на 1 км фронта. За 30 минут артиллерийской подготовки удалось создать достаточно высокую плотность огня.

Наступление возобновилось в 9 часов 30 минут. Противник оказал очень упорное сопротивление, особенно в местах, где оборонялись его танковые подразделения. 134-я стрелковая дивизия после овладения первой траншеей была остановлена. Три батальона противника при поддержке 20 танков перешли в контратаку. Для их разгрома командир дивизии ввел в бой второй эшелон, нацелив его под основание клина. Вместе с ним в атаку перешли главные силы дивизии. Овладев сильным опорным пунктом Вильча Воля, они разгромили контратакующие силы врага и начали быстро продвигаться вперед.

В 274-й стрелковой дивизии второй эшелон был введен для атаки второй полосы. Более сильный удар ее обеспечил успешное продвижение полков. К 12 часам они прорвали вторую полосу. 11-й танковый корпус вместе с 77-й гвардейской стрелковой дивизией вел ожесточенные бои с 10-й моторизованной дивизией и нанес

¹ См.: Данилов Ф. В. Радом-Лодзинская операция, с. 137.

ей тяжелое поражение. Это позволило ему с ходу прорвать третью полосу обороны и к исходу дня 15 января подойти к г. Радом.

Таким образом, тактическая оборона оказалась прорванной все-го за одни, а оперативная — за двое суток.

Наступление войск 1-го Белорусского фронта с магнушевского плацдарма шло несколько труднее. Если 5-й ударной армии к 12 часам 14 января удалось прорвать всю главную полосу обороны, а к исходу дня захватить опорные пункты на второй полосе, проходившей по р. Пилица, то 8-я гвардейская армия овладела главной полосой лишь к 3 часам 15 января. 61-я армия за день продвинулась всего на 2—3 км. Причина замедленного наступления главной группировки 1-го Белорусского фронта состояла в том, что в условиях плохой видимости вторая позиция оказалась недостаточно подавленной огнем, а число орудий сопровождения не было увеличено.

С утра 15 января магнушевская группировка возобновила наступление. 5-я ударная армия атаковала после 10-минутного огневого налета. Мощь его и дружная атака привели к быстрому сло-му сопротивления противника, и войска начали успешно продвигаться в глубину.

8-я гвардейская армия перешла в наступление после 40-ми-нутной артиллерийской подготовки, в ходе которой сопротивление противника на промежуточных позициях было надломлено, а удар войск опрокинул расчеты врага на постепенный перенос усилий на вторую полосу. К 16—17 часам соединения армии вышли к по-зиции, являвшейся продолжением второй полосы, оборудованной по р. Пилица, и предприняли попытку прорыва ее с ходу. Против-ник остатками разбитых частей и выдвинутых оперативных резер-вов оказал упорное сопротивление, и продвижение замедлилось.

В это время на рубеж ввода в сражение вышли главные силы 1-й гвардейской танковой армии. После сильного огневого удара ар-тиллерии 8-й гвардейской армии они устремились вперед, и к ис-ходу 15 января вся тактическая зона обороны противника в по-лосе 8-й гвардейской армии оказалась прорванной. Но если в по-лосе 5-й ударной армии это сразу открыло ворота для свободного движения в оперативную глубину, в полосе 8-й гвардейской армии предстояло еще сломить сопротивление оперативного резерва — главных сил 25-й танковой дивизии. Правда, их было явно недо-статочно для противодействия двум армиям. Дивизия, оказавшись обойденной войсками 5-й ударной армии с севера и 1-й гвардей-ской танковой армии с юга, попыталась отойти за р. Пилица, но ее упредили передовые отряды танковой армии, которые форсиро-вали реку и закрыли пути отхода, что привело к ее полному раз-грому. Впереди не было занятых войсками рубежей, что позволяло развить стремительное наступление в оперативную глубину.

В течение 16 января оказались разгромленными силы против-ника, находившиеся между направлениями наступления ударных группировок 1-го Белорусского фронта, после чего образовался единый участок прорыва 1-го Белорусского фронта. Войска пере-

шли к стремительному преследованию. Упреждая резервы и отходящие войска противника, они с ходу прорывали последующие оборонительные рубежи.

На второй день операции перешли в наступление войска 47-й армии, а в ночь на 17 января — и 1-й армии Войска Польского. Они захватили плацдармы на р. Висла и создали угрозу удара по варшавской группировке с севера и юга. Их действия позволили использовать все силы 2-й гвардейской танковой армии для удара в оперативную глубину. Введенная утром 16 января, т. е. на третий день операции, в «чистый» прорыв, она сразу сделала бросок на 70—90 км и вышла главными силами в район Жирардув, Сохачев.

Прорыв обороны противника на 2-м Белорусском фронте начался утром 14 января после первого 15-минутного огневого налета. Когда передовые батальоны, захватив первую, а на отдельных участках и вторую и третью траншеи противника, встретили сильное сопротивление, было принято решение снять огонь с захваченных участков вражеской обороны и продолжать артиллерийскую подготовку по полному графику. Но из-за густого тумана результаты артиллерийского огня не наблюдались. Не проводилась и авиационная подготовка.

По окончании артиллерийской подготовки в 11 часов 25 минут перешли в наступление главные силы, поддержанные двойным огневым валом. Однако подойдя ко второй позиции, куда противник успел отвести свои войска, они встретили упорное сопротивление и были задержаны. На подготовку атаки ушло несколько часов. Если бы мощное огневое подавление второй позиции было предусмотрено заранее, на это ушло бы меньше времени, а при проведении его во время подхода к позиции танков и пехоты она могла быть прорвана без задержки. В условиях же успешно начавшейся атаки значительная часть артиллерии начала смену огневых позиций и наблюдательных пунктов. При плохой видимости этот процесс затянулся. Светлого времени осталось мало, и к исходу дня войска продвинулись только на 3—6 км.

Низкие темпы прорыва войск 2-го Белорусского фронта обусловливались не только тяжелыми метеоусловиями, исключившими действия авиации и снизившими эффективность огня артиллерии, но и нарушением взаимодействия пехоты, танков НПП и орудий сопровождения, неготовностью органов разведки вскрывать цели противника в условиях пониженной видимости, а артиллерии — быстро открывать массированный огонь по участкам, где намечалось продолжение атак. Трудности наступления усиливались также тем, что в условиях низких темпов прорыва армейские вклинения оставались пока разьединенными. Это позволяло противнику поражать наступающие войска огнем и наносить контратаки с флангов, отвлекая тем самым на себя значительные силы, необходимые для развития прорыва в глубину. Все это не позволило в первый день ввести в сражение, как планировалось, армейские подвижные группы.

Утром 15 января наступление возобновилось. Но противник в течение ночи подтянул резервы, в том числе 7-ю танковую дивизию и моторизованную дивизию «Великая Германия». В течение дня войска фронта отразили более 70 контратак. Части 7-й танковой дивизии, предпринявшие контратаку, попали под подготовленный массированный огонь нашей артиллерии и потеряли до 70 танков и более 2000 солдат и офицеров¹. Это несколько ослабило фронт обороны противника. Возобновив атаку, стрелковые соединения потеснили вражеские силы, что позволило ввести в сражение по одному танковому корпусу на каждом из плацдармов. Их сильными ударами удалось завершить прорыв главной полосы обороны и, продвинувшись на 5—8 км, вклиниться во вторую полосу обороны неприятеля.

Решительный перелом произошел 16 января, когда улучшилась погода и был введен в сражение в полосе 48-й армии 8-й механизированный корпус, а 4-я воздушная армия смогла нанести несколько массированных ударов. К исходу третьего дня наступления все участки прорыва были объединены в один фронт, достигший 60 км по фронту и 30 км в глубину. Большую помощь 2-му Белорусскому фронту оказало стремительное наступление войск 1-го Белорусского фронта, в полосу которого противник спешно перебросил танковый корпус «Великая Германия». Все это создало благоприятные условия для ввода подвижной группы фронта.

5-я гвардейская танковая армия вошла в «чистый» прорыв во второй половине 17 января. Устремившись вперед, она с ходу прорвала третий оборонительный рубеж противника и к исходу суток, продвинувшись до 30 км, вышла к Млавскому укрепленному району. 18 января он был обойден с севера и юга, а на следующий день очищен от противника. Этим был открыт путь войскам 2-го Белорусского фронта к Балтийскому морю в целях отсечения всей восточно-прусской группировки противника.

Стремительное преследование противника в течение 15—17 января силами 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов создало в оперативно-стратегической обороне противника бреши, глубина которых во фронтах достигала соответственно 160—80—60 км, что означало прорыв трех-четырёх оперативных оборонительных рубежей и глубокое расчленение войск группы армий «А», у которой уже не было резервов не только для восстановления обороны по Висле, но и для организации обороны на последующих рубежах. Остатки ее разгромленных войск разрозненно откатывались к Германии. Все это предопределило быстрое перерастание оперативных прорывов в стратегический на фронте от Карпат до Вислы, а вскоре и до Балтийского моря, куда вышли войска 2-го Белорусского фронта. По существу, стратегический прорыв был достигнут уже 17 января, на пятый день операции,

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне, с. 606.

когда оборона противника оказалась прорванной на 500-километровом фронте.

13 января началось наступление 3-го Белорусского фронта. После первого 5-минутного огневого налета начали действовать разведподразделения, выделенные от каждой дивизии первого эшелона. Они установили, что первая траншея занята только боевым охранением, а главные силы отведены на вторую траншею. В связи с этим основная масса артиллерийского огня была обрушена на вторую и последующие траншеи. Однако густой туман и низкая облачность ограничивали видимость до 100—200 м, а в ряде мест до 40—50 м, что сказалось на эффективности артподготовки. В 5-й и 39-й армиях прямые попадания во вторую траншею оказались единичными. В силу этого даже первой траншеей не везде удалось овладеть быстро, поскольку противник, не подавленный во второй траншее, вел сильный огонь по подступам к первой траншее, нанося атакующим цепям пехоты и танкам НПП существенные потери. Атака шла медленно и трудно. Взаимодействие пехоты с тайками и поддерживающей их артиллерией нарушилось, поскольку линия цепей слишком изломалась. Атака разрознилась по направлениям и времени. Войска вынуждены были «прогрызть», а не расчищать оборону. В итоге войска этих армий за день напряженных боев продвинулись всего на 2—3 км, т. е. прорвали только первую позицию и то не во всей полосе. Войска 28-й армии, где результаты артиллерийской подготовки были намного лучше, смогли углубиться в оборону до 7 км¹.

Командующий фронтом, вскрыв недостатки первого дня наступления, приказал приблизить к войскам наблюдательные пункты батарей и дивизионов, обеспечить прочную связь с пехотой, выделить в роты больше орудий сопровождения, организовать более тесное взаимодействие пехоты, танков и артиллерии в звене полк — батальон. В течение ночи войска устраняли указанные недостатки и в 12 часов 45 минут 14 января после 30-минутной артиллерийской подготовки возобновили наступление².

За это время противник перебросил к участку прорыва из резерва и с неатакованных участков 5-ю танковую, 56-ю и 61-ю пехотные дивизии и с переходом наших войск в наступление предпринял сильные контратаки по всему фронту.

В течение 14 и 15 января войска 3-го Белорусского фронта в ожесточенных боях отражали ежедневно более 30 контратак противника силами батальон — полк с танками и штурмовыми орудиями каждая. В результате ударной группировке удалось продвинуться за сутки не более 2—3 км³. Таким образом, только за три дня войска фронта прорвали главную полосу обороны и на отдельных участках подошли ко второй. Атака ее, предпринятая после подготовки в ограниченные сроки, в условиях когда противник занял ее отошедшими войсками и уплотнил резервами, не дала

¹ ЦАМО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 988, л. 140—143.

² См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне, с. 600.

³ ЦАМО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 819, л. 77—79.

ощутимых результатов. Создалась явная угроза, что наступление войск фронта может остановиться.

Чтобы исключить возможность маневра противника и увеличить силу удара наших войск, командующий фронтом приказал 2-й гвардейской армии перейти 16 января в наступление левее ударной группировки (на даркеменском направлении), а в полосе 5-й армии ввел в сражение 2-й гвардейский танковый корпус¹. Этот корпус, войдя в сражение во второй половине дня 16 января, сразу же встретил упорное сопротивление и контратаки противника. К исходу дня он углубился в оборону всего на 1—1,5 км, а в ночь на 17 января овладел несколькими опорными пунктами противника, но дальше продвинуться не смог. Противник непрерывно подбрасывал резервы и сохранял сплошную линию фронта обороны.

Несмотря на ограниченный успех войск 3-го Белорусского фронта, за четыре дня наступления они нанесли противнику очень существенные потери. У неприятеля также создалась кризисная ситуация, ибо тактическая оборона держалась из последних сил и достаточно было проломить ее в одном месте, в условиях когда у него были израсходованы все оперативные резервы, чтобы это привело к краху.

Вражеское командование, израсходовав свои основные резервы против 5-й, 28-й армий и 2-го гвардейского танкового корпуса, не смогло усилить оборону в полосе наступления 39-й армии. Здесь сильным ударом левофланговых корпусов 39-я армия утром 17 января завершила прорыв тактической зоны обороны противника и стала развивать успех в северо-западном направлении. Противник начал поспешно отходить.

Командование фронтом, используя успех 39-й армии, ввело в сражение в ее полосе 1-й танковый корпус.

Утром 18 января 1-й танковый корпус по двум маршрутам вошел в прорыв и, уничтожая на своем пути остатки противника, к вечеру достиг реки Инстер и с ходу форсировал ее. Войска 39-й армии, используя успех танкового корпуса, продвинулись за этот день до 20 км и также вышли к реке Инстер. В целом к исходу 18 января войска 3-го Белорусского фронта достигли крупного оперативного успеха. Оборона противника оказалась прорванной на фронте 65 км и до 30 км в глубину. В целях развития достигнутого успеха командующий фронтом 19 января ввел в образовавшийся прорыв (вслед за 1 тк) 2-й гвардейский танковый корпус, переброшенный из полосы 5-й армии, а с утра 20 января — свой второй эшелон — 11-ю гвардейскую армию, которая к вечеру следующего дня продвинулась на 45 км и к утру 22 января во взаимодействии с 5-й армией овладела г. Инстербург.

Противник начал отвод своих войск на долговременный оборонительный пояс, проходящий по рекам Дайме, Алли, городам Бартенштейн и Хайльсберг. Однако ни отходящими войсками, ни

¹ ЦАМО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 819, л. 77—79.

наспех собранными резервами он не смог занять этот рубеж на всем фронте, и рубеж был прорван с ходу или с подготовкой атаки в ограниченные сроки. Войска 3-го Белорусского фронта развили наступление непосредственно на Кенигсберг.

Опыт прорыва в Висло-Одерской и Восточно-Прусской операциях показал, что в условиях наступления с плацдармов и при прорыве особо прочной обороны состав ударных группировок должен обеспечивать создание особенно высоких плотностей сил и средств и сохранение подавляющего превосходства над противником на все время ведения оперативного прорыва. Вместе с тем для преодоления сопротивления противника, изготовившегося к отражению наступления, необходимо особенно тщательно согласовывать усилия частей и соединений всех родов войск, участвующих в прорыве. В условиях плохой или ограниченной видимости большое значение приобретает насыщение боевых порядков пехоты и танков артиллерией сопровождения и приближение к ним артиллерийских наблюдательных пунктов для обеспечения действительного массированного огня и своевременного переноса его в ходе боя.

Опыт показал также, что завершение прорыва тактической обороны успешнее проходило в тех армиях, которые имели свои подвижные группы. Командующие армиями лучше, теснее организовывали их взаимодействие с общевойсковыми соединениями, надежнее обеспечивали ввод в сражение и быстрее использовали их успех.

Ввод подвижной группы фронта с точки зрения достижения высоких темпов операции оказался более выгодным после прорыва тактической зоны обороны. При вводе танковых армий в сражение в пределах тактической зоны обороны и в условиях создания очень высоких плотностей войск они не могли быстро обогнать стрелковые войска и растрачивали моторесурсы, горючее и силы на преодоление небольших участков дорог и колонных путей, забитых войсками и техникой общевойсковых армий.

Сокрушительный разгром войск противника, занимавших тактическую зону обороны, и его ближайших оперативных резервов явился одним из важнейших факторов успешного преодоления с ходу многочисленных оборонительных рубежей в глубине и ведения наступления в высоких темпах — 25—30 км в сутки. Наступление танковых армий развивалось со средним темпом до 45 км в сутки, а в отдельные дни до 70 км в сутки и в отрыве от общевойсковых армий — до 100 км. Такие высокие темпы наступления были достигнуты впервые в ходе войны, а опыт их достижения не утратил значения и в настоящее время.

Прорыв в Берлинской операции (схема 29). Сокрушение стратегического фронта немецко-фашистских войск в Польше, стремительное преследование разгромленных соединений противника в конце января создали предпосылки, которые привели командующих 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами к решению форсировать р. Одер с ходу и нанести удар непосредственно по Берлину. Однако сокращение протяженности операционных на-

правлений, близость расположения районов формирования резервов, широкая сеть дорог, использование опыта обороны советскими войсками Москвы и Ленинграда, о чем немало писали в то время газеты Германии, позволили немецко-фашистскому командованию перебросить на берлинское направление большое количество сил и средств, мобилизовать рабочую силу и подготовить очень прочную оборону на ближних подступах к Берлину.

Учитывая это обстоятельство, а также огромное политическое значение завершающей операции, связанной с овладением столицей фашистского государства, советское Верховное Главнокомандование решило создать такие предпосылки для проведения Берлинской операции, которые бы исключали даже малейшую неудачу, гарантировали прорыв особо прочной, фанатически удерживаемой обороны. С этой целью была очищена от противника Восточная Померания, что позволило привлечь к проведению Берлинской операции войска 2-го Белорусского фронта, удержаны и укреплены плацдармы на р. Одер, из Восточной Пруссии переброшены 3, 28, 31-я армии 3-го Белорусского фронта, закончившего боевые действия, ряд артиллерийских и авиационных соединений. Огромные работы были проведены по восстановлению коммуникаций, пополнению войск материальными средствами и личным составом. На все это ушло более месяца.

К середине апреля 1945 г. на берлинском стратегическом направлении оборонялись 3-я танковая и 9-я армии из группы армий «Висла» и 4-я танковая и 17-я армии из группы армий «Центр». В их составе было 48 пехотных, 6 танковых и 9 моторизованных дивизий, 37 отдельных пехотных полков, 98 отдельных пехотных батальонов и большое количество отдельных артиллерийских и специальных частей и соединений. Всего берлинская группировка противника насчитывала 1 млн. человек, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий и 3300 боевых самолетов¹. Указанные силы и средства позволили немецко-фашистскому командованию создать высокие оперативные плотности. Так, в полосе наступления 2-го Белорусского фронта они достигали 9 км на одну дивизию, 1-го Белорусского фронта — 7 км и 1-го Украинского фронта — 10,5 км на дивизию. Особенно высокие плотности войск были созданы противником против кюстринского плацдарма. Здесь в полосе 44 км оборонялись 14 дивизий, а средняя оперативная плотность составляла 3 км на дивизию, 66 орудий и 17 танков на 1 км фронта². По сути дела, такие плотности войск свойственны были наступательным операциям 1941—1942 гг.

Готовясь к отражению наступления советских войск, фашистское командование создало на подступах к Берлину мощную оборону. Одерско-нейсенский оборонительный рубеж состоял из трех полос и ряда промежуточных и отсечных позиций и имел глубину от 20 до 40 км. За ним располагался берлинский оборонительный район, состоявший из трех кольцевых оборонительных обводов и

¹ См.: История второй мировой войны. Т. 10, с. 322, 326.

² См.: Последний штурм. М., Воениздат, 1975, с. 28.

укреплений в самом городе. Общая глубина обороны достигала 90—100 км. Она была плотно насыщена огневыми средствами, минными заграждениями, бетонированными сооружениями для огневых средств, противотанковыми и противопехотными препятствиями, мощными опорными пунктами, приспособлениями к круговой обороне. Наиболее прочно была оборудована первая полоса. Она имела три позиции со сплошными траншеями, дотами и дзотами на глубину от 5 до 10 км¹.

Следует также отметить, что и местность между Одером, Нейсе и Берлином была выгодна для обороны. Зееловские высоты, реки Одер, Нейсе, Даме, Шпрее, густая сеть каналов, железных и шоссейных дорог, большое количество городов с каменными зданиями и леса — все это крайне усложняло действия наступающих войск.

Однако сила обороны противника состояла не только в этом. Фашистское руководство, поняв свою скорую гибель, предприняло отчаянную попытку заставить своих солдат, офицеров и генералов сражаться с безумием обреченных. Фальсифицируя историю, эксплуатируя национальные чувства немцев, даже смерть Рузвельта, они добились отчаянного взрыва фанатизма в рядах войск, оборонявшихся на подступах и в самом Берлине.

Таким образом, в заключительной операции войны советским войскам предстояло взломать очень прочную оборону врага, разгромить крупную стратегическую группировку войск и овладеть огромным городом-крепостью — Берлином, гарнизон которого насчитывал до 200 тыс. человек.

Советское командование, хорошо понимая всю трудность предстоящей операции, готовило ее с предельной тщательностью. К ее проведению привлекались три фронта: 2-й и 1-й Белорусские и 1-й Украинский, насчитывавшие 2,5 млн. человек, 41 600 орудий и минометов, 6250 танков и САУ и 7500 самолетов². Наши войска превосходили противника по людям в 2,5 раза, по артиллерии — в 4, по танкам и САУ — в 4,2 и по авиации — в 2,3 раза.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования на операцию состоял в том, чтобы мощными ударами трех фронтов прорвать одерско-нейсенский рубеж обороны на ряде участков, после чего осуществить окружение всей берлинской группировки противника, расчленив ее на части и, уничтожив их порознь, овладеть Берлином и выйти на Эльбу, где соединиться с войсками союзников.

Чтобы максимально увеличить пробивную силу главных ударных группировок 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, Ставка Верховного Главнокомандования потребовала создать артиллерийскую плотность не менее 250 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Для создания таких плотностей в эти фронты передавались 15 артиллерийских дивизий прорыва³.

Танковые армии Ставка приказывала ввести в сражение для

¹ ЦАМО СССР, ф. 233, оп. 2382, д. 478, л. 29—41.

² См.: «Военно-исторический журнал», 1965, № 5.

³ См.: Последний штурм, с. 46—47.

развития успеха на главных направлениях после прорыва вражеской обороны. При этом танковые армии 1-го Белорусского фронта должны были обходить Берлин с севера и северо-востока, а танковые армии 1-го Украинского фронта выйти в район 30—35 км юго-западнее Берлина. Одновременно Ставка предусматривала в качестве дополнительного варианта действий возможность поворота танковых армий 1-го Украинского фронта прямо на Берлин.

Руководствуясь замыслом Ставки и полученными задачами, командующие войсками фронтов приняли свои решения, на основе которых проводилась подготовка операций.

Избранная командующими фронтами форма оперативного прорыва предусматривала нанесение на 1-м Белорусском фронте трех, 1-м Украинском — двух, 2-м Белорусском — одного фронтальных ударов. В сочетании они позволяли не только рассечь, но и окружить противостоящие группировки врага, лишая тем самым его возможности проводить широкий оперативный маневр.

В ходе развития операции удары фронтов разветвлялись в соответствии с задачами, решаемыми как ударными группировками в целом, так и отдельными армиями. Так, на 1-м Украинском фронте для части сил главной группировки (две танковые и одна общевойсковая армии) предусматривался поворот в сторону Берлина в целях его окружения и овладения во взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта, если тот встретит особо сильное сопротивление врага. Три армии 2-го Белорусского фронта после осуществления оперативного прорыва нацеливались на наступление с целью прижать 3-ю танковую армию противника к морю и полностью уничтожить ее.

В зависимости от значения каждого из ударов создавались и ударные группировки для их осуществления. Их состав и плотности показаны в табл. 12.

Таблица 12

Состав ударных группировок и плотности войск на участках прорыва в Берлинской операции¹

Ударные группировки фронтов	Ширина участка прорыва, км	Км на сд	Орудий и минометов на 1 км	Танков и САУ на 1 км
2-й Белорусский фронт				
65, 70, 49 А, 8 мк, 1 гв. кк (сд — 17, стволы — 3999, танков — 860) . . .	14	0,8	287	50
1-й Белорусский фронт				
61 А, 1 АВП, 7 гв. кк (сд — 10, кд — 3, стволы — 1430, танков — 113)	7,5	0,75	190	14
47, 3, 5 уд., 8 гв., 3 А, 1, 2 гв. ТА, 9, 11 тк (сд — 34, стволы — 7912, танков — 2306)	24,3	0,8	324	96
33, 69 А, 2 гв. кк (сд — 15, стволы — 3785, танков — 474)	12,5	0,9	255	32

Ударные группировки фронтов	Ширина участка прорыва, км	Км на сд	Орудий и минометов на 1 км	Танков и САУ на 1 км
1-й Украинский фронт				
3 гв., 13, 5 гв., 28, 31 А, 3 гв., 4 гв. ТА, 2, 5, 4 гв. тк (сд — 40, стволов — 6976, танков — 1277) . . .	27	0,7	359	47
52 А, 2 АВП, 1 тк, 7 гв. мк (сд — 16, стволов — 2232, танков — 153) . .	9	1,5	248	15

¹ Таблица составлена на основании данных следующих работ: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Т. 4. М., Воениздат, 1959; Берлинская операция 1945 года. М., Воениздат, 1950; Последний штурм. М., Воениздат, 1970.

Наиболее мощные группировки войск были созданы на направлениях главных ударов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов — по пять общевойсковых, две танковые армии, пять-шесть артиллерийских дивизий прорыва. Такой состав ударных группировок обеспечивал прорыв обороны любой прочности при самых трудных оперативно-тактических условиях и развитие наступления на запланированную глубину.

Достаточно сильная ударная группировка была создана и на 2-м Белорусском фронте, оборона перед которым была несколько слабее, чем перед 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

Вспомогательные удары фронтов, как правило, наносились двумя армиями, усиленными артиллерией РГК в количестве 350—600 стволов. Для создания подвижных групп армий на 1-м Белорусском фронте 61-й и 33-й армиям было придано по кавалерийскому корпусу, а на 1-м Украинском — 52 А, 2 АВП — по танковому корпусу.

В зависимости от места в оперативном построении, состава и получаемых средств усиления участков прорыва армий определялся шириной 3—4 км во 2-м Белорусском, 2,5—7 км в 1-м Белорусском и 8—10 км — в 1-м Украинском фронтах.

Ширина участка прорыва армии оказывала прямое влияние на ширину участка прорыва и полос наступления соединений и частей. В ряде армий стрелковым дивизиям были намечены очень узкие полосы наступления — 1—1,5 км, а для 143-й и 132-й стрелковых дивизий 47-й армии даже 0,5—0,7 км. В основе сужения полос наступления и участков прорыва соединений лежало стремление добиться высоких плотностей войск при их значительном некомплекте после недавно закончившихся Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Силезской операций. В среднем численность дивизий составляла 3600—6000 человек¹, а стрелковые роты зачастую имели половину штатного состава.

¹ См.: Берлинская операция 1945 г. М., Воениздат, 1950, с. 170, 176, 184,

Плотность артиллерии на направлении главного удара 1-го Белорусского фронта по сравнению с Висло-Одерской операцией возросла на 25 орудий и минометов на 1 км участка прорыва, а с учетом реактивной артиллерии — на 36. На отдельных, более важных пунктах участка прорыва плотность артиллерии достигала 350—370 орудий и минометов на 1 км. Здесь прирост плотности составил 70—100 единиц.

На участках прорыва главной группировки 1-го Украинского фронта плотность артиллерии возросла незначительно, но если сравнить ее с прочностью обороны, которая против сандомирского плацдарма была прочнее, чем на р. Нейсе, то и у нее заметен рост степени огневого поражения противника.

Огонь артиллерии существенно дополняли удары авиации. В полосе 1-го Белорусского фронта количество бомбардировочной и штурмовой авиации в Берлинской операции было в два раза больше, чем в Висло-Одерской.

Отмечается и увеличение плотности танков НПП. Если в среднем по участкам прорыва ударных группировок они были такими же, как и в Висло-Одерской операции, то в полосе 5-й ударной армии они достигли 43,7 танков и САУ на 1 км участка прорыва¹. Столь высокие плотности танков НПП создавали значительные предпосылки к тому, что армия сама могла прорвать всю тактическую зону обороны противника при очень высокой степени сопротивления врага. В ее полосе, где вводилась в сражение и 2-я танковая армия, оперативные плотности достигли наивысшего за всю Великую Отечественную войну уровня — 117 танков и САУ на 1 км фронта².

В применении танков НПП закрепился принцип их совместных действий со стрелковыми подразделениями, вплоть до взводов, за которыми закреплялись определенные танки.

Танковые и механизированные корпуса, придававшиеся общевойсковым армиям, в основном нацеливались на завершение прорыва главной полосы обороны и прорыва с ходу второй. Что касается танковых армий, то их ввод в сражение планировался по двум вариантам — после прорыва тактической зоны обороны и в ходе него. И поскольку сопротивление противника ожидалось очень сильным, второму варианту, особенно на 1-м Украинском фронте, отдавалось предпочтение.

Советское Верховное Главнокомандование и командование фронтов, создавая сильные ударные группировки, стремились добиться высокой степени превосходства над противником на участках прорыва, так как это являлось важнейшей предпосылкой осуществления прорыва в высоком темпе. Но в силу того что противник также создал высокие плотности войск на вероятных направлениях наших ударов, не везде удалось достигнуть высокого превосходства над войсками неприятеля. Это видно из табл. 13.

¹ См.: Берлинская операция 1945 г., с. 182.

² См. там же.

Соотношение сил и средств на участках прорыва фронтов в Берлинской операции¹

Фронт	Силы и средства	Соотношение
2-й Белорусский . . .	Люди	4,6 : 1
	Орудия, минометы, реактивные установки	5,2 : 1
	Танки	7,1 : 1
1-й Белорусский . . .	Самолеты	2,5 : 1
	Люди	3,2 : 1
	Орудия, минометы, реактивные установки	3,4 : 1
1-й Украинский . . .	Танки	3,3 : 1
	Самолеты	1,9 : 1
	Люди	8,0 : 1
	Орудия, минометы, реактивные установки	10,6 : 1
	Танки	9,6 : 1
	Самолеты	2 : 1

¹ Таблица составлена на основании данных труда: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Т. 4. М., Воениздат, 1959, с. 318, 331.

Данные таблицы показывают, что наименее благоприятным соотношением сил и средств было на 1-м Белорусском фронте, хотя плотности войск там были созданы наивысшие. Они оказались в два и более раза ниже, чем требовал опыт многочисленных операций Великой Отечественной войны для осуществления прорыва в темпе, исключающем затухание операции.

Вполне достаточное соотношение сил, гарантировавшее безусловный и быстрый прорыв обороны врага, было создано лишь на участках прорыва 1-го Украинского фронта.

Различные оперативно-тактические условия, создавшиеся в полосах наступления фронтов к середине апреля, потребовали различного построения огневого поражения обороны неприятеля. Самым главным было то, что войскам 2-го Белорусского, 1-го Украинского и одной ударной группировки 1-го Белорусского фронтов предстояло осуществить прорыв с форсированием рек Одер и Нейсе. Эти реки имели различную ширину и полноводность, что было учтено при определении продолжительности и построения артиллерийской подготовки.

На 1-м Украинском фронте она планировалась продолжительностью 145 минут и включала: подготовку форсирования реки Нейсе — 40 минут; обеспечение форсирования реки, захвата и удержания плацдармов — 60 минут; подготовку атаки за рекой — 45 минут. Поддержку атаки пехоты и танков предусматривалось провести методом ПСО в течение 10 минут, а сопровождение пехоты и танков при бое в глубине — сосредоточенным огнем по вызову. Ввод в сражение танковых армий намечалось обеспе-

чить огнем 2250 орудий и минометов на глубину 20 км. В этих целях по заранее определенным девяти рубежам были подготовлены сосредоточенные огни. Для последовательного вызова этих огней выделялись офицеры-корректировщики¹.

Авиационное обеспечение прорыва возлагалось на 2-ю воздушную армию, имевшую 2148 самолетов. Непосредственную авиационную подготовку планировалось начать за 45 минут до форсирования р. Нейсе ударами двух бомбардировочных авиакорпусов (230 самолето-вылетов). На авиационное сопровождение пехоты и танков назначалось 3400 самолето-вылетов.

На 2-м Белорусском фронте реку Одер предусматривалось форсировать в два этапа: сначала передовыми частями форсировать восточный рукав р. Одер, овладеть междуречьем и вывести к западному рукаву р. Одер главные силы армий; затем форсировать западный рукав р. Одер, захватить плацдармы и сосредоточить на них необходимые силы и средства для прорыва вражеской обороны на западном берегу реки.

В соответствии с этими этапами строилось и артиллерийское наступление в армиях. Так, в целях обеспечения форсирования р. Ост Одер и преодоления междуречья устанавливалась первая артиллерийская подготовка продолжительностью: в 65-й армии — 90, в 70-й армии — 120 и в 49-й армии — 110 минут. С переходом в наступление главных сил армий, которым предстояло форсировать р. Вест Одер, планировалась вторая артиллерийская подготовка продолжительностью: в 65-й армии — 45, в 70-й армии — 60 и 49-й армии — 50 минут².

Поддержку атаки и сопровождение пехоты и танков при бое в глубине во всех армиях предусматривалось осуществлять методом ПСО на глубину задачи дня.

Авиационное наступление возлагалось на 4-ю воздушную армию в составе 1360 самолетов. В течение трех ночей перед наступлением намечалось провести предварительную авиационную подготовку силами ночной бомбардировочной дивизии. Непосредственную авиационную подготовку должна была провести штурмовая авиация в течение двух часов до начала атаки, совершив 272 самолето-вылета. Авиационную поддержку решено было осуществить путем нанесения последовательных эшелонированных ударов по опорным пунктам, узлам сопротивления и артиллерии противника на всю глубину задачи дня. Всего на первый день было запланировано произвести 4079 самолето-вылетов, из них штурмовиков и бомбардировщиков 2671³.

На 1-м Белорусском фронте было решено применить опробованный в Висло-Одерской операции способ огневого поражения —

¹ См.: История второй мировой войны. Т. 10, с. 332.

² ЦАМО СССР, ф. 237, оп. 2394, д. 1309, л. 22—37.

³ ЦАМО СССР, ф. 15, оп. 647244, д. 181, л. 124.

короткой, но мощной артиллерийской подготовкой, дополненной ударами авиации. Ее продолжительность была определена в 20—30 минут на глубину до 10—12 км, а в полосе 8-й гвардейской армии — до 17—19 км. Поддержка атаки на глубину 2 км — двойным огневым валом, а на последующие 2 км — одинарным огневым валом. Сопровождение боя пехоты и танков в глубине предусматривалось методом последовательного сосредоточения огня (глубина 8 км).

Учитывая прочность обороны противника и возможность ввода в сражение танковых армий при овладении второй полосой обороны, предусматривалось перед их вводом провести артиллерийскую подготовку продолжительностью 20 минут.

Авиационное наступление возлагалось на 16-ю и 18-ю воздушные армии (3988 самолетов). Авиационную подготовку намечалось провести за 30 минут до начала атаки силами двух ночных бомбардировочных авиационных дивизий (120 самолетов По-2) и самолетами Ил-4 18-й воздушной армии, а авиационную поддержку — путем нанесения последовательных эшелонированных ударов.

Оперативное построение армий было двух- и одноэшелонным, с выделением в резерв одной-двух дивизий. Одноэшелонное построение применялось в армиях, имевших подвижные группы, и в тех, в полосах которых намечался ввод в сражение танковой армии.

Боевые порядки соединений и частей были в два и даже три эшелона. Так, все стрелковые корпуса и дивизии 2-го Белорусского фронта имели два эшелона. На 1-м Белорусском фронте корпуса 3-й ударной и 69-й армий (за исключением 61-го) строились в один эшелон, но зато их дивизии и полки — в два эшелона, остальные корпуса и дивизии в два эшелона.

Такие же боевые порядки имели соединения и части 1-го Украинского фронта.

Одноэшелонное построение боевых порядков применялось главным образом в тех стрелковых корпусах, в которых имелось всего две дивизии или одна из трех временно оборонялась в стороне от участка прорыва, или в его полосе намечался ввод в сражение подвижной группы армии (3-я ударная, 5-я гвардейская армии).

Основная особенность инженерного обеспечения в Берлинской операции, главным образом на 1-м Украинском и 2-м Белорусском фронтах, состояла в том, что инженерным частям и соединениям, а также войскам приходилось одновременно решать две задачи: создавать и поддерживать в действии такое количество переправ, которое обеспечивало бы быстрое накапливание на берегу противника атакующих войск и ведение ими прорыва в предусмотренном темпе.

Ставка, как ни в одной другой операции, щедро усилила фронты инженерными войсками, что позволило создать их высокие плотности (табл. 14).

Количество и плотности инженерных войск к началу Берлинской операции

Фронт	Общее количество инженерно-саперных батальонов	Батальонов на участках прорыва	Оперативная плотность на 1 км участка прорыва (батальонов)
2-й Белорусский . . .	120	89	4,0
1-й Белорусский . . .	181	167	4,0
1-й Украинский	184	104	3,0

Столь высокие плотности инженерных войск полностью обеспечили решение всех основных задач по инженерному обеспечению операции.

Основным девизом партийно-политической работы в Берлинской операции было: разгромить берлинскую группировку врага в кратчайший срок и наверняка.

В ходе подготовки операции были пополнены или восстановлены тысячи первичных и ротных партийных и комсомольских организаций, которые явились авангардом подразделений при выполнении сложных боевых задач. При политотделах дивизий были созданы резервы ротных партотделов.

Чтобы добиться глубокого понимания бойцами целей и задач последней операции, командиры и политработники широко практиковали встречи с личным составом, выступления на партийных и комсомольских собраниях подразделений. Молодое пополнение знакомилось с мощным оружием Советской Армии, боевыми путями частей, которые привели их к Одеру и Нейсе; с ними проводились учения с боевой стрельбой, на которых отрабатывались предстоящие действия в наступлении.

Живой отклик в сердцах бойцов находили просьбы, которые высказывались в письмах с Родины,— быстрее добить фашистов и с победой возвращаться домой.

В последние часы перед наступлением прямо на исходных позициях зачитывались обращения военных советов фронтов. Перед атакой пронеслись по траншеям знамена частей. Для водружения красных флагов на важных объектах обороны врага назначались ветераны и лучшие бойцы.

Разнообразная целенаправленная партийно-политическая работа позволила добиться высокого боевого подъема, обеспечившего прорыв обороны врага и полный его разгром в самом Берлине.

Боевые действия фронтов, участвовавших в Берлинской операции, начались не одновременно. Ввиду крупной перегруппировки войск 2-го Белорусского фронта из района Данцига и Гдыни он не смог закончить подготовку операции к середине апреля и начал боевые действия через четыре дня после перехода в наступление войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

По оперативно-стратегическим соображениям, оттягивать начало операции до полной готовности 2-го Белорусского фронта было невозможно, хотя советское Верховное Главнокомандование хорошо понимало, что без него прорыв у 1-го Белорусского фронта может усложниться, поскольку в его полосу пойдут резервы из 3-й танковой армии противника, оборонявшейся к северу от Берлина.

Переходу в наступление фронтов предшествовала разведка боем. На 1-м Белорусском фронте она проводилась 14 и 15 апреля усиленными батальонами и полками, выделенными от каждой дивизии первой линии, на главном направлении¹ и ротами от каждой дивизии на вспомогательных направлениях. В ходе разведки боем на главном направлении удалось вклиниться в первую полосу обороны противника на 2—4 км, а на отдельных направлениях до 5 км, чем была нарушена целостность первой полосы обороны, уточнена система огня противника и преодолена зона наиболее плотных минных заграждений.

16 апреля в 5 часов по московскому времени, т. е. затемно, началась артиллерийская и авиационная подготовка. За время ее проведения было израсходовано около 500 тыс. снарядов и мин всех калибров. Мощной была и авиационная подготовка атаки, в которой приняли участие ночные бомбардировщики 16-й воздушной армии и 5-й бомбардировочный авиационный корпус 4-й воздушной армии 2-го Белорусского фронта.

С началом атаки были включены прожекторы, ослепительный свет которых вызвал растерянность противника и в значительной мере способствовал атаке наших войск. С переходом в наступление пехоты и танков четыре авиационных корпуса 18-й воздушной армии (745 бомбардировщиков) нанесли удар по обороне противника на Зееловских высотах. В то же время штурмовики 16-й воздушной армии осуществляли поддержку атакующих войск. Удары по противнику с ходу с воздуха были непрерывными. В течение каждого часа наступления над полем боя находилось от 250 до 660 самолетов².

В результате артиллерийской и авиационной подготовки атаки вражеские войска, занимавшие первую позицию, понесли потери от 30 до 70% состава и не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Поэтому в течение первого часа наступления войска ударной группировки на всем фронте прорвали первую позицию, продвинулись на 1,5—2 км в глубину³. Однако в дальнейшем темп наступления снизился. Противник начал оказывать упорное сопротивление, а наши войска в силу того, что поднятая артиллерийским огнем пыль в лучах прожекторов превратилась в своеобразный туман, не могли, особенно артиллерия, обнаружи-

¹ См.: Берлинская операция 1945 г., с. 193—197.

² ЦАМО СССР, ф. 15, оп. 647244, д. 181, л. 124.

³ ЦАМО СССР, ф. 233, оп. 2356, д. 775, л. 8.

вать цели противника и вести по ним прицельный огонь. Особенно упорно противник держался на рубеже третьей позиции главной полосы обороны. Немецко-фашистское командование вводило в бой все новые и новые резервы, в том числе и оперативные, и предпринимало по всему фронту наступления одну за другой сильные контратаки.

47-й армии к исходу дня удалось прорвать главную полосу обороны и подойти к промежуточной позиции, продвинувшись на 4—6 км. Командующий 3-й ударной армией в 10 часов ввел в сражение 9-й танковый корпус. Совместными усилиями пехоты и танков при поддержке артиллерии и авиации сопротивление противника в главной полосе было сломлено. К исходу дня войска армии продвинулись до 8 км и вышли к промежуточной оборонительной позиции.

Наиболее яростное сопротивление противник оказал войскам 5-й ударной и 8-й гвардейской армий, но их пехота и танки при мощной поддержке артиллерии двойным огнем валом и штурмовой авиации все же сломили сопротивление вражеских войск в главной полосе обороны и к середине дня подошли ко второй полосе, проходившей по Зееловским высотам. Однако оборона здесь оказалась слабо подавленной.

К тому же противник подтянул на Зееловские высоты свежие резервы, в том числе танковую дивизию «Мюнхеберг», значительное количество артиллерии из берлинской зоны ПВО. Зееловские высоты возвышались на 40—50 м над долиной р. Одер, имели скаты крутизной 30—40°, изрезанные оврагами, что затрудняло действия наших танков и позволяло артиллерии противника вести с дальних подступов прицельный огонь по нашим наступающим войскам.

Вспоминая бой этого дня, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «К 13 часам я отчетливо понял, что огневая система обороны противника здесь в основном уцелела, и в том боевом построении, в котором мы начали атаку и ведем наступление, нам Зееловских высот не взять»¹.

В соответствии с такой оценкой сложившейся обстановки командующий фронтом, посоветовавшись с командующими армиями, в 16 часов 30 минут 16 апреля отдал приказ: ввести в сражение 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии, которым, действуя совместно с пехотой 5-й ударной и 8-й гвардейской армий, прорвать вторую оборонительную полосу². Однако и с их помощью вторую полосу в первый день наступления прорвать не удалось.

Возникшие обстоятельства заставили пойти на подготовку прорыва второй полосы в ограниченные сроки. Подготовка прорыва проводилась в масштабе общевойсковых армий, что следует признать правильным, ибо для того чтобы добиться одновременного наступления всех сил фронта, потребовалось бы значительно больше времени. Командование фронта отдало лишь ряд принципов

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2, с. 341.

² ЦАМО СССР, ф. 233, оп. 2356, д. 804, л. 105.

альных указаний: начало атаки — утром 17 апреля, на участках прорыва сосредоточить 250—270 стволов на 1 км и провести в армиях 30—40-минутную артиллерийскую подготовку. Танковые армии получили указания действовать совместно с общевойсковыми¹.

На артиллерийскую подготовку было отпущено примерно столько же боеприпасов, сколько их израсходовали армии во время артиллерийской подготовки в первый день наступления.

Атака второй полосы армиями 1-го Белорусского фронта началась в промежуток времени от 7 до 11 часов. Артиллерия поддерживала атаку методом ПСО на глубину 5 км.

Противник, опираясь на хорошо подготовленную в инженерном отношении оборону, многочисленные населенные пункты, по-прежнему оказывал упорное сопротивление. Однако, несмотря на то что враг выбросил из резерва против главных сил фронта еще три моторизованные и одну авиаполевую дивизии, ему не удалось удержать занимаемых позиций. 47-я и 3-я ударная армии с 9-м отдельным танковым корпусом и 9-м гвардейским танковым корпусом 2-й гвардейской танковой армии прорвали промежуточную позицию и, продвинувшись за день на 4—8 км, завязали бои за вторую полосу обороны. Войска 5-й ударной и 8-й гвардейской армий с главными силами 1-й и 2-й гвардейских танковых армий при поддержке авиации после упорных боев прорвали оборону на Зееловских высотах и продвинулись за день на 11—13 км. На направлениях правой и левой ударных группировок в этот день войска продвинулись на 4—7 км.

Наступление 18 апреля вновь началось после 10—30-минутной артиллерийской подготовки. Хотя против главных сил 1-го Белорусского фронта противник выдвинул из резерва две моторизованные дивизии, две танкостребительные бригады, бригаду фольксштурма, два пехотных полка, ряд отдельных батальонов и подразделений зенитных частей берлинской зоны ПВО, все же удержать занимаемый рубеж ему не удалось. За третий день наступления главная ударная группировка фронта, продвинувшись от 3 до 8 км, прорвала две промежуточные позиции и вышла к третьей полосе обороны, которая была прорвана на следующий день.

Таким образом, к исходу 19 апреля войска фронта завершили прорыв одерского рубежа обороны противника на фронте 70 км и продвинулись на глубину до 30 км. В ходе этих боев 9-я немецко-фашистская армия и переброшенные сюда резервы из 3-й танковой армии понесли огромные потери. Однако темпы прорыва оказались меньшими, чем намечались.

Причины состояли в том, что глубокая оборона была занята войсками с высокой степенью плотности и удерживалась противником с фанатической стойкостью. Используя сложный характер местности на Зееловских высотах, враг успел организовать на них отведенными войсками и выдвинутыми резервами очень проч-

¹ ЦАМО СССР, ф. 273, оп. 401802, д. 1, л. 105.

ную оборону. Для ее прорыва необходимо было заранее спланировать подготовку атаки в ограниченные сроки в масштабе армий, что сделано не было. Предпринимая атаку с ходу подходящими к ним соединениями, войска потеряли около полусуток, за которые противник еще более укрепил Зееловские высоты и направление на Берлин со стороны юэстринского плацдарма. Это вынуждало каждый день проводить артиллерийскую и авиационную подготовку и не позволило подвижным войскам оторваться от стрелковых соединений для развития успеха в глубину. Несмотря на эти трудности, войска фронта настойчиво продвигались вперед, и уже 20 апреля в 13 часов 50 минут наша артиллерия произвела первый залп по Берлину.

На 1-м Украинском фронте в ночь на 16 апреля разведка боем была проведена усиленными стрелковыми ротами. Она подтвердила, что противник прочно занимает позиции на западном берегу р. Нейсе. В 6 часов 15 минут началась артиллерийская подготовка. В ходе ее войска форсировали р. Нейсе и в 8 часов 40 минут перешли в атаку. Противник оказывал ожесточенное сопротивление, особенно когда в середине дня завязались бои за третью позицию, на которую он выбросил часть сил 21-й и «Охраны фюрера» танковых дивизий, чтобы выиграть время для организации обороны на второй полосе. Наступление наших войск несколько замедлилось. Стал сказываться недостаток танков НПП, а также трудные условия лесисто-озерной местности и начавшиеся большие лесные пожары.

Командующий фронтом, заметив начало спада темпов продвижения стрелковых соединений, решил ввести в сражение 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии, которые в 14 часов начали действовать передовыми бригадами. Ввод в сражение шести танковых и одной мотострелковой бригад значительно усилил удары атакующих частей. Сопротивление противника на третьей позиции было сломлено по всему фронту главного удара. К исходу дня войска ударной группировки продвинулись на 8—13 км на фронте 29 км и вышли ко второй полосе, а передовые бригады 10-го гвардейского танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии вклинились в нее. 2-я армия Войска Польского и 52-я армия на дрезденском направлении также прорвали главную полосу и продвинулись за день до 10 км.

Успех войск фронта, несмотря на то что задача первого дня осталась невыполненной, был большим. Оборона противника оказалась основательно надломленной, его соединения понесли потери от 50 до 70%, только пленными было взято более 2000 солдат и офицеров¹.

Немецко-фашистское командование, намереваясь остановить наступление войск фронта, выдвинуло на вторую полосу обороны главные силы 21-й танковой дивизии, танковой дивизии «Охрана

¹ ЦАМО СССР, ф. 236, оп. 2673, д. 2448, л. 34.

фюрера», а также дивизии «Богемия», «Герман Геринг», 40-ю моторизованную, запасную пехотную бригаду и другие отдельные части и подразделения.

Командующий фронтом решил осуществить прорыв второй полосы, подготовив ее атаку в течение ночи, т. е. в ограниченные сроки.

В зависимости от возможности и целесообразности проведения перегруппировок войск в армиях избирались один армейский или два-три корпусных участка прорыва. На них сосредоточивался огонь артиллерии с высокой степенью плотности. Поскольку оборона противника опиралась на узлы сопротивления, оборудованные в городах и других населенных пунктах, по ним массировался огонь нескольких артиллерийских полков и бригад.

С утра 17 апреля 3-я и 4-я гвардейские танковые армии совместно с общевойсковыми начали прорыв второй полосы. Удары стрелковых корпусов, общевойсковых и танковых армий, нанесенные по слабым местам обороны врага, позволили расколоть ее на части. Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, главные силы фронта к исходу дня прорвали вторую полосу обороны на 15-километровом участке и продвинулись от 8 до 15 км, а войска 2-й армии Войска Польского и 52-й армии вклинились во вторую полосу на 2—3 км.

Разгром резервов противника на второй полосе уменьшил его возможности по созданию прочной обороны на армейском рубеже, подготовленном по р. Шпрее. Однако противник, как было установлено разведкой, выдвигал на него до трех дивизий (275-ю, 344-ю пехотные и 10-ю танковую). Необходимо было упредить их развертывание на армейской полосе, что позволяло бы прорвать ее с ходу, используя слабые или незанятые участки. Командующий приказал ускорить наступление войск к р. Шпрее, одновременно сместил усиления 3-й и 4-й танковых армий в полосу 13-й армии, где у противника было меньше возможностей организовать прочную оборону. Основные усилия 2-й воздушной армии были направлены на подавление и задержку подтягивавшихся резервов и по наиболее важным опорным пунктам за р. Шпрее.

В 13 часов 18 апреля передовая танковая бригада 7-го механизированного корпуса вброд форсировала р. Шпрее и захватила значительный плацдарм, на который к 21 часу переправились главные силы корпуса. Здесь же переправился и 102-й стрелковый корпус 13-й армии. Командующий 3-й гвардейской танковой армией направил сюда же и остальные корпуса армии.

Примерно так же форсировал р. Шпрее 27-й стрелковый корпус во взаимодействии с 10-м гвардейским танковым корпусом 4-й танковой армии. Это позволило к исходу 18 апреля образовать единый плацдарм к югу от Котбуса, на котором к утру 19 апреля сосредоточились все силы танковых и 13-й общевойсковой армий. Им противостояли 21-я танковая дивизия, уже значительно ослабленная, и только что подошедшая 344-я пехотная дивизия,

которая переходила к обороне, в сущности, за пределами оборонительной полосы. Мощный удар 1-го Украинского фронта на главном направлении привел к завершению прорыва оперативной обороны врага, что дало ему возможность развить наступление на Берлин и к Эльбе.

Следует отметить, что прорыв обороны противника войсками фронта, несмотря на наличие трех оборонительных полос и двух водных преград, был осуществлен без больших задержек как единый, четко спланированный процесс. Так, форсировав р. Нейсе, войска фронта сразу же, без всякой паузы, прорвали сильную, хорошо подготовленную главную полосу обороны, затем прорвали вторую полосу и далее третью, опять-таки с форсированием реки и без всяких перерывов в боевых действиях. Этот опыт не утратил своего значения и в современных условиях.

Войска 2-го Белорусского фронта приступили к осуществлению первого этапа форсирования р. Одер 18 апреля. В результате двухдневных боев армии обеспечили себе исходное положение для форсирования реки главными силами. И все же ограниченная емкость исходного района (в связи с затоплением междуречья) не позволила ввести в сражение крупные соединения, а артиллерия вынуждена была оставаться на восточном берегу р. Ост Одер в удалении 5—6 км от переднего края вражеской обороны. Все это, конечно, не могло не повлиять на ход дальнейших действий войск фронта и требовало от них большого напряжения сил.

20 апреля в 7 часов 15 минут началась артиллерийская подготовка и форсирование р. Одер всеми армиями ударной группировки фронта. Из-за тумана авиация фронта не действовала до 9 часов утра.

С захватом нашими частями небольших плацдармов сразу же были наведены паромные переправы, по которым, хотя и медленно, пошло накопление сил на противоположном берегу. В 8 часов переправившиеся части перешли в атаку, но были встречены многочисленными контратаками. К исходу дня войскам 65-й и 70-й армий удалось расширить захваченные плацдармы южнее Штеттина до 6 км по фронту и 1,5 км в глубину. За день было переправлено на эти плацдармы в 65-й армии 31 стрелковый батальон и небольшое количество артиллерии, а в 70-й армии — 10 стрелковых батальонов без артиллерии. Менее успешно шло форсирование реки войсками 49-й армии. Из-за плохой разведки артиллерии не удалось надежно подавить оборону противника и наши подразделения встретили сильный пулеметный огонь. В результате только отдельные группы смогли форсировать реку и зацепиться за противоположный берег. За день на захваченные плацдармы было переправлено всего четыре стрелковых батальона.

В течение последующих трех дней шли ожесточенные бои по расширению захваченных плацдармов и отражению многочисленных контратак четырех пехотных дивизий и танкоистребительной бригады противника, выдвинутых сюда из резерва главного коман-

дования. Но все же к исходу 23 апреля войска 65-й и 70-й армий соединили захваченные плацдармы в один общий шириною до 30 км и глубиною до 6 км. Только в полосе 49-й армии оставалось прежнее положение.

В последующих боях 24 и 25 апреля войска фронта завершили прорыв главной полосы обороны и, продвинувшись до 15 км, вышли ко второй полосе на участке 20 км. Противник понес большие потери и оказался не в силах сдержать дальнейших ударов войск фронта. Прорвав вторую полосу обороны и введя в сражение подвижные войска, армии 2-го Белорусского фронта перешли к преследованию противника.

Войска 1-го Белорусского фронта все эти дни продолжали ожесточенные бои, им приходилось по-прежнему последовательно прорывать многочисленные позиции обороны противника и каждый день начинать наступление артиллерийской и авиационной подготовкой. Танковые армии в этих жестоких боях не смогли оторваться от общевойсковых соединений и действовали в боевых порядках пехоты. Несмотря на всю тяжесть боев, войска фронта продвигались вперед с темпом до 12 км в сутки и, прорвав внешний и внутренний оборонительные обводы Берлина, 21—22 апреля завязали бои на окраинах города.

Танковые армии 1-го Украинского фронта, вырвавшись на оперативный простор, наступали с темпом 30—35 км в сутки, что позволило им к исходу 22 апреля прорвать внешний берлинский оборонительный обвод противника и выйти 3-й гвардейской танковой армии на южные окраины Берлина, а 4-й гвардейской танковой армии — на подступы к Потсдаму.

25 апреля 4-я гвардейская танковая армия соединилась с 47-й и 2-й гвардейской танковыми армиями западнее Берлина. 1 мая окруженные в Берлине и юго-восточнее группировки противника были уничтожены. К западу от Берлина у него оставалась одна армия Венка. А это означало, что стратегический фронт обороны врага, по сути дела, был прорван. Обретенная свобода для широкого маневрирования была блестяще использована при наступлении войск 1-го Украинского фронта на Прагу.

В целом Берлинская операция, явившаяся венцом победоносного пути наших Вооруженных Сил в четырехлетней войне с фашистской Германией и ее сообщниками по агрессии, дала богатый поучительный опыт прорыва прочной глубоко эшелонированной обороны, который во многих аспектах не утратил значения и в современных условиях.

* *
*

В кампании 1945 г. в Европе Вооруженные Силы СССР добились всемирно-исторической победы. Был завершен разгром вооруженных сил фашистской Германии, освобождены от гитлеровских захватчиков народы Центральной и Юго-Восточной Европы.

С 12 января по 8 мая Советская Армия прошла с боями от рубежа р. Висла до Эльбы свыше 800 км и победоносно закончила войну.

Советское военное искусство, использовав весь предшествующий боевой опыт, поднялось на новую, более высокую ступень. В этой кампании впервые в ходе Великой Отечественной войны стратегическое наступление велось одновременно на всем советско-германском фронте. Это лишало противника возможности эффективно использовать свои резервы, заблаговременно подготовленные оборонительные рубежи на большую глубину и приводило к дроблению и рассечению стратегического фронта врага.

В результате разгрома стратегической группировки противника на варшавско-берлинском направлении и стремительного развития наступления в январе 1945 г. был достигнут стратегический прорыв. В обороне противника образовалась огромная брешь протяжением свыше 500 км на участке от Быдгощи до Кракова. Новый стратегический фронт немецко-фашистскому командованию удалось создать только в начале февраля 1945 г. с использованием мощного водного рубежа — р. Одер и за счет переброски более 40 новых дивизий.

Успех стратегического прорыва был достигнут нанесением мощных фронтальных ударов на большую глубину несколькими взаимодействующими фронтами, которые приводили к дроблению стратегического фронта противника на обширных участках с последующим окружением и уничтожением крупных группировок немецко-фашистских войск.

Каждый фронт прорывал оборону противника на главном направлении усилиями трех-четырех, а иногда и пяти армий. При этом формы прорыва каждый раз применялись в зависимости от условий обстановки и характера района боевых действий. 3-й Белорусский фронт в Восточной Пруссии, 1-й Украинский фронт в Висло-Одерской и Берлинской операциях прорывали вражескую оборону тремя — пятью армиями на одном сплошном участке шириною 24—39 км. 1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской и Берлинской операциях, 2-й Белорусский фронт в Восточно-Прусской и в Берлинской операциях наносили главные удары примерно такими же силами, но они осуществляли прорыв на двух-трех участках, а во 2-м Белорусском некоторые армии прорывали тактическую оборону врага на самостоятельных участках с промежутками между ними от 3—5 до 7—10 км. Общая ширина армейских участков была в пределах 20—22 км. Это обеспечивало первоначальное дробление обороны противника на отдельные изолированные друг от друга части, а в дальнейшем, уже к исходу первого или второго дня, позволяло объединить все армейские участки прорыва в один общий фронтовой участок значительной ширины — 50—70 км и более. Применение такого способа прорыва обусловливалось возросшими боевыми возможностями армий, большим опытом командования, а также особенностями обстановки, в которых совершался прорыв.

На узких участках прорыва с предельной решительностью сосредоточивались основные силы и средства фронтов и армий: 60—80% общевойсковых соединений, 60—90% артиллерии, 80—95% танков и самоходно-артиллерийских установок и до 100% авиации. Это позволяло достигать превосходства над противником по пехоте в 3—5 раз, по артиллерии в 5—10 раз, по танкам в 7—9 раз и по самолетам в 2—4 раза и более.

Кампания 1945 г. в Европе обогатила советское военное искусство опытом применения крупных группировок танковых войск. Танковые армии, составлявшие подвижные группы фронтов, использовались как для развития прорыва в оперативной глубине, так и для завершения прорыва тактической зоны обороны. В первом случае они сохраняли свою ударную силу и имели возможность развивать прорыв в глубину с темпом 30—50 км и более в сутки. Ввод танковых армий для завершения прорыва тактической зоны обороны противника совместно с общевойсковыми армиями обуславливался возросшей силой обороны противника, недостаточной плотностью танков НПП, а в ряде случаев и стремлением командующих фронтами нарастить силу удара и быстрее прорвать тактическую зону обороны, чтобы лишить противника возможности вводом ближайших оперативных резервов уплотнить боевые порядки своих войск в тактической зоне. Однако при таком использовании танковые армии несли значительные потери, что снижало их возможности по развитию наступления в оперативной глубине.

Широкое применение в операциях завершающей кампании в Европе получили армейские подвижные группы в составе танкового или механизированного корпуса. Они вводились для завершения прорыва тактической зоны обороны и, как правило, оказывали решающее влияние на успешное осуществление в высоких темпах прорыва вражеской обороны.

Боевое применение артиллерии характеризовалось улучшением качественного состава артиллерийских группировок, повышением мощи огня, дальнейшим увеличением глубины одновременного подавления обороны противника в период артиллерийской подготовки, совершенствованием методов артиллерийской поддержки атаки пехоты и танков.

Характерными чертами в боевом применении авиации являлись сосредоточение основных усилий на обеспечение действий сухопутных войск, повышение плотности бомбовых и штурмовых ударов по объектам обороны противника, передача части сил авиации в оперативное подчинение командующих общевойсковыми и танковыми армиями при развитии боевых действий в глубине. В условиях скоротечности боев и резких изменений обстановки, свойственных ряду операций 1945 г., последнее обеспечивало быструю помощь войскам со стороны авиации и поддержанию тесного взаимодействия со стрелковыми и особенно с подвижными соединениями.

В операциях кампании 1945 г. дальнейшее развитие получило искусство маневра на поле боя и поддержания непрерывного взаимодействия между всеми родами войск как при прорыве, так и в ходе его развития. Гибкий стремительный маневр на поле боя, обходы и охваты опорных пунктов, группировок противника в сочетании с фронтальными ударами свидетельствовали о дальнейшем развитии тактики маневрирования.

Победа над фашистской Германией явилась убедительным доказательством полного превосходства советского военного искусства над военным искусством немецко-фашистской армии.

ИТОГИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРОРЫВА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

1. ВИДЫ И ФОРМЫ ПРОРЫВА ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА

За четыре года Великой Отечественной войны Советская Армия провела большое количество наступательных операций. Самым важным и наиболее трудным этапом во всех операциях был прорыв тактической зоны обороны. Для удержания тактической зоны противник выделял до 80—90% сил и средств, прилагал наибольшие усилия по инженерному оборудованию, здесь наилучшим образом организовывалась система огня и заграждений. Наконец, для ее удержания нацеливалось и большинство оперативных резервов, особенно танковых и моторизованных соединений. В силу этого осуществление прорыва тактической зоны обороны противника во многом предопределяло успешное развитие наступления на всю оперативную глубину и достижение конечных целей операции.

Сущность прорыва состояла во взломе обороны противника огнем артиллерии и ударами авиации, решительным наступлением войск в целях уничтожения живой силы и боевой техники, образования одной или нескольких брешей, развитие наступления через которые в глубину и в сторону флангов приводило к разрушению подготовленной и занятой войсками обороны врага.

При проведении наступательных операций войсками Советской Армии нашли успешное применение и получили развитие три вида прорыва: тактический, оперативный и стратегический. Они представляли собой единый, а с лета 1944 г. и непрерывный процесс создания бреши в стратегической обороне неприятеля, но в то же время каждый из них имел определенные качественные особенности.

Тактический прорыв по своему содержанию включал: взлом обороны огнем артиллерии и ударами авиации, т. е. уничтожение живой силы и боевой техники врага, разрушение его оборонительных сооружений и глубокое морально-психологическое подавление войск, снижавшее их волю к сопротивлению; атаку пехоты и танков, поддерживаемых огнем артиллерии и авиации; последующее развитие успеха в глубину и в стороны флангов стрелковыми, танковыми и механизированными соединениями при тесном взаи-

модействии с артиллерией, авиацией и инженерными войсками.

Оперативный прорыв заключался в создании бреши на всю оперативную глубину обороны противника. Это достигалось незамедлительным развитием в глубину тактического прорыва стремительными действиями подвижных соединений и объединений при тесном взаимодействии с общевойсковыми армиями, артиллерией и авиацией, а также разгромом оперативных резервов противника и расширением созданной бреши с тем, чтобы исключить или максимально затруднить восстановление целостности фронта обороны на новом оперативном рубеже.

Стратегический прорыв представлял собой сокрушение стратегического фронта и образование в нем такой бреши, которую противник оказывался не в состоянии закрыть имевшимися оперативными резервами и вынужден был для создания нового стабильного фронта перебрасывать дополнительно крупные силы из глубокого тыла и других стратегических направлений. Основным содержанием стратегического прорыва являлось объединение отдельных оперативных прорывов в единую брешь на стратегическом направлении, преследование разгромленных сил противника в широкой полосе, прорыв поспешно занимаемых им оборонительных рубежей, срыв попыток контрударами дезорганизовать и задержать развитие наступления и тем выиграть время для стабилизации стратегического фронта на новом рубеже.

Советская Армия в годы Великой Отечественной войны применяла разнообразные формы оперативного прорыва, которые определялись в зависимости от конкретных условий оперативно-стратегической обстановки, цели, замысла и масштаба операции, наличия сил и средств и других факторов. Форма оперативного прорыва представляла собой выражение замысла на прорыв, организацию усилий войск для его осуществления, определение направлений ударов в операции, которые бы приводили к образованию брешей в обороне противника, к крушению ее на операционном или стратегическом направлении и позволяли достигнуть намеченных в операции целей.

В армейских наступательных операциях (схема 30) наиболее распространенной формой оперативного прорыва в первом периоде войны являлся удар на двух-трех направлениях. При этом один-два удара наносились по сходящимся направлениям в целях окружения противостоящих группировок противника.

Широкое применение в первом периоде войны эта форма прорыва получила главным образом потому, что в специфических условиях вооруженной борьбы того времени позволяла армии перейти в наступление (контрнаступление) в самые короткие сроки, поскольку не требовала сложных перегруппировок войск, сосредоточения их к одному участку прорыва. Вместе с тем она содержала в себе и существенный недостаток, заключающийся в распылении усилий армии, боевой состав которой в 1941 г. умень-

шился в два раза. При большом числе участков прорыва на каждом из них оказывалось недостаточно сил и средств, чтобы осуществить оперативный прорыв. Это снижало результаты предпринимаемых прорывов или вообще приводило к неукладу.

Настоятельная необходимость максимального массирования сил и средств на избранных для прорыва участках привела к уменьшению количества ударов, наносимых армией. Во втором и особенно в третьем периоде войны армии, как правило, наносили один удар и преимущественно в составе ударной группировки фронта, осуществляющей прорыв на одном участке. Лишь отдельные армии, в частности 59-я в наступлении под Новгородом зимой 1944 г., наносили два удара.

Если армия осуществляла прорыв на самостоятельном участке, то ее удар обычно был рассекающим или направленным к пункту, где замыкался фронт окружения группировки противника во взаимодействии с соседней армией (11-я гвардейская и 61-я армии в Орловской операции). Когда армия входила в состав ударной группировки фронта, она наносила фронтальный удар во всей полосе наступления в центре первого оперативного эшелона ударной группировки, либо в части полосы — в центре или на одном из флангов. В последнем случае кроме фронтального удара главными силами армия нередко развивала наступление частью сил в сторону фланга в целях сматывания обороны противника. В некоторых операциях эта задача возлагалась и на главные силы армии (3-я гвардейская армия в Висло-Одерской, 28-я и 49-я армии в Восточно-Прусской операциях).

Во фронтовых наступательных операциях (схема 31) формы оперативного прорыва прошли ту же эволюцию, что и в армии. В 1941—1942 гг. фронты обычно наносили несколько ударов силами одной армии каждый. Число ударов в наступательных операциях фронтов к концу первого и в начале второго периода войны сокращается до двух-трех.

Фронтальной удар обычно наносился силами одной армии или ударных группировок в составе до двух армий. Из них один-два удара были рассекающими, один-два направлялись навстречу друг другу или к удару соседнего фронта в целях окружения определенной группировки противника.

С переходом противника к позиционной обороне количество ударов во фронтах сокращается до одного-двух. Так, в контрнаступлении под Курском Западный, Центральный и Степной фронты наносили по одному удару, Брянский и Воронежский — по два удара. В операциях 1944—1945 гг. фронты обычно наносили один-два удара и лишь иногда (1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской и Берлинской операциях) — три удара.

Три удара и более фронты наносили в операциях по освобождению Правобережной Украины, где оборона противника на значительных участках была неглубокой, очаговой и недостаточно оборудованной в инженерном отношении.

Когда фронт осуществлял прорыв на одном участке, форма оперативного прорыва представляла собой фронтальный удар на фланге или в центре полосы наступления. При этом направление его избиралось таким образом, чтобы наступающие войска могли выйти к пункту встречи с соседним фронтом и окружить группировку врага (2-й и 3-й Украинские фронты в Яско-Кишиневской операции) или расчлени ее на всю оперативную глубину (2-й Белорусский фронт в Белорусской операции, 1-й Украинский фронт в Висло-Одерской операции и др.).

При прорыве обороны на двух-трех направлениях форма оперативного прорыва представляла собой фронтальные удары с последующим двусторонним охватом и обходом определенной группировки противника и развитием удара частью сил или главными силами в глубину (Бобруйская, Львовско-Сандомирская операции) либо фронтальные удары на всю оперативную глубину в целях дробления противостоящей группировки противника и уничтожения остающихся между направлениями ударов его сил в ходе развития операции (1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской операции).

В стратегических наступательных операциях группы фронтов (схема 32), как правило, одновременно наносилась серия ударов (Сталинградская — семь, Белорусская — шесть, Висло-Одерская — четыре, Берлинская — шесть). Опыт войны показал, что сокрушение фронта обороны противника на стратегическом направлении было возможно при нанесении нескольких мощных ударов в полосе шириной 450—700 км и более, которыми захватывалось от 15 до 30% активного фронта вооруженной борьбы. Серия сильных ударов затрудняла противнику не только парирование их имеющимися резервами, но и определение места и значения каждого из них. Разгром его крупной группировки на одном из стратегических направлений вел к ослаблению его сил на других, что позволяло успешно проводить ряд последовательных операций, сокрушая тем самым огромную часть и даже весь стратегический фронт обороны врага.

При проведении операций группой фронтов в зависимости от конкретных условий обстановки применялись и соответствующие формы прорыва. В первом периоде войны они представляли собой серию дробящих ударов, часть из которых направлялась навстречу друг другу в целях окружения небольших группировок противника. Такая форма прорыва облегчала создание ударных группировок в ограниченные сроки и быстрый переход их в наступление.

В зимней кампании 1942/43 г. преобладающей формой прорыва становится нанесение фронтальных ударов по сходящимся направлениям. Она позволяла при общем равенстве сил или небольшом превосходстве над противником сосредоточить максимально возможное количество сил и средств на главных направлениях, быстро прорвать оборону и замкнуть кольцо окружения, обеспечив внешний фронт окружения ограниченными силами путем вре-

менного перехода их к обороне на выгодном рубеже и даже в отдельных пунктах.

В летне-осенней кампании 1943 г. наметилась тенденция к сочетанию рассекающих ударов с ударами на окружение. Однако в полной мере она проявлялась в кампаниях третьего периода войны.

Для операций групп фронтов летом 1944 г. было характерным нанесение мощных ударов в целях окружения крупных группировок противника. Силы, выделенные на внешний фронт окружения, в том числе танковые, создавали подвижный внешний фронт окружения и условия для безостановочного перерастания оперативных прорывов в стратегический.

В операциях 1945 г., когда фронт вооруженной борьбы намного сократился, определяющей формой прорыва в стратегической операции становятся взаимно увязанные рассекающие фронтовые удары на всю глубину. Окружение небольших группировок противника, остающихся между ними, предусматривалось обычно незначительными силами и в процессе сокрушения стратегического фронта врага.

В целом развитие форм прорыва оперативной обороны в годы Великой Отечественной войны показывает, что наибольший успех достигался при проведении стратегической операции группой фронтов и нанесении серии ударов, которыми захватывался значительный участок стратегического фронта обороны противника. Частные операции, проводимые небольшими силами, с нанесением скользящих ударов были отвергнуты опытом войны. С возрастанием прочности обороны уменьшалось число ударов, но увеличивалась их мощь.

Форма оперативного прорыва в виде нанесения в операции серии ударов, впервые примененная Юго-Западным фронтом в 1916 г., из области оперативного искусства перешла в стратегию, стала присуща операциям, проводимым группами фронтов.

2. ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЙ УДАРОВ И УЧАСТКОВ ПРОРЫВА

В годы Великой Отечественной войны разрушение стратегического фронта в большинстве военных кампаний осуществлялось на одном стратегическом направлении. На заключительном этапе войны, когда боевая мощь наших Вооруженных Сил резко возросла, а фронт борьбы сузился, представилась возможность одновременно взломать его на всем протяжении.

При выборе направления главного удара в кампании и в операциях советское командование исходило из ленинского указания о том, что для достижения победы необходимо «в решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил...»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40, с. 6.

Опыт войны показал, что правильный выбор направления главного удара зависит от многих факторов, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Направление главного удара в наступательной операции определялось прежде всего целями операции и конкретными условиями обстановки, в которых она проводилась. Оно выбиралось с учетом оперативного положения своих войск и войск противника, их количественного и качественного состава, расположения группировок основных сил, особенно бронетанковых. Во всех случаях наиболее выгодным для нанесения решающего удара считалось то направление, которое выводило ударные группировки к самым уязвимым местам основных сил противника и обеспечивало в короткие сроки разгром той его группировки, от поражения которой резко нарушалась устойчивость обороны в целом.

В наступательных операциях Великой Отечественной войны главный удар наносился чаще всего по наиболее слабому, уязвимому месту в обороне противника. Такими местами обычно являлись участки с невысокими плотностями сил и средств, с недостаточно развитой системой инженерного оборудования местности, занятые войсками со слабой подготовкой и невысокими морально-боевыми качествами. К слабым местам в обороне относились направления, на которых противник не располагал крупными оперативными и стратегическими резервами. Наиболее уязвимыми местами в обороне всегда считались стыки и фланги, особенно в тех случаях, когда они недостаточно прикрывались, а также участки, обороняемые войсками с низкими морально-боевыми качествами. Слабыми местами в обороне обычно являлись и участки местности, которые противник по тактическим свойствам считал труднодоступными. Здесь он оставлял, как правило, минимальные силы и средства. Нанесение ударов по таким участкам обороны оказывалось для противника неожиданным. Благодаря достигаемой в этом случае внезапности, даже наступая по труднодоступной местности, войска приобретали большие преимущества. Стремительный прорыв и выход наступающих войск во фланг и тыл противнику вынуждали его снимать войска с хорошо подготовленных позиций, перебрасывать их на направления ударов наступающего и вести бой на недостаточно подготовленной или совсем не оборудованной местности. Поучительные примеры использования слабых мест в обороне противника дают Сталинградская, Ясско-Кишиневская и многие другие операции.

При выборе направления главного удара всегда учитывались возможности наиболее эффективного применения всех родов войск и средств поражения, особенно крупных масс танков.

Существенное влияние на выбор направления главного удара оказывали физико-географические условия и характер инженерной подготовки местности. Нередко эти факторы предопределяли выбор направления главного удара. Например, в Восточно-Прусской операции наличие обширного района Мазурских озер явилось одним из факторов, определивших выбор нанесения главного

удара войсками 2-го Белорусского фронта в обход труднодоступного района и долговременных укреплений Восточной Пруссии с юга и запада, где условия местности допускали развертывание крупной группировки танковых войск и благоприятствовали быстрому выходу ее на побережье Балтийского моря.

Опыт войны показал, что местность, избранная для нанесения главного удара, должна способствовать скрытному сосредоточению и развертыванию ударной группировки, быть удобной для оборудования и занятия войсками исходного положения, обеспечивать благоприятные условия для действий крупных масс артиллерии и танков, осуществления маневра, организации оперативного и тактического взаимодействия, своевременного и бесперебойного подвоза войскам материальных средств.

В ряде случаев решающее влияние на выбор направления главного удара оказывал элемент времени. В Белгородско-Харьковской операции, например, начертание линии фронта к началу операции было вполне благоприятным для нанесения охватывающих ударов в целях окружения харьковской группировки противника. Однако при отсутствии времени на крупную перегруппировку войск осуществить такие удары не представлялось возможным. Поэтому Воронежский и Степной фронты вынуждены были нанести главный удар в направлении Белгород, Харьков в целях расчленения противостоящей группировки немецко-фашистских войск.

В годы минувшей войны имели место случаи, когда на выбор направления главного удара преимущественное влияние оказывало стремление окружить и уничтожить главные силы противника, не допустив их отхода. Так было в Сталинградской, Ясско-Кишиневской и многих других операциях.

В ряде наступательных операций Великой Отечественной войны главный удар наносился и по наиболее сильным местам в обороне противника. Так было при переходе в наступление с оперативных плацдармов, при невозможности применения крупных группировок войск на слабых, но труднодоступных направлениях (3-й Белорусский фронт в Витебско-Оршанской операции) либо в целях быстрого разгрома наиболее мощной группировки врага, например в Львовско-Сандомирской операции. Однако опыт прорыва позиционной глубоко эшелонированной обороны показал, что такая оборона при занятии ее стойкими войсками таит в себе огромную силу сопротивления. Прорыв ее связан с большими затратами сил и средств и нередко проходит за пределами возможностей. Смещение же ударов к слабым пунктам обороны врага сразу сказывалось на ходе прорыва.

За время Великой Отечественной войны существенные изменения произошли в роли, которая отводилась главному и вспомогательным ударам.

По предвоенным взглядам, вспомогательный удар в отношении главного имел содействующее значение. Войскам, осуществлявшим его, обычно ставились задачи по обеспечению ударной группировки от фланговых ударов противника, по сковыванию

противостоящих его сил. Иногда нанесением вспомогательного удара предусматривалось наступление к пункту встречи с главной группировкой фронта или армии в целях окружения противостоящих сил противника. Эти взгляды лежали в основе определения значения ударов в операциях всего первого периода войны. Вспомогательный (сковывающий) удар был обязательным элементом почти каждой операции. И поскольку на нанесение таких ударов обычно выделялось мало сил, они зачастую давали крайне ограниченный оперативный и даже тактический результат. Это видно даже на успешно проведенных операциях, таких, как Ржевско-Сычевская летом 1942 г., в которой на вспомогательных направлениях фронтов продвижение войск было незначительным.

В контрнаступлении под Сталинградом и Курском задачи, которые получили войска, действовавшие на вспомогательных направлениях, уже немногим отличались от задач, которые ставились перед войсками главных группировок. Они тоже должны были прорвать тактическую оборону и развить успех в оперативную глубину. Именно такие задачи получили армии Донского фронта в Сталинградской операции. Соответственно и состав группировок, наносивших вспомогательные удары, создавался более сильным. Дальнейшее повышение их мощи наблюдается в третьем периоде войны, когда значительно возросли возможности наших фронтов.

Основанием ударов являлся участок прорыва, т. е. то место в обороне противника, где намечалось пробить первоначальную брешь.

Опыт войны показал, что ширина участка прорыва всегда должна соответствовать имеющимся силам и средствам, особенно средствам огневого нападения, а также количеству и качеству общевойсковых соединений. Намеченный участок прорыва должен быть таким, чтобы в его пределах можно было оборудовать удобное исходное положение для главной группировки и скрытно развернуть силы и средства, предназначенные для прорыва. Кроме того, следует учитывать условия применения бронетанковых войск, развития тактического успеха в оперативный и одновременно возможности противника по противодействию прорыву.

В ходе войны ширина участков прорыва соединений, армий, фронтов и ударных группировок претерпела существенные изменения. До войны целесообразной шириной участка прорыва для ударной армии считалась полоса в 20—30 км, а для фронта — 60—80 км. При определении ширины участков прорыва кроме боевых возможностей исходили также из того, что брешь шириной в 20—30 км не может простреливаться артиллерией противника с флангов и позволит без больших помех развивать успех на главном направлении; на таком участке прорыва можно достаточно свободно ввести в сражение подвижную группу, выделив на каждую танковую дивизию по два маршрута; брешь в 20—30 км не может быть закрыта ближайшими оперативными резервами.

Изменение состава общевойсковых армий в начале Великой Отечественной войны привело к необходимости сужения участков

прорыва ударных группировок. Переход противника к позиционной обороне, необходимость повышения плотностей войск, осуществляющих прорыв, обусловили дальнейшее сужение участков прорыва. Кроме того, ход войны показал, что наиболее сильно противодействуют наступлению войск средства, ведущие огонь прямой наводкой (противотанковые орудия и танки), а также пулеметы и минометы, а не артиллерия, расположенная на закрытых огневых позициях, с которой научились вести успешную борьбу. В свою очередь опыт показал, что для танковых и механизированных корпусов уменьшенного состава нужна более узкая полоса ввода их в сражение. Все это в совокупности оказало влияние на сужение участков прорыва, ширина которых и соотношение с полосой наступления в некоторых операциях показаны в табл. 15.

Таблица 15

Ширина участков прорыва и их соотношение с полосами наступления в операциях Великой Отечественной войны

Операция	Фронт, армия, ударная группировка	Ширина полосы наступления, км	Количество и ширина участков прорыва, км	% к ширине полосы наступления
Контрнаступле- ние под Сталин- градом	Юго-Западный фронт,	250	2—22	9
	5-я танковая армия	35	1—15	40
Контрнаступле- ние под Курском	Брянский фронт,	158	2—30	19
	63-я и 3-я армии	74	1—18	24
	Воронежский фронт,	172	3—30	17
	6-я гв. и 5-я гв. ар- мии	26	2—11	42
Белорусская	1-й Белорусский фронт (правое крыло),	232	2—33	14
	65-я и 28-я армии	100	1—18	18
Львовско-Сандо- мирская	1-й Украинский фронт,	440	2—27	6
	38-я и 60-я армии	70	1—15	21
Яско-Кишинев- ская	2-й Украинский фронт	330	1—16	5
Висло-Одер- ская	1-й Белорусский фронт	230	3—34	15
	1-й Украинский фронт	250	1—39	16
Берлинская	1-й Белорусский фронт	175	3—44	25
	1-й Украинский фронт	390	2—36	11

Как видно из таблицы, ширина участка прорыва ударной группировки фронта, прорывающей оборону на самостоятельном направлении, чаще всего составляла 15—20 км.

Конечно, участки прорыва такой ширины были стеснительными для действий мощных фронтовых ударных группировок. Поэтому в планах операций предусматривалось их расширение уже в ходе прорыва тактической обороны противника путем нанесения ударов по флангам, вскрывшимся в результате образования бреши в обороне противника. Такой способ создания оперативного простора оказался наиболее целесообразным по затратам сил. Если для прорыва обороны требовалось 200—300 орудий и минометов, 7—10 стрелковых батальонов и 15—20 танков НПП на 1 км участка, то расширение созданной бреши проходило при плотностях, меньших в три раза и более.

Опыт наступательных операций, проведенных в 1941—1942 гг., показал, что расстояние между участками прорыва должно соответствовать силе намеченных ударов и избираемому способу разгрома противника, остающегося между направлениями ударов.

В контрнаступлении под Москвой и Сталинградом фронтовые удары наносились в основном силами армейских группировок, но группировки войск противника между ними были небольшие и разгром их намечалось осуществить путем окружения и расчленения в ходе прорыва тактической обороны, чтобы уже с выходом за нее можно было образовать единый фронтовой и даже межфронтовой участок прорыва.

Так, в Сталинградской операции промежуток между участками прорыва главной группировки Юго-Западного фронта и группировкой 21-й армии, наносившей удар совместно с 65-й армией Донского фронта, составлял около 33 км. Он оборонялся всего полутора дивизиями. Угроза окружения этих сил с одновременным нанесением рассекающих ударов позволила разгромить их в короткие сроки.

С возрастанием мощи ударных группировок наблюдалось увеличение расстояния между участками прорыва. Так, в Орловской операции удаление участка прорыва 11-й гвардейской армии от участка прорыва 61-й армии составляло 55 км, между ударными группировками Брянского фронта—60 км, между южной группировкой Брянского и группировкой Центрального фронта—65 км.

В третьем периоде войны широкое применение нашли операции на окружение крупных группировок противника. При определении расстояний между участками прорыва ударных группировок в таких операциях учитывались состав и положение окружаемой группировки, возможность при определенных темпах наступления завершить окружение основных сил врага до отхода их из окружаемого района, быстро разгромить окруженную группировку и тем самым образовать такую брешь в оперативной обороне противника, в которой было бы возможно свободное маневрирование крупными силами в целях развития оперативных прорывов в стра-

тегический, а противнику трудно было бы закрыть ее имеющимися резервами. Соотношение взаимного удаления участков прорыва с некоторыми параметрами операций в последнем периоде войны показано в табл. 16.

Т а б л и ц а 16

Соотношение взаимного удаления участков прорыва группировок, осуществлявших окружение, с некоторыми параметрами операций 1944—1945 гг.

Операция	Взаимное удаление участков прорыва, км	Расстояние до района встречи, км	Глубина возможного отхода противника, км	Ширина бреши, образующейся после уничтожения окруженной группировки, км	Необходимое количество дивизий для закрытия бреши
Витебско-Оршанская . . .	40	30—40	40	100	5—7
Бобруйская	55	50—60	60	90—100	5—7
Львовско-Сандомирская	70	60—70	45—60	120—140	7—9
Яско-Кишиневская . . .	140	100—120	100	250	12—15
Берлинская	50	100	80	160—180	9—12

Примечание. Расчеты сделаны на основе схем труда: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1958.

Из данных, приведенных в таблице, можно заключить, что при темпах наступления 15—20 км в сутки взаимное удаление участков прорыва избиралось примерно равным расстоянию до района встречи, где намечалось замкнуть фронт окружения, а противнику— миновать его с учетом начала отхода из окружаемого района после потери на направлениях ударов тактической зоны обороны, т. е. на сутки-двое позже после перехода наших войск в наступление.

При нанесении в операции мощных рассекающих ударов (Висло-Одерская операция и др.) расстояние между участками прорыва было таким, что уже в ходе преодоления тактической обороны противника его группировки, оборонявшиеся между участками прорыва, теряли всякую устойчивость и единый фронтовой или межфронтовой участок прорыва мог быть образован уже в ближайшей оперативной глубине.

3. МАССИРОВАНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ И ПОСТРОЕНИЕ ВОЙСК

Для осуществления прорыва и его развития в годы Великой Отечественной войны во фронтах и армиях создавались ударные группировки. Особенно отчетливо переход к действиям ударными группировками обозначился после выхода в свет директивного письма Ставки Верховного Главнокомандования от 10 января 1942 г., в котором были сформулированы наиболее важные положения по прорыву обороны противника, одно из которых гласило:

«Чтобы взламывать и рвать оборону противника, надо нам научиться действовать ударными группами».

За годы войны состав ударных группировок фронтов увеличился: по дивизиям — в 8—10 раз, по танкам и САУ — в 10—20 раз, по артиллерии — в 10—12 раз, по авиации — в 18—25 раз. Значительно улучшился и их качественный состав за счет применения более эффективных образцов танков, самоходно-артиллерийских установок, орудий, минометов, реактивных систем и самолетов. Так, если в контрнаступлении под Москвой ударная группировка состояла из 3—7 дивизий, 35—125 танков, 160—600 орудий и 50—100 самолетов, то в Берлинской операции в ее состав входило 42—44 дивизии, 1300—2200 танков и самоходно-артиллерийских установок, 6200—7500 орудий и минометов, 1400—1800 самолетов.

Из общего боевого и численного состава фронтов в ударные группировки, как правило, включалось 50—70% стрелковых соединений, 70—80% орудий и минометов, 80—100% танков и авиации фронта. Развертыванием этих сил на участках, ширина которых составляла $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{20}$ ширины полосы наступления фронта, достигалось решительное массирование сил и средств на избранных для прорыва направлениях, создание их высоких плотностей и решающего превосходства над противником, что являлось одним из важнейших факторов успешного осуществления прорыва.

Плотности войск в ходе войны непрерывно повышались и в операциях 1945 г. достигли 6—7 стрелковых батальонов, 250—300 орудий и минометов и 20—30 танков и САУ НПП на 1 км участка прорыва. По мере увеличения плотностей сил и средств на участках прорыва и создания более выгодного их соотношения повышались в целом и темпы прорыва тактической зоны обороны противника.

Однако успех прорыва и его темпы определялись не только плотностями сил и средств и созданным превосходством над противником, но и качеством подготовки прорыва, искусством управления войсками, эффективностью применения вооружения, боевой техники и войск, достижением внезапности удара, поддержанием тесного взаимодействия родов войск, своевременным наращиванием усилий и другими факторами.

Важным фактором успешного ведения прорыва и его развития являлось построение войск. В нем предопределялись сила первоначального удара, очень важного для успеха прорыва, и последовательность наращивания усилий на всю глубину его ведения.

По предвоенным взглядам, предусматривалось глубокое оперативное построение войск фронта. Однако потери, понесенные Советской Армией в приграничных сражениях, стратегическая инициатива, которой владел противник некоторое время, не позволяли образовывать мощные группировки и иметь во фронтах сильные вторые эшелоны, подвижные группы и резервы. С другой стороны, оборона противника была неглубокой и очаговой, что создавало определенные предпосылки ее прорыва одним оперативным эше-

лоном фронта. В силу этого в двух первых кампаниях первого периода войны фронты строились в один эшелон и выделялся небольшой резерв (схема 33).

Опыт наступательных операций показал, что одноэшелонное оперативное построение фронтов хотя и позволяло прорывать подготовленные рубежи обороны, но не обеспечивало быстрого развития тактического прорыва в оперативный, и противник успевал создавать в глубине новые оборонительные рубежи. Поэтому уже с лета 1942 г. в оперативном построении фронта появляются подвижные группы в составе одного-двух танковых корпусов (Погорело-Городищенская операция) и более сильные резервы. С созданием воздушных армий значительно возросли возможности по нанесению авиацией массированных ударов и поддержке войск в ходе наступления.

Количественный и качественный рост боевого состава фронтов, увеличение прочности и глубины обороны противника предопределили дальнейшие изменения оперативного построения фронта. В контрнаступлении под Курском во фронтах впервые создаются подвижные группы в составе одной-двух танковых армий. В ряде операций второго периода войны во фронтах создается второй эшелон в составе одной, а иногда и двух общевойсковых армий (Западный фронт в Смоленской операции).

В третьем периоде войны при проведении операций на главных направлениях фронты обычно строились в два эшелона. В первый эшелон выделялось от двух до семи армий, во второй — одна-две общевойсковые армии. Подвижные группы стали обязательным элементом оперативного построения фронта. Их состав был различным: одна-две и даже три танковые армии, одна-две конно-механизированные группы или один-два танковых (механизированных) корпуса. Иногда создавался и общевойсковой резерв в составе танкового (механизированного), кавалерийского или стрелкового корпуса. В оперативном построении всех фронтов имела и воздушная армия.

Существенно изменилось оперативное построение общевойсковых армий (схема 34). В 1941—1942 гг. они обычно имели резерв или небольшой второй эшелон (одна-две стрелковые дивизии). В некоторых операциях создавались подвижные группы из усиленных кавалерийских соединений, нескольких танковых бригад, а с лета 1942 г. — одного-двух танковых корпусов. В 1943 г. во второй эшелон армии в зависимости от ее состава выделялось до одного-двух стрелковых корпусов. Многие армии имели подвижные группы в составе одного-двух танковых (механизированных) корпусов. Кроме того, в армии создавались артиллерийские группы дальнего действия (ДД), разрушения (АР), гвардейских минометных частей (ГМЧ), зенитная, артиллерийско-противотанковая и инженерный резервы, подвижный отряд заграждений.

В наступательных операциях 1944—1945 гг. армии, осуществлявшие прорыв, чаще всего строились в два эшелона. При этом во второй эшелон выделялись один-два стрелковых корпуса. В

отдельных случаях, когда, например, предусматривалось наступление в сторону фланга, армии строились даже в три эшелона (49-я армия в Восточно-Прусской, 3-я гвардейская армия в Висло-Одерской операциях). В один эшелон, как и во втором периоде войны, армии строились тогда, когда противник имел сильную тактическую зону обороны, но не располагал на направлении удара оперативными резервами. В этих условиях более глубокое построение имели стрелковые соединения.

Для завершения тактического прорыва общевойсковым армиям во многих операциях передавались в оперативное подчинение танковые и механизированные корпуса. Для решения огневых задач в армии стала создаваться одна армейская артиллерийская группа, которая делилась на подгруппы по числу корпусов первого эшелона. В ее состав включалось 3—5 кавалерийских бригад, 2—4 отдельных артиллерийских полка и 2—6 полков реактивной артиллерии или 180—260 орудий, минометов и установок реактивной артиллерии. Это позволяло командующим армиями наносить массированные удары артиллерией по крупным тактическим и оперативным объектам и эффективно воздействовать на ход прорыва. В армии, как и прежде, создавались армейская зенитная артиллерийская группа и различные резервы.

Развитие боевых порядков войск шло в тех же примерно направлениях, что и оперативное построение. В первом периоде войны боевые порядки соединений, частей и подразделений в соответствии с предвоенными взглядами строились преимущественно в два эшелона. Такое построение вело к выделению во вторые эшелоны наступающих дивизий 2/3 стрелковых рот, что резко снижало ударную силу атакующих цепей. Поэтому приказом НКО от 8 октября 1942 г. № 306 было введено построение боевых порядков от роты до дивизии в один эшелон с выделением резерва. Однако ход боевых действий показал, что одноэшелонное построение целесообразно только для подразделений. Части и соединения, имея только небольшой резерв, лишались возможности наращивать силу удара, чего требовал прорыв все увеличивающейся глубины обороны противника. К началу летне-осенней кампании 1943 г. глубокие боевые порядки стали наиболее типичными. В соединениях и частях создавались артиллерийские группы, артиллерийско-противотанковые резервы и подвижные отряды заграждений. Группы танков НПП с 1944 г. стали использоваться не только централизованно в масштабе дивизии, но и придаваться полкам, а к концу войны и батальонам.

В целом опыт Великой Отечественной войны показал, что прорыв глубокой обороны противника требовал глубокого построения наступающих войск. При этом первый эшелон армии должен был быть способным самостоятельно прорвать тактическую зону обороны на всю ее глубину и тем создать предпосылки для успешного развития операции. В оперативном построении фронта (армии) был эшелон развития успеха, способный в короткие сроки войти в прорыв и стремительно развить его на всю оперативную

глубину. Каждый общевойсковой командир — от командира полка до командующего армией — должен был иметь подчиненную ему артиллерийскую группу. Авиацию, особенно при ограниченном ее количестве, наиболее целесообразно было использовать централизованно в масштабе фронта.

4. ОГНЕВОЕ ПОРАЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА

Огонь в сражениях Великой Отечественной войны был главным средством взлома обороны противника — уничтожения его живой силы и огневых средств, разрушения различных инженерных сооружений и заграждений, подавления воли к сопротивлению.

Основную массу огня давала артиллерия. Вес ее боеприпасов достигал 85—90% всех боеприпасов, расходовавшихся в операции. Важнейшими направлениями в развитии боевого применения артиллерии являлись повышение ее огневой мощи и эффективности артиллерийского обеспечения прорыва.

Повышение огневой мощи артиллерии достигалось главным образом увеличением плотности орудий и минометов на участках прорыва и расхода боеприпасов. За годы Великой Отечественной войны плотности артиллерии возросли с 30—40 до 220—250, а в ряде операций до 300 и более орудий и минометов на 1 км, или в 3—6 раз по сравнению с предвоенными взглядами и в 6—10 раз по отношению к наступательным операциям 1941 г.

Артиллерийское обеспечение прорыва строилось на принципах артиллерийского наступления. Сущность его заключалась в подавлении обороны противника, а также в непрерывной поддержке пехоты и танков массированным, действительным огнем артиллерии (минометов)¹. Оно включало три тесно связанных между собой периода: артиллерийскую подготовку атаки, артиллерийскую поддержку атаки и артиллерийское обеспечение действий пехоты и танков в глубине обороны противника.

По сути дела, эти же периоды входили в артиллерийское обеспечение и по предвоенным взглядам. Лишь последний из них назывался иначе — действия артиллерии по обеспечению ввода в бой вторых эшелонов, отражению контратак, сковыванию тыла и воспрепятствованию подхода резервов противника². Однако понятием «артиллерийское наступление» все три периода были объединены в непрерывный процесс огневого поражения противника на всю глубину тактического прорыва.

Успех прорыва во многом зависел от эффективности артиллерийской подготовки. Она определялась рядом факторов, в частности плотностью артиллерии, точностью стрельбы, количеством выпущенных боеприпасов, продолжительностью, построением и глубиной подавления противника.

¹ См.: Боевой устав пехоты Красной Армии. Ч. 2. М., 1942, ст. 423.

² См.: Тактика артиллерии. Ч. 1. М., Воениздат, 1941, с. 253.

Надежное подавление и уничтожение противника в ходе артиллерийской подготовки атаки требовало определенной суммарной мощи огня, которая повышалась с возрастанием прочности обороны.

При увеличении плотности артиллерии за годы войны в 6—10 раз и расхода боеприпасов на одно орудие в 1,5—2 раза суммарная мощь огня артиллерии на 1 км участка прорыва возросла в 10—15 раз. Однако следует отметить, что суммарная мощь огня могла быть дана и при меньшей плотности артиллерии, ибо огневые возможности орудий и минометов, если исходить из режима огня, использовались только на 60—70%. При более высоком коэффициенте их использования можно было сократить на 30—40% плотности артиллерии или продолжительность артиллерийской подготовки.

Основная масса боеприпасов расходовалась во время огневых налетов. В 1941—1943 гг. они составляли в среднем около 20% всей продолжительности артиллерийской подготовки, а в ряде случаев и того меньше. В операциях 1944—1945 гг. удельный вес времени, отводимого на огневые налеты, увеличивается до 60% и более, но во многих случаях он не превышал 25—50%.

В 1942—1943 гг. в связи с переходом противника к позиционной обороне, несмотря на некоторое увеличение плотностей нашей артиллерии и расхода боеприпасов, отпускаемых на артиллерийскую подготовку, ее продолжительность непрерывно возрастала. Если в операциях 1941 г. артиллерийская подготовка продолжалась 10—15 минут, в 1942 г. — 60—90 минут, то в 1943 г. в таких операциях, как Белгородско-Харьковская, она достигала 3 часов.

Большая продолжительность артиллерийской подготовки имела существенные недостатки. За два-три часа ее проведения противник успевал определить участки прорыва, отдать необходимые распоряжения своим тактическим и ближайшим оперативным резервам и даже начать их выдвижение к угрожаемым направлениям, что усложняло осуществление прорыва. Ввиду этого велись поиски путей сокращения продолжительности артиллерийской подготовки без снижения ее эффективности.

Первоначально из артиллерийской подготовки были исключены пристрелка, часть или все ложные переносы огня и огневое молчание, поскольку последние не давали ожидаемых результатов. Затем пошли на сокращение методического огня с одновременным увеличением продолжительности огневых налетов. Наконец, в периоды разрушения и ведения огня орудиями прямой наводки значительная часть артиллерии продолжала выполнять задачи по подавлению ближайшей глубины. Все это позволило к концу войны в два-три раза сократить продолжительность артиллерийской подготовки, а 1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской и Берлинской операциях сократил ее в пять — семь раз.

Короткая, но мощная артиллерийская подготовка производила очень сильное морально-психологическое воздействие на противника и достаточно надежно взламывала его оборону. Однако при

прорыве сильно укрепленной обороны (Берлинская операция) она все же не дала ожидаемого результата.

За время Великой Отечественной войны существенно изменилось построение артиллерийской подготовки. Для достижения внезапности артиллерийскую подготовку стали начинать мощным огневым налетом, сместив разрушение целей стрельбой с закрытых позиций на последующее время. Чтобы скрыть окончание артиллерийской подготовки и тем самым лишить противника возможности подготовить свои войска к отражению атаки, последний огневой налет по интенсивности огня назначался таким же, каким и начиналась артиллерийская поддержка. Залпы реактивной артиллерии распределялись по времени всей артиллерийской подготовки. Продолжительность первого и последнего огневых налетов постоянно увеличивалась и к концу войны возросла до 15—25 минут, что позволяло более надежно поражать противника и добиваться сильного морального воздействия. Это особенно важно было перед броском пехоты и танков в атаку. Чередование массированных и методических огней, огней на разрушение и ложных переносов, когда они применялись, стало различным для большинства артиллерийских подготовок.

Постоянный рост плотности артиллерии на участках прорыва, улучшение ее качественного состава позволили увеличивать глубину огневого поражения обороны противника. Если в 1941—1942 гг. массированным огнем оборона подавлялась на глубину 1,5—2,5 км и несколько глубже, то в 1943 г. — на глубину до 3—4 км, а в 1944—1945 гг. — до 6—8 км и более. В заключительных операциях Великой Отечественной войны глубина подавления достигала 8—10 км, а в Берлинской операции — 10—12 км. В полосе наступления 8-й гвардейской армии оборона подавлялась на глубину 17—18 км¹.

Стремление к увеличению глубины подавления обороны противника не всегда было оправданным. При недостатке артиллерии это вело к распылению огневых усилий, в силу чего надежно не подавлялась даже первая позиция. К тому же подавление противника на большой глубине, как правило, было малоэффективным, а моральное воздействие, оказываемое огнем во время артиллерийской подготовки, обычно исчезало ко времени подхода к нему наступающих войск.

Методы артиллерийской поддержки атаки пехоты и танков в каждой операции выбирались в зависимости от характера обороны, наличия артиллерии, особенно крупных калибров, а также боеприпасов. При прорыве очаговой обороны и когда не доставало артиллерии или боеприпасов, поддержка атаки осуществлялась последовательным сосредоточением огня (ПСО). С переходом противника к позиционной обороне все чаще находил применение одинарный, а затем и двойной огневой вал в сочетании с ПСО. На

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне, с. 689, 757,

некоторых фронтах были разработаны и успешно применены разновидности огневого вала: метод сползания огня (Ленинградский фронт), нарастающий огневой вал (Воронежский фронт), ведение двойного последовательного сосредоточения огня (3-й Белорусский фронт) и др.

Глубина поддержки атаки увеличивалась от кампании к кампании и к концу войны достигла 2—2,5 км, а в Берлинской операции — до 4 км.

Артиллерийское обеспечение действий пехоты и танков при бое в глубине осуществлялось огнем отдельных орудий, взводов и батарей, огнем самоходных установок, а также сосредоточенным и массированным огнем дивизионов, полков, бригад и артиллерийских групп. В составе последних иногда насчитывалось до 200 орудий и минометов.

Существенную роль в огневом поражении противника играла авиация. На обеспечение наступления наземных войск авиация в годы войны использовала 46% всех самолето-вылетов. При этом до 70% этих ресурсов использовалось на направлениях главных ударов фронтов. Так, в Берлинской операции на направлении главного удара 1-го Белорусского фронта действовало 2760 самолетов, или 71% всего состава 16-й воздушной армии.

При недостатке авиации, что было характерно для первого периода войны, ее ресурсы в основном использовались для сопровождения пехоты и танков в ходе прорыва. Лишь иногда штурмовая и бомбардировочная авиация наносила удары в конце артиллерийской подготовки.

С 1943 г. военно-воздушные силы Советской Армии переходят к действиям в форме авиационного наступления, которое включало два периода: авиационную подготовку и авиационную поддержку атаки и наступления пехоты и танков в глубине обороны противника. Иногда, в частности при прорыве блокады Ленинграда, штурме Севастополя; проводилась предварительная авиационная подготовка. Но более широко практиковалось нанесение авиационных ударов в ночь перед наступлением. В операциях 1944—1945 гг. авиационная подготовка разделялась на предварительную и непосредственную.

Предварительная авиационная подготовка начиналась задолго до начала наступления и выполнялась сосредоточенными ударами и действиями мелких групп и одиночных самолетов на широком фронте днем и ночью в целях уничтожения и изнурения живой силы противника, прежде всего в тактической зоне обороны и в местах сосредоточения резервов, а также по районам расположения артиллерии, пунктов управления и других целей.

Во время непосредственной авиационной подготовки атаки, на которую расходовалось обычно 1/3 ресурсов, поражались цели преимущественно на участках прорыва. Удары авиации приурочивались, как правило, к концу артиллерийской подготовки. Ими стремились перекрыть момент перехода артиллерии от артиллерийской подготовки к поддержке атаки, когда танки и пехота шли

в атаку. Большинство ударов авиации нацеливалось по артиллерийским и минометным батареям, чтобы не позволить им вести огонь в целях прикрытия переднего края огневой завесой непосредственно перед атакой наступающих войск.

В ходе поддержки наступления пехоты и танков авиация наносила сосредоточенные и массированные удары и применяла эшелонированные действия. С возрастанием во фронтах количества штурмовой и бомбардировочной авиации все чаще стали применяться массированные удары, оперативный эффект которых был значительным.

Успех авиационного наступления достигался в первую очередь мощью авиационных ударов, взаимодействием, умелым согласованием выполняемых авиацией задач с артиллерией по месту, времени и цели. Дополняя огонь артиллерии в тех районах, где ведение его было затруднено или невозможно, авиация тем самым решала очень важные оперативно-тактические задачи.

5. ПРОРЫВ ТАКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ОБОРОНЫ

В первых наступательных операциях Великой Отечественной войны войска зачастую предпринимали прорыв с подхода, как это рекомендовал Временный Полевой устав 1936 г. Однако опыт показал, что наступление на обороняющегося противника с подхода связано с огромными трудностями и малорезультативно. Разведка не успевала хорошо вскрыть оборону противника, а артиллерия — надежно подавить ее. Взаимодействие организовывалось неконкретно. За время подхода к переднему краю части несли потери, а атака проводилась разрозненно, что нередко вело к ее срыву. Наступление с подхода оказалось возможным только в условиях неустойчивой обороны противника и при скрытном подходе к ней наступающих войск (10-я армия Западного фронта в контрнаступлении под Москвой), а также в процессе развития операции или прорыва оборонительных рубежей в глубине.

Основным способом перехода войск в наступление при прорыве подготовленной обороны был переход из непосредственного соприкосновения с противником после надежного подавления обороны огнем артиллерии и ударами авиации с последовательным наращиванием усилий из глубины (схема 35). Атака пехоты и танков, как правило, начиналась одновременно на всем участке прорыва и велась при непрерывной артиллерийской поддержке. Глубина атаки по мере увеличения мощи огневого поражения противника, насыщения атакующих войск танками, орудиями сопровождения, подразделениями инженерных войск, а также повышения качества организации взаимодействия непрерывно возрастала и в третьем периоде достигала 3—4 км. Однако не на всем участке прорыва атака на такую глубину шла безостановочно, ибо степень подавления противника и его сопротивление атакующим войскам были не везде одинаковыми.

Развитие атаки в глубину в первом периоде войны обычно осуществлялось вводом вторых эшелонов полков и дивизий, который обеспечивался продолжительным огневым налетом. Усилия их зачастую нацеливались непосредственно на опорные пункты. Когда же применялись обходы и охваты, развитие атаки в глубину проходило более успешно. Иногда охваты и обходы завершались окружением опорных пунктов противника. Но выделение значительного количества сил для их овладения, особенно за счет первого эшелона, отрицательно сказывалось на развитии атаки в глубину, а следовательно, и на темпах прорыва главной полосы обороны.

Несмотря на то что с лета 1942 г. главная полоса обороны противника имела глубину всего 3—4 км, для завершения ее прорыва часто приходилось атаку повторять несколько раз, а прорыв ее на всю глубину осуществлялся в течение двух-трех суток и лишь иногда (Погорело-Городищенская операция) завершался за один день.

Затяжной характер прорыва главной полосы обороны объяснялся и тем, что войска, израсходовав боеприпасы на артиллерийскую подготовку и поддержку атаки, слабо сопровождалась огнем артиллерии. При недостатке танков легкоуязвимая пехота несла большие потери и продвигалась медленно; ударные группировки не имели сильных моторизованных подвижных групп, а созданные из кавалерийских соединений не обладали необходимой пробивной силой для завершения прорыва оборонительных полос.

Приобретенный советскими войсками боевой опыт, увеличение надежности огневого поражения противника в период артиллерийской подготовки, совершенствование методов огневой поддержки, большее насыщение пехоты танками НПП, появление в составе ударных группировок сильных подвижных групп позволяли сделать процесс прорыва безостановочным не только на глубину главной полосы, но нередко и на глубину всей тактической зоны обороны. Так, в контрнаступлении под Сталинградом большинство танковых корпусов было введено в сражение для развития атаки или завершения прорыва главной полосы обороны. Это позволило нарастить усилия стрелковых дивизий и быстро выйти в район основных артиллерийских позиций противника. При высоком темпе продвижения танковых бригад артиллерия противника не успевала изготовиться к отражению их атак, что создавало благоприятные условия для наступления всей ударной группировки в глубину обороны неприятеля.

С переходом к позиционной обороне развитие атаки изменилось. В связи с тем что первый эшелон полков прорывал сквозной атакой обычно только первые две траншеи, для завершения прорыва всей первой позиции и овладения второй в бой вводились вторые эшелоны полков. В отдельных случаях, когда первому эшелону полков удавалось овладеть всей первой позицией, вторые эшелоны полков вводились в бой для прорыва второй позиции. Но чаще всего

для решения этой задачи в бой вводились вторые эшелоны дивизий — в промежутки между полками первого эшелона или в исключительных случаях перекатом через их боевые порядки.

Проблема завершения прорыва главной полосы обороны и развития наступления на вторую полосу решалась обычно вводом в бой вторых эшелонов корпусов или подвижных групп. Но для ввода вторых эшелонов корпусов требовалось значительное время; они не обладали достаточной подвижностью и силой удара и поэтому развитие наступления ко второй полосе вели медленно, в пешем порядке. Чтобы лишить противника времени и возможности организовать сплошную оборону на второй полосе и тем локализовать прорыв, советское командование, основываясь на теории глубокой операции, для завершения прорыва главной полосы и наступления на вторую полосу вводит подвижные группы армий, а в ряде случаев и фронтов. Обладая высокой проходимостью, они колоннами выходили к рубежу ввода, с ходу развертывались в боевые порядки и совместно с пехотой при поддержке специально назначенной артиллерии завершали прорыв главной полосы обороны. Массированное применение танков оказывало на противника большое психологическое воздействие, и он обычно не выдерживал их удара.

Проблема прорыва второй полосы в ходе Великой Отечественной войны возникла в 1942 г., когда противник начал создавать ее в своей обороне. Вторая полоса обычно располагалась вне досягаемости основной массы артиллерии; она не просматривалась с наземных наблюдательных пунктов и разведка целей на ней могла осуществляться только авиацией; на предполагаемых направлениях ударов она заблаговременно занималась резервами или их выдвижение предусматривалось во время боя за главную полосу обороны. Сложность прорыва второй полосы состояла и в том, что всей ударной группировке необходимо было переместиться на 10—15 км вперед, почти заново подготовиться к прорыву или вести наступление так, чтобы упредить резервы противника в занятии на ней позиций и воспретить ему восстановление сплошного фронта.

В операциях Великой Отечественной войны применялись различные способы прорыва второй полосы: с ходу, с подготовкой атаки в ограниченные сроки и после планомерной подготовки наступления. Прорыв с ходу являлся основным способом. При его применении войска обычно использовали незанятые или слабо занятые участки второй полосы обороны, без задержки продолжали наступление. На подготовку атаки в ограниченные сроки отводилось не более суток. Прорыв с планомерной подготовкой применялся в тех случаях, когда вторая полоса оказывалась заблаговременно занятой сильными резервами и на подготовку прорыва затрачивалось один-два дня.

В целях ускорения подготовки прорыва второй полосы обороны с лета 1944 г. планирование ее прорыва стало осуществляться во время подготовки операции, а принятые решения уточнялись командующими армиями в ходе завершения прорыва главной полосы обороны. После уточнения решений боевые распоряжения отда-

вались в первую очередь передовым отрядам, основная задача которых заключалась в том, чтобы, не ввязываясь в бой с отходящими войсками и аррьергардами противника, как можно быстрее выйти ко второй полосе и захватить на ней участки, с которых прорыв развивался первыми эшелонами соединений. Если бой передовых отрядов показывал, что противник прочно занял вторую полосу, командиры корпусов на основании указаний командующего армией принимали решения на прорыв ее с подготовкой атаки в ограниченные сроки или с планомерной подготовкой.

При наступлении на вторую полосу обороны противника удары, как правило, наносились по слабым местам — не занятым или наспех занятым войсками противника участкам, если они даже были и менее доступными, или там, где действиями передовых отрядов или подвижных войск устойчивость обороны была нарушена.

Успех прорыва второй полосы во многом определялся умелым массированием войск.

Количество участков прорыва определялось условиями, в которых проходило наступление в тактической зоне обороны. Для корпуса обычно определялся один участок прорыва, преимущественно на стыке наступающих соединений, что позволяло сосредоточить на нем основную массу сил и средств в процессе подхода войск ко второй полосе. Иногда их было больше, если удавалось захватить на второй полосе несколько участков. Когда же противник успевал прочно занять оборону на второй полосе, армия прорывала ее и на одном участке, на котором объединялись усилия двух корпусов и самой армии.

Опыт войны показал, что, если вторая полоса занималась противником даже наспех, прорыв ее успешно осуществлялся тогда, когда создавалось значительное превосходство: 5—8-кратное по артиллерии, 2—3-кратное по пехоте и танкам. Таким его удавалось достичь обычно при плотностях войск: до 3 стрелковых батальонов, около 100 орудий и 6—10 танков НПП на 1 км участка прорыва. В подвижных группах плотности на участках прорыва составляли 50—90 орудий и минометов, 30—50 танков, 1—2 мотострелковых батальона.

Взлом второй полосы обороны осуществлялся в основном мощным огнем налетом или 20—40-минутной артиллерийской подготовкой, во время которых пехота и танки приближались к обороне противника и с их окончанием атаковали передний край. Поддержка атаки обычно велась последовательным сосредоточением огня или огнем по вызову. Но если разведкой устанавливалось, что вторая полоса обороняется прочно, для поддержки атаки применялся огневой вал.

Проблема прорыва второй полосы обороны противника в годы минувшей войны была решена успешно войсками Советской Армии, благодаря чему ударные группировки уже в первый или второй день наступления получили возможность выхода на оперативный простор.

6. РАЗВИТИЕ ТАКТИЧЕСКОГО ПРОРЫВА В ОПЕРАТИВНЫЙ

Развитие тактического прорыва в оперативный требовало решения двух проблем: быстрее развития удара в глубину с целью ликвидировать попытки противника восстановить тактическую оборону или создать организованное сопротивление на новых рубежах и расширения бреши в сторону флангов до таких размеров, чтобы подходящие оперативные резервы вместе с отходящими войсками не могли образовать сплошной фронт в течение всего времени осуществления прорыва.

Наиболее важной и трудной была первая проблема. Решалась она в основном подвижными группами при тесном взаимодействии со стрелковыми войсками, артиллерией и авиацией. До битвы под Курском функции развития тактического прорыва в оперативный в основном возлагались на общевойсковые и танковые армии смешанного состава. Однако опыт показал, что танковые (механизированные) корпуса, наступая в высоких темпах, отрывались от стрелковых дивизий на значительное расстояние и взаимодействие между ними нарушалось, а управление соединениями с разной подвижностью затруднялось. Кроме того, развитие тактического прорыва в оперативный в рамках армейской операции осложнялось и тем, что армия не располагала авиацией, крайне необходимой для поддержки наступления подвижных войск в отрыве от стрелковых соединений.

С учетом этого в начале 1943 г. были созданы однородные танковые армии в составе одного-двух танковых и одного механизированного корпусов. Такие танковые армии являлись средством Ставки ВГК и придавались фронтам, которые стали выполнять главные функции развития тактического прорыва в оперативный. Обычно фронт, действовавший на важнейшем направлении, получал одну-две, а иногда (Уманско-Ботошанская, Проскуровско-Черновицкая и Львовско-Сандомирская операции) и три танковые армии. Они составляли подвижную группу и предназначались для развития тактического успеха в оперативный.

Танковые армии вводились в сражение в целях завершения прорыва главной или второй полос обороны или после прорыва всей тактической зоны обороны. Характер использования танковых армий во многом определялся и личными взглядами на этот вопрос отдельных командующих фронтами. Например, Маршал Советского Союза И. С. Конев всегда был сторонником использования танковых армий для завершения прорыва тактической зоны обороны. Но ранний ввод армий в сражение приводил иногда к потере до 30—40% танков только за время тактического прорыва, что снижало их боевые возможности при его развитии в оперативный.

Ставка и командующие ряда фронтов стремились прорыв тактической зоны обороны завершить стрелковыми соединениями, усиленными танками НПП и артиллерией, а также подвижными группами армий. Конно-механизированные группы чаще всего вводи-

лись за второй полосой обороны, ибо ввод их в прорыв раньше был связан с большими потерями в кавалерии, что вело к потере качеств, необходимых для стремительных действий в оперативной глубине.

Ввод фронтовых подвижных групп после прорыва тактической зоны обороны, особенно когда образовывалась «чистая» брешь, позволял им быстро продвигаться в глубину, дробя оперативный фронт противника, что приносило более крупные результаты, чем ввод подвижных групп в пределах тактической обороны противника.

В тех случаях, когда танковые армии использовались для завершения прорыва тактической зоны обороны противника, наиболее целесообразным являлся пошелонный ввод их сил: сначала передовых бригад танковых (механизированных) корпусов — для завершения прорыва главной полосы обороны совместно с первыми эшелонами общевойсковых армий, а затем главных сил — для прорыва второй полосы обороны. В этом случае стрелковые войска еще сохраняли достаточно ударных возможностей, чтобы при небольшом усилении артиллерией и помощи танковых соединений завершить образование бреши в наиболее прочно оборудованной полосе тактической зоны обороны. Танковые (механизированные) корпуса, выделив часть сил в состав передовых отрядов, получали возможность совместно с пехотой и танками НПП разгромить последний мощный противотанковый рубеж противника, образуемый огневыми позициями его артиллерии, без задержки атаковать третью позицию, где противник не успевал подготовить сплошную оборону, и с ее прорывом создать благоприятные условия для стремительного выхода главных сил ко второй полосе, что являлось важнейшей предпосылкой прорыва ее с ходу, а следовательно, перерастания тактического прорыва в оперативный.

Успех ввода танковых и механизированных соединений в сражение в немалой степени зависел и от ширины созданной в обороне противника бреши. По довоенным взглядам, для механизированного корпуса брешь должна была быть от 20 до 25 км, из которой 6—8 км предназначалось для движения танковых дивизий и 6—8 км — для обеспечения танков от действительного огня легкой артиллерии противника с флангов¹.

Опыт войны показал, что для обеспечения выдвижения танковых колонн от огня с флангов нужно не более 2—3 км, т. е. с каждого из флангов на дальность ведения огня прямой наводкой орудий и танковых пушек. Это позволяло успешно вводить в сражение танковую армию в полосе 8—12 км, а отдельные танковые корпуса в полосе 4—6 км.

Ввод в сражение танковых армий, танковых и механизированных корпусов обеспечивался огнем артиллерии и значительным количеством авиации фронта. Преодолев тактическую зону обороны, подвижные группы устремлялись к армейской полосе обо-

¹ См.: Тактика танковых войск. М., Воениздат, 1940, с. 125.

роны, развивали наступление к важным оперативным объектам или навстречу подвижной группе, наступавшей с другого направления, в целях замыкания фронта окружения.

В развитии тактического прорыва в оперативный удар в глубину принимали участие и общевойсковые соединения и объединения, которые прорывали вторую полосу обороны и развивали успех в оперативную глубину своими передовыми отрядами, состав которых доходил до усиленной танковой бригады, высылаемой от корпуса или армии. В некоторых операциях для развития наступления в оперативную глубину использовались и общевойсковые армии, находившиеся во втором эшелоне фронта.

Расширение участка прорыва начиналось обычно с прорывом наиболее прочного рубежа обороны, когда в нем вскрывались слабо защищенные фланги и возникала возможность без особо больших затрат сил и средств «сматывать» оборону на флангах. При прорыве очаговой неглубокой обороны это делалось уже в ходе прорыва первой позиции, для чего использовалась часть сил фланговых соединений.

С переходом противника к позиционной обороне возможности для ударов в сторону открывавшихся флангов возникали обычно после прорыва главной полосы, а чаще — всей тактической зоны обороны.

Расширение участка прорыва было составной частью ведения прорыва и играло важную роль в образовании оперативных брешей. В силу этого оно планировалось заранее и для этой цели выделялись соответствующие силы и средства.

7. ПЕРЕРАСТАНИЕ ОПЕРАТИВНОГО ПРОРЫВА В СТРАТЕГИЧЕСКИЙ

За годы Великой Отечественной войны советские войска пять раз осуществляли стратегический прорыв: на юго-западном направлении зимой 1942/43 г., на Правобережной Украине зимой 1944 г., в Белоруссии и Румынии летом 1944 г. и в Польше в январе 1945 г. Стратегический прорыв являлся результатом наступления нескольких фронтов, когда их оперативные прорывы объединялись в общий прорыв, что вынуждало противника начать отступление в полосе группы армий и принимать меры по восстановлению стратегического фронта на новом рубеже.

Развитие оперативных прорывов в стратегический осуществлялось путем проведения ряда последовательных или одновременных операций, в которых значительную роль играли операции на окружение и уничтожение окруженных вражеских группировок.

В зимней кампании 1942/43 г. в результате окружения, а затем уничтожения крупнейшей стратегической группировки врага в районе Сталинграда в его обороне была образована огромная брешь. Однако наши фронты в ноябре 1942 г. не располагали силами для одновременного разгрома окруженной группировки и развития наступления на внешнем фронте окружения. В результате возникшей паузы противнику удалось за счет соединений

вновь созданной группы армий «Дон» временно закрыть образовавшуюся брешь.

Последовавший вскоре разгром противника на Северном Кавказе и Верхнем Дону окончательно разрушил стратегический фронт на юго-западном стратегическом направлении, для воссоздания которого он вынужден был перебросить крупные силы с западного направления из Германии и ряда стран Западной Европы.

Стратегический прорыв в зимней кампании 1944 г. на Правобережной Украине был осуществлен серией последовательных операций. В Житомирско-Бердичевской, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской и Ровно-Луцкой операциях оборона противника на фронте в 1000 км была расшатана, а его силам нанесены крупные потери. Внезапные рассекающие удары трех Украинских фронтов в марте 1944 г. привели к крушению стратегического фронта противника на Правобережной Украине, в результате чего он был отброшен в Западную Украину, к Карпатам и границе с Румынией. Для воссоздания стратегического фронта противник вынужден был перебросить многие соединения из Румынии, Венгрии, Югославии, Франции, Дании, Германии и резерва главного командования.

В летне-осенней кампании 1944 г. развитие оперативных прорывов в стратегический осуществлялось путем окружения и уничтожения крупных группировок противника с одновременным развитием наступления в глубину, что вело к образованию огромных и глубоких брешей в стратегической обороне врага. Особенностью этого способа состояла в том, что развитие прорывов от тактических до стратегического проходило непрерывно, что явилось новым качеством в развитии наступательных операций Советской Армии.

Стратегический фронт противника на западном направлении зимой 1945 г. был сокрушен мощными и стремительными рассекающими ударами войск 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского при содействии 3-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов. Уже с прорывом тактической зоны обороны ряд ударных группировок перешли в преследование, на третий день операции были образованы единые фронтовые и межфронтовые участки прорыва, в которых развернулись стремительные действия в глубину, приведшие к полному крушению стратегического фронта противника и выходу войск Советской Армии и Войска Польского к Одеру и Нейсе.

В двух кампаниях нашим войскам не удалось осуществить стратегический прорыв. Зимой 1941/42 г. Советская Армия еще не располагала крупными танковыми и механизированными соединениями, что не позволило быстро окружить значительные группировки врага, рассечь его фронт на западном направлении и тем образовать стратегическую брешь в его обороне. К тому же Ставкой было допущено некоторое распыление сил и средств.

В летне-осенней кампании 1943 г. Советская Армия провела ряд последовательных операций на фронте шириной до 2000 км. Общее продвижение составило 200—700 км, и был создан ряд

предпосылок для перерастания оперативных прорывов в стратегический на главном — юго-западном направлении. Однако завершить процесс образования стратегического прорыва не удалось.

Одна из причин состояла в том, что затраты сил и средств на осуществление оперативно-тактических прорывов позиционной обороны противника были велики. К тому же переход в контрнаступление под Курском осуществлялся после тяжелых оборонительных сражений. В силу всего этого, когда возникли предпосылки для ведения оперативного преследования, объединения не имели уже такого количества войск, особенно подвижных, которые могли бы сбивать прикрытие противника, глубоко врезаться в его оперативное построение, громить отходящие колонны и тем самым создавать и расширять незанятые войсками противника пространства.

Существенная причина состояла и в том, что в избранных формах оперативных прорывов не предусматривалось окружение крупных группировок врага, уничтожение которых сразу бы образовывало широкую брешь в его стратегической обороне. Сил же для сокрушения всего стратегического фронта рассекающими ударами еще не хватало. Несмотря на то что в ходе кампании было разгромлено 118 дивизий, полностью уничтоженными оказались всего 14 дивизий¹, в то время как в зимней кампании 1942/43 г. — 45 дивизий².

Стратегический прорыв не удалось образовать также потому, что в момент, когда на ряде направлений наши войска перешли в оперативное преследование, на их пути оказался широкий Днепр. Он позволил противнику выиграть от шести до восьми дней, пережить кризис и потерять при этом лишь ряд важных районов на западном берегу водного рубежа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт многочисленных операций, проведенных войсками Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, показал, что прорыв являлся наиболее трудным этапом наступательной операции и требовал тщательной и всесторонней подготовки, детального планирования, глубокого знания противника, системы его обороны и способов действий, искусного применения имевшихся сил и средств, твердого, гибкого и непрерывного управления войсками.

Подготовленная оборона обладала большой прочностью и устойчивостью. Искусство ее прорыва выражалось прежде всего в умелом сосредоточении сил и средств на избранном направлении, участке и создании решающего превосходства над противником. Это достигалось за счет смелого ослабления второстепенных направлений, внутрифронтных и внутриармейских перегруппировок, а также маневра силами и средствами резерва Верховного Главнокомандования. Высокое искусство массирования сил и средств

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. Т. 2, с. 467.

² Там же, с. 465.

проявляли те командиры, которые глубоко понимали сущность прорыва, его природу.

Решающим средством взлома обороны противника являлся огонь, в первую очередь огонь артиллерии. Огонь подготавливал и непрерывно сопровождал удар пехоты и танков на всю глубину осуществления прорыва. Разработанная в годы войны стройная система артиллерийского и авиационного наступления с точным расчетом снарядов, мин, бомб, самолето-вылетов по объектам, размеров поражаемой площади и времени надежно обеспечивала поражение обороны противника и успешное продвижение наступающих войск. Опыт войны показал, что вопросы огневого поражения противника должны быть постоянно в центре внимания командиров и штабов всех инстанций, а общевойсковой командир обязан глубоко знать боевые возможности средств поражения и умело использовать их в наступлении.

Непременным условием успешного прорыва вражеской обороны являлось внезапное нанесение удара, что застигало противника врасплох, парализовало его волю, вносило растерянность, дезорганизацию и не позволяло использовать в полной мере возможности обороны. В силу этого скрытая подготовка прорыва, введение противника в заблуждение об истинных намерениях и применение неизвестных ему форм и способов действий являлись неотъемлемой частью планирования операций и особой заботой Ставки, командующих фронтами (армиями), командиров соединений, частей и штабов.

Участие в прорыве крупных сил различных родов войск, авиации, специальных войск с их разнообразным вооружением и боевой техникой требовало четкого объединения и согласования их усилий по цели, месту и времени на всю глубину прорыва. Плохая организация взаимодействия, нечеткая постановка задач приводила к несогласованным действиям войск, к дроблению и распылению их усилий, неполному использованию боевых возможностей и к ограниченным результатам. Поэтому тщательная организация взаимодействия всех сил и средств, участвующих в прорыве, являлась первейшей обязанностью командиров всех степеней и одним из решающих факторов достижения успеха.

Опыт войны показал, что начавшийся прорыв необходимо вести решительно, активно, с полным напряжением сил, с тем чтобы как можно быстрее пробиться в глубину. Поэтому своевременное наращивание усилий, осуществление маневра, противодействие мероприятиям противника в стремлении закрыть образуемую брешь резервами находились постоянно в поле зрения командующих и командиров в ходе ведения прорыва.

Прорыв обороны чаще всего совершался неравномерно. Своевременное использование наметившегося успеха, ослабленных мест, промежутков, разрывов в обороне врага в целях расширения и углубления бреши ударом свежих сил или изменения направления усилий наступающих войск являлось одним из важных условий успешного прорыва обороны на всю ее оперативную глубину.

Постоянное достижение успеха имело большое значение не только для расстройтва обороны врага, но и для увеличения морального перевеса над противником. Успех прорыва поднимал дух наших войск и снижал дух обороняющихся сил врага. Вместе с тем опыт войны показал, что всякое движение вперед должно быть подготовлено и тесно согласовано с огнем. Атаки противника, не подавленного или слабо подавленного огнем, обычно приводили к значительным потерям, неудаче, который всегда отрицательно сказывался на боевом порыве наступающих войск, приводил к замедленным, осторожным действиям, что вело к снижению темпов наступления.

Как ни велик был первоначальный успех, как ни сильно был повергнут противник, он продолжал оказывать упорное сопротивление, предпринимал зачастую коварные действия. Поэтому наряду с решительным движением в оперативную глубину командир и командующие стремились поддерживать в войсках бдительность, четкую организованность, что избавляло войска от неожиданных ударов. Те командир, которые с прорывом оперативной обороны позволяли себе расслабиться, забывали о коварности врага, нередко попадали в трудное положение, терпели, пусть временные, неудачи, которые, однако, отрицательно сказывались на конечных результатах проводимых операций.

В целом опыт минувшей войны показал, что командир должен глубоко понимать сложную природу вооруженной борьбы, уметь быстро и верно оценивать обстановку и принимать отвечающие ей решения, обладать высокой профессиональной подготовкой, коммунистической убежденностью, силой воли и организаторскими способностями, проявлять творчество и инициативу, уметь обучать, воспитывать и вести в бой подчиненных для достижения победы.

Незаменимым средством выработки таких качеств, познания процессов, происходящих в военном деле в современных условиях, совершенствования военного мышления и расширения военного кругозора является глубокое изучение богатейшего боевого опыта минувшей войны. Творческое его использование с учетом происходящих изменений в военном деле имеет большое значение для дальнейшего повышения боевой мощи наших Вооруженных Сил, укрепления обороноспособности страны, развития военного дела.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
<i>Глава первая</i>	
Прорыв в операциях первого периода Великой Отечественной войны	7
1. Опыт прорыва в операциях летне-осенней кампании 1941 г.	—
2. Прорыв в операциях зимней кампании 1941/42 г.	9
3. Опыт прорыва в операциях летне-осенней кампании 1942 г.	22
<i>Глава вторая</i>	
Развитие теории и практики прорыва во втором периоде войны	35
1. Прорыв в зимней кампании 1942/43 г.	—
2. Прорыв позиционной обороны противника в операциях летне-осенней кампании 1943 г.	52
<i>Глава третья</i>	
Совершенствование форм и способов прорыва в третьем периоде войны	77
1. Прорыв в операциях зимней кампании 1944 г.	—
2. Совершенствование прорыва в операциях летне-осенней кампании 1944 г.	96
3. Искусство прорыва обороны противника в операциях 1945 г.	124
<i>Глава четвертая</i>	
Итоги развития теории и практики прорыва в Великой Отечественной войне	162
1. Виды и формы прорыва обороны противника	—
2. Выбор направлений ударов и участков прорыва	166
3. Массирование сил и средств и построение войск	172
4. Огневое поражение противника	176
5. Прорыв тактической зоны обороны	180
6. Развитие тактического прорыва в оперативный	184
7. Перерастание оперативного прорыва в стратегический	186
З а к л ю ч е н и е	188

Алексей Иванович Радзиевский

ПРОРЫВ

Редактор *А. Д. Синяев*
Художественный редактор *Н. Б. Попова*
Художник *Б. С. Иванов*
Технический редактор *А. П. Бабина*
Корректор *Г. С. Бедненко*

ИБ № 886

Сдано в набор 23.12.77 г.

Подписано в печать 16.11.78 г.

Г-10339

Формат 60×90/16 Бумага типографская № 1. Гар. лит.

Высокая печать. Печ. л. 12. Усл. печ. л. 12 + вкл. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2.

Уч.-изд. л. 16,236.

Тираж 17 000 экз.

Изд. № 5/4504.

Зак. 2.

Цена 1 р, 50 к.

Воениздат

103160, Москва, К-160

2-я типография Воениздата

191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

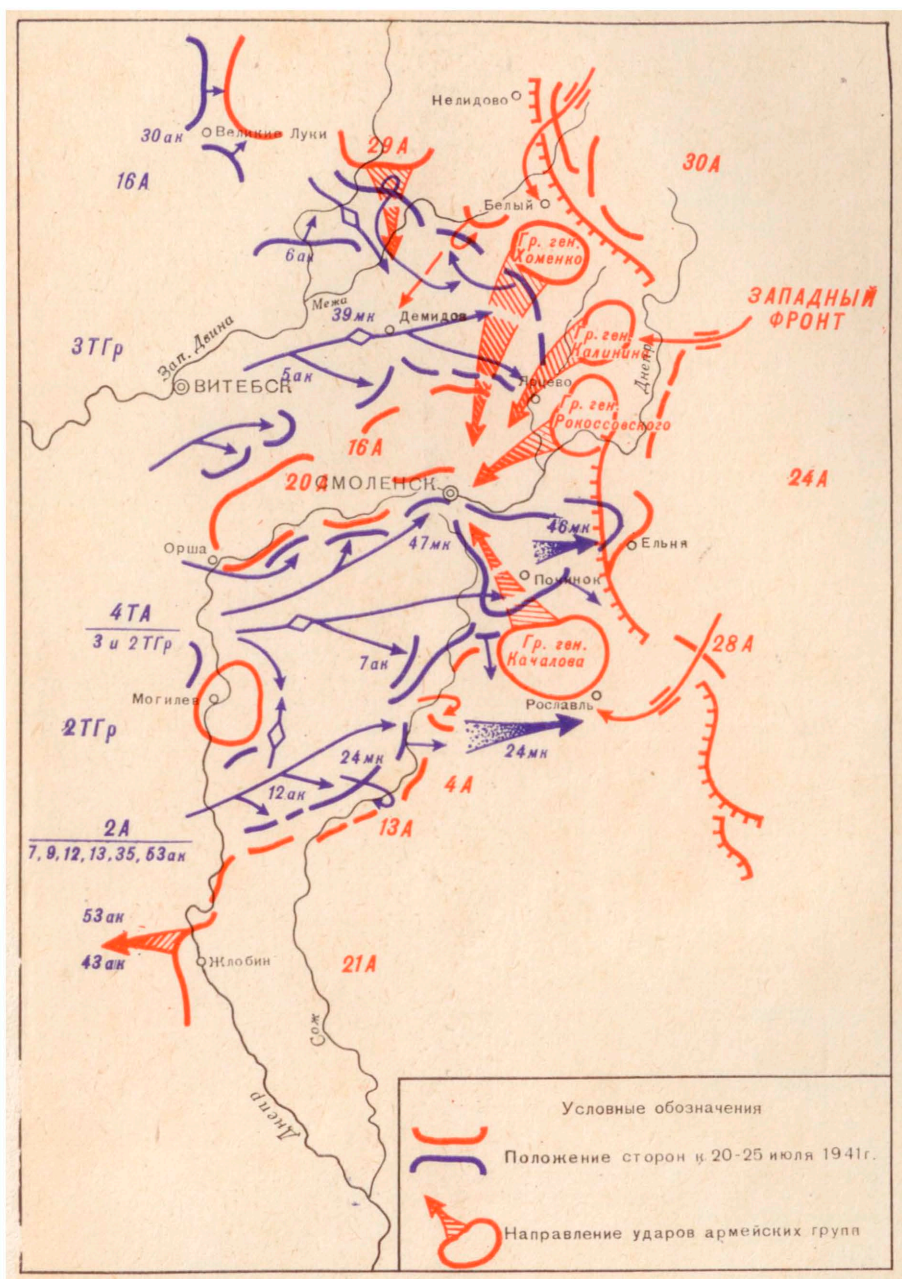

Схема 1. Обстановка на Западном стратегическом направлении к 20—25 июля и формы оперативного прорыва в первом наступлении в районе Смоленска

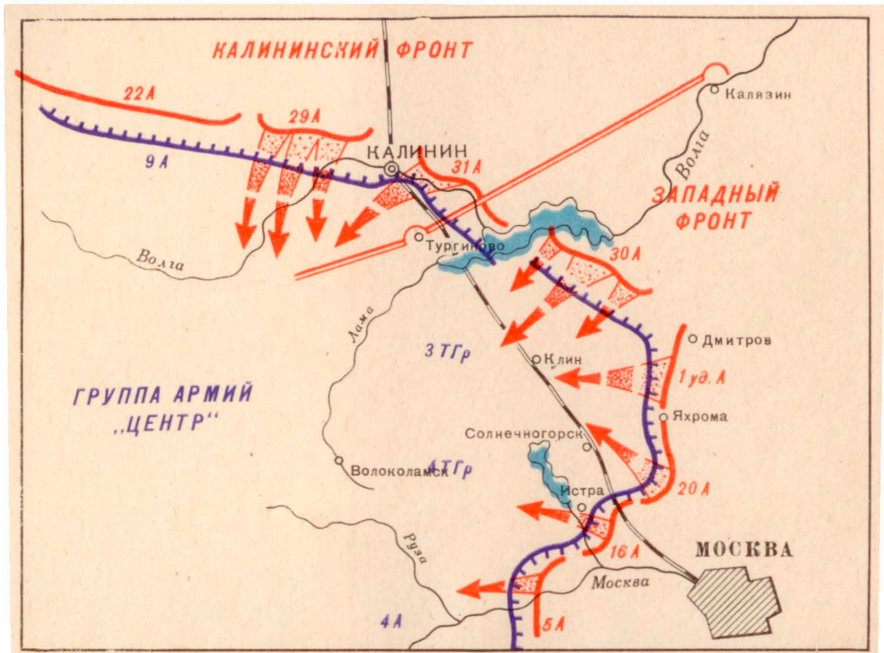

Схема 2. Сосредоточение усилий армий Западного и Калининского фронтов при переходе в контрнаступление под Москвой

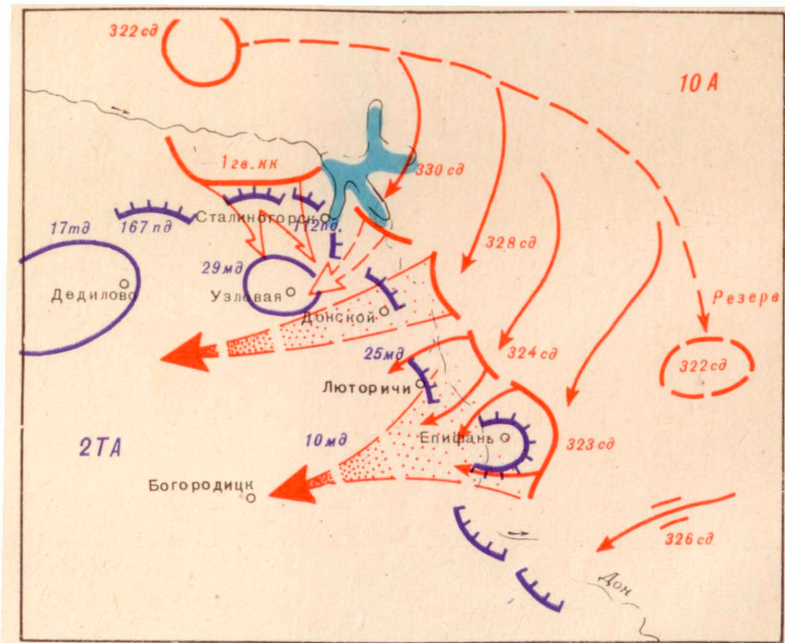

Схема 3. Решение командующего 10-й армией на прорыв оборонительного рубежа на р. Дон

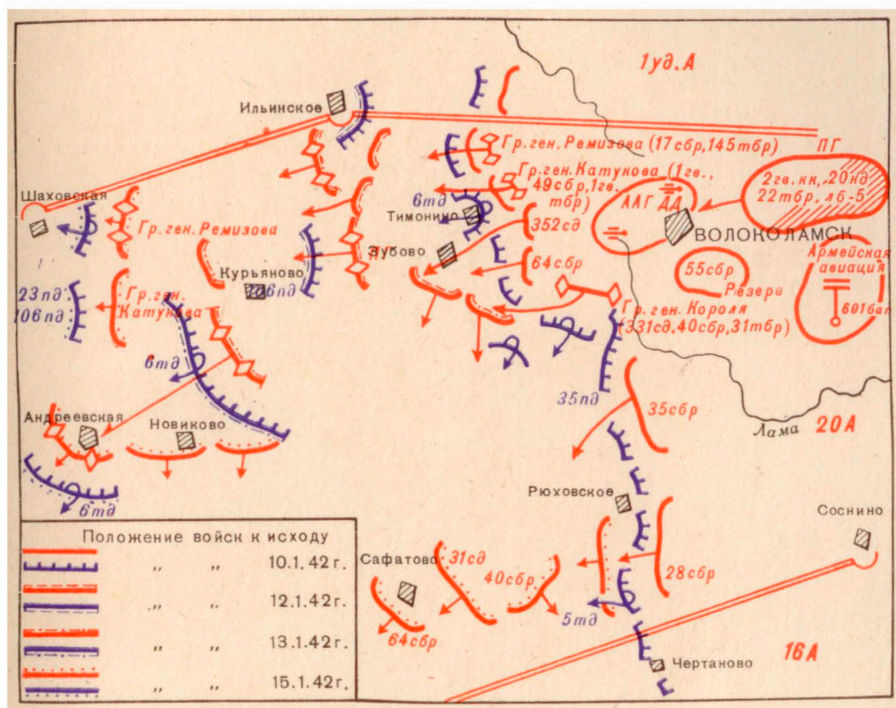

Схема 4. Прорыв обороны противника войсками 20-й армии на р. Лама (январь 1942 г.)

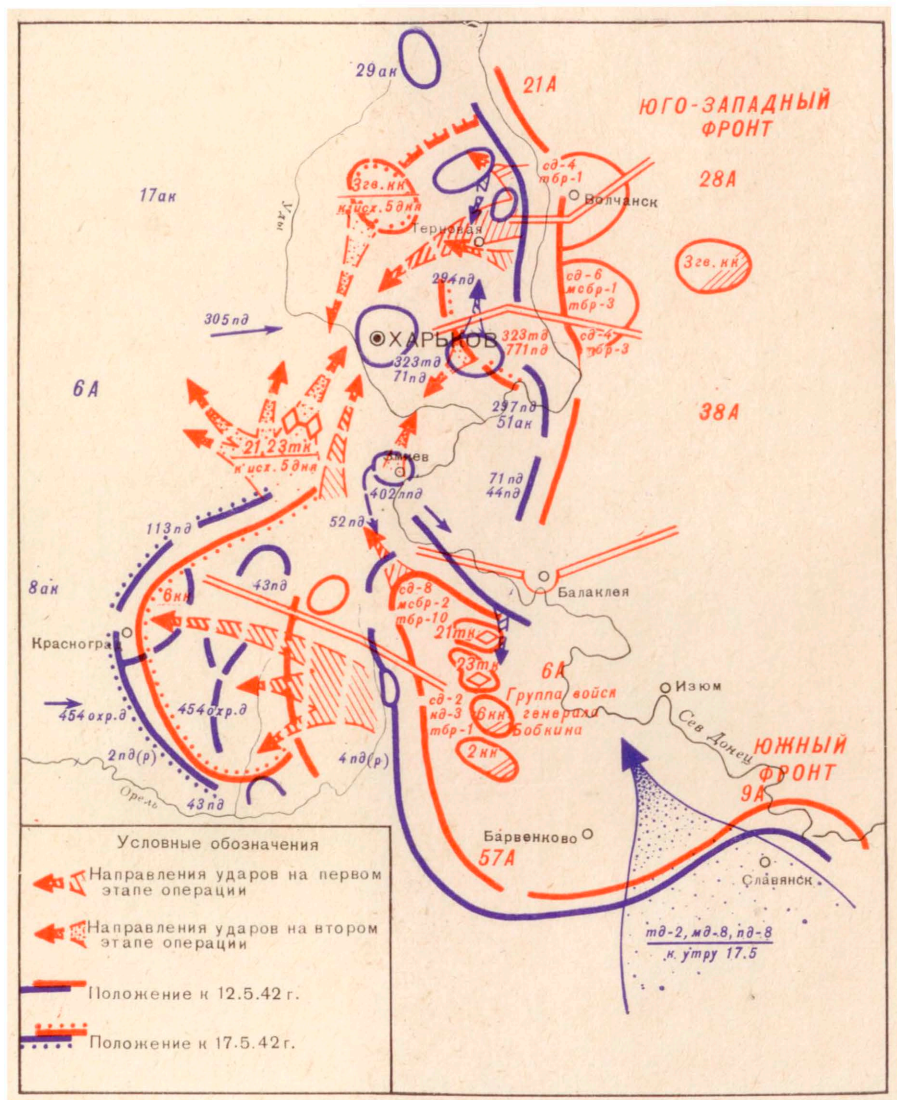

Схема 5. Замысел Харьковской операции и глубина продвижения войск при прорыве (май 1942 г.)

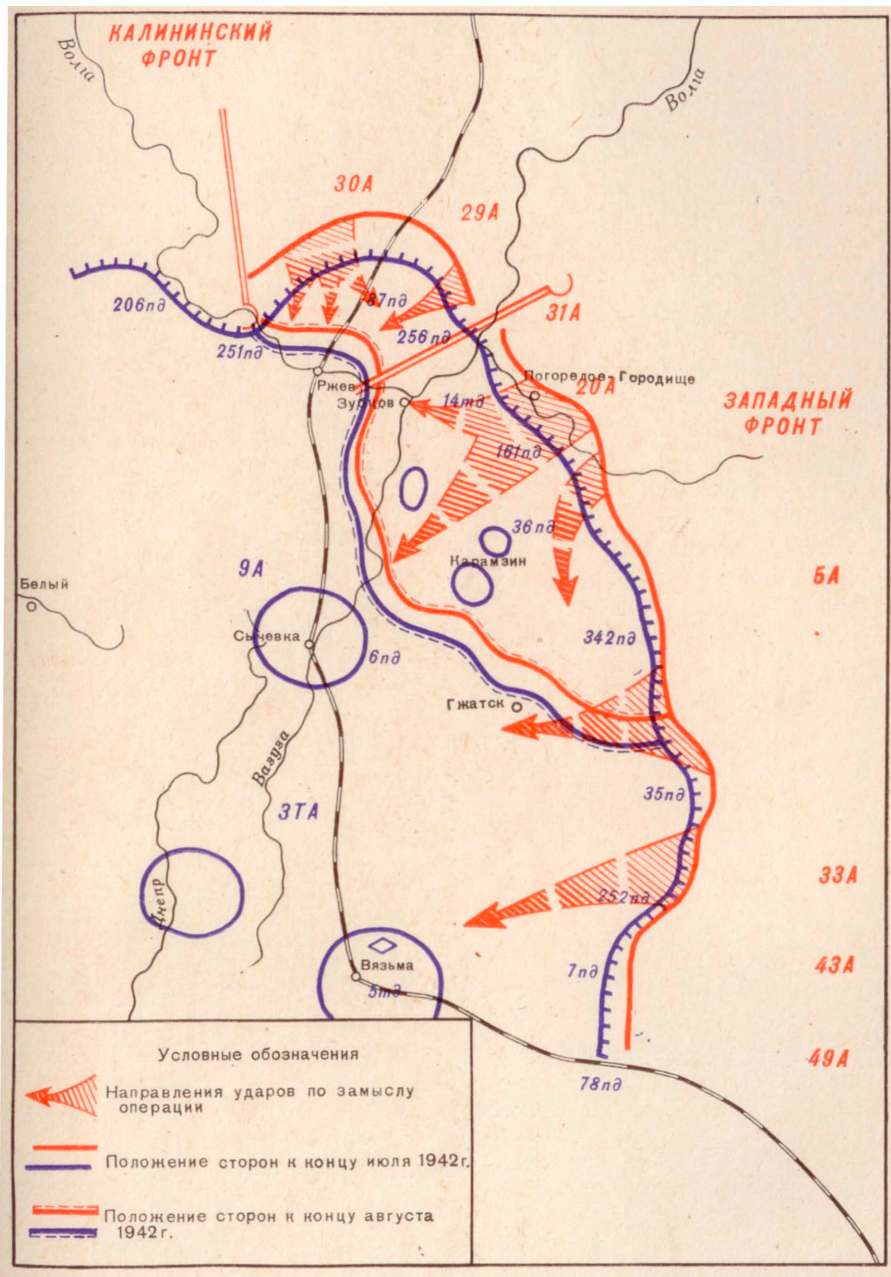

Схема 6. Замысел Ржевско-Сычевской операции (август 1942 г.)

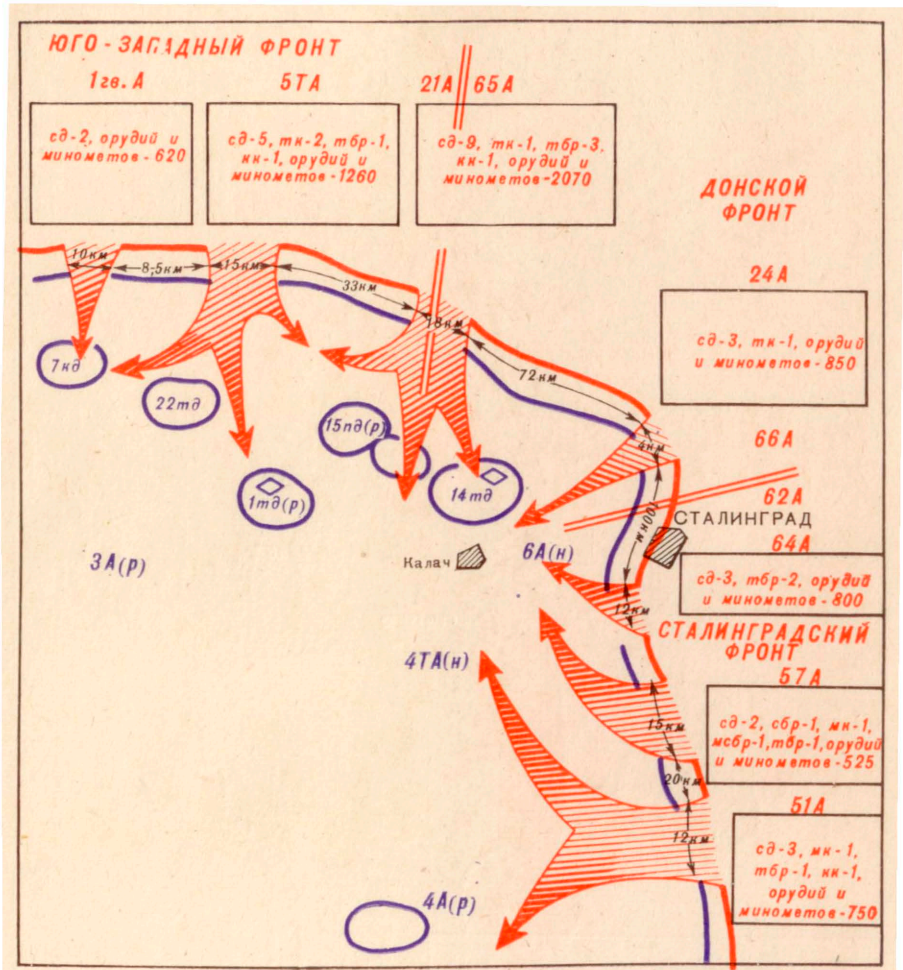

Схема 7. Состав ударных группировок, ширина участков прорыва и их взаимное удаление в контрнаступлении под Сталинградом

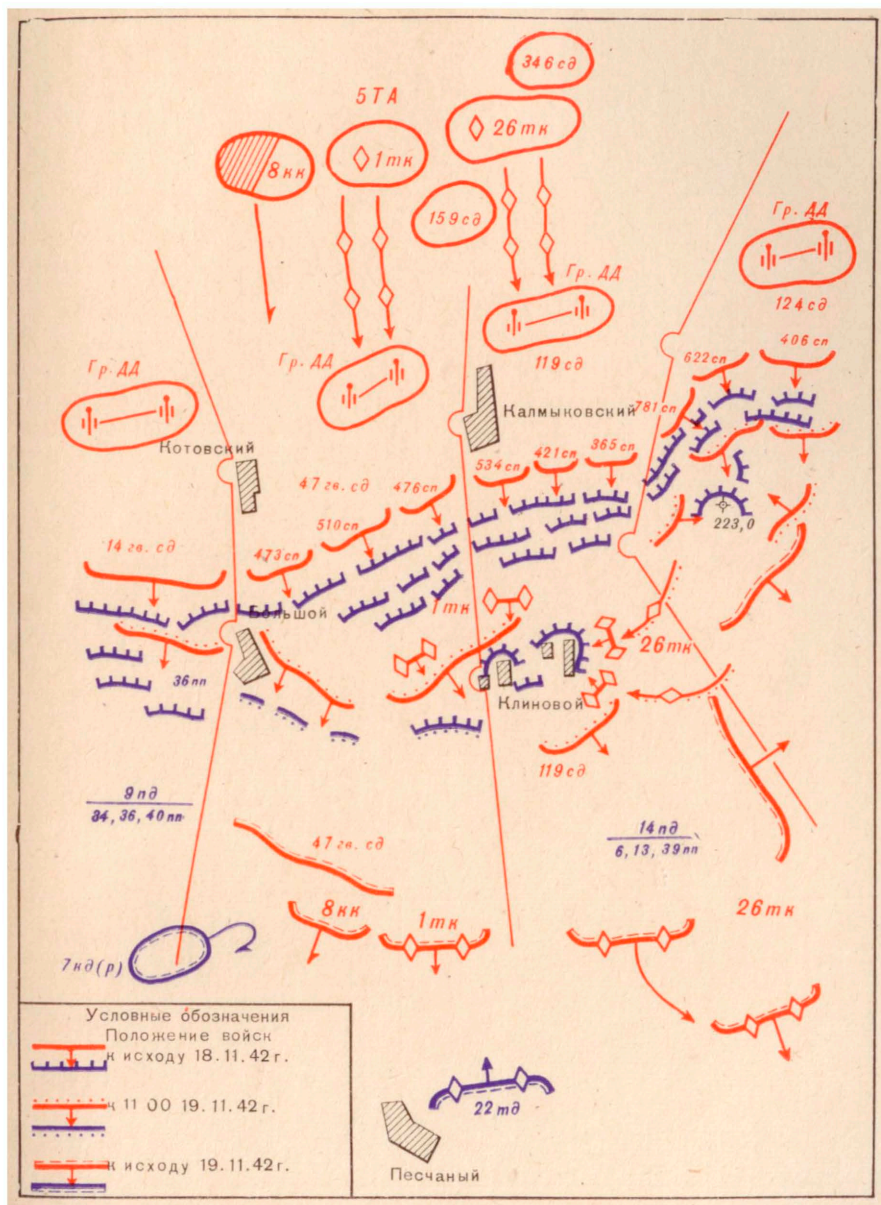

Схема 8. Боевые действия соединений 5-й танковой армии в ходе прорыва (ноябрь 1942 г.)

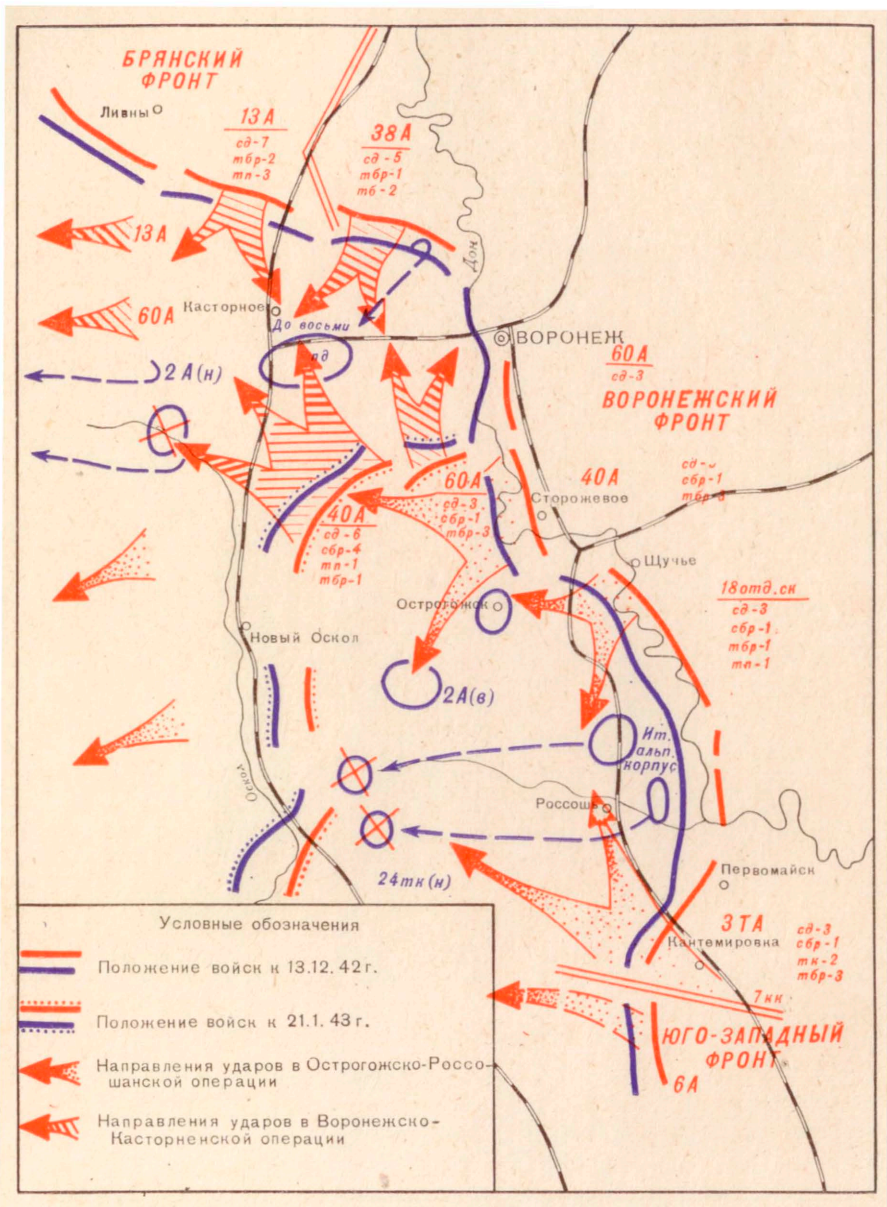

Схема 9 Формы оперативного прорыва в Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операциях и состав ударных группировок

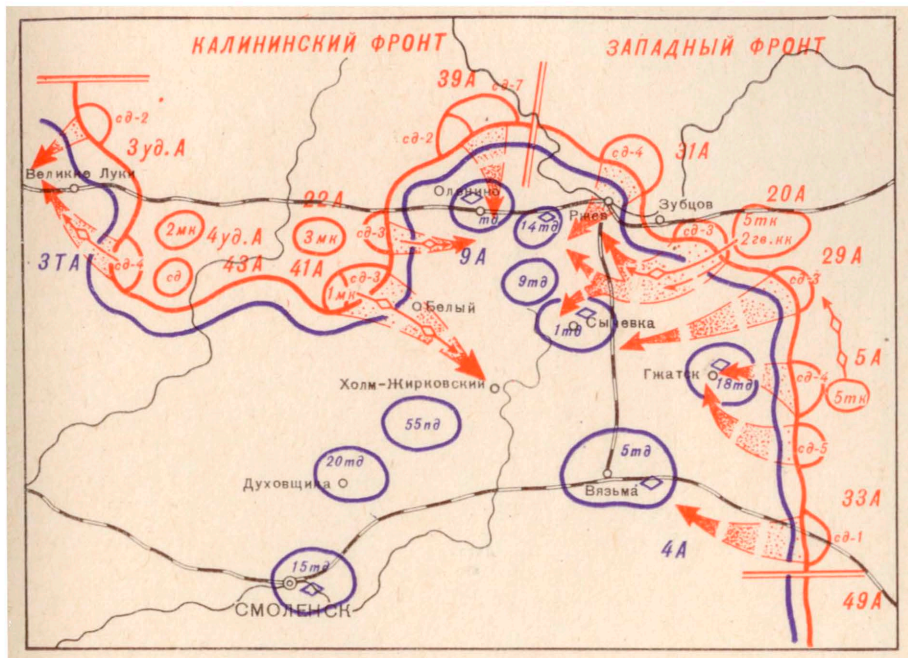

Схема 10. Замысел на операцию «Марс» (1942 г.)

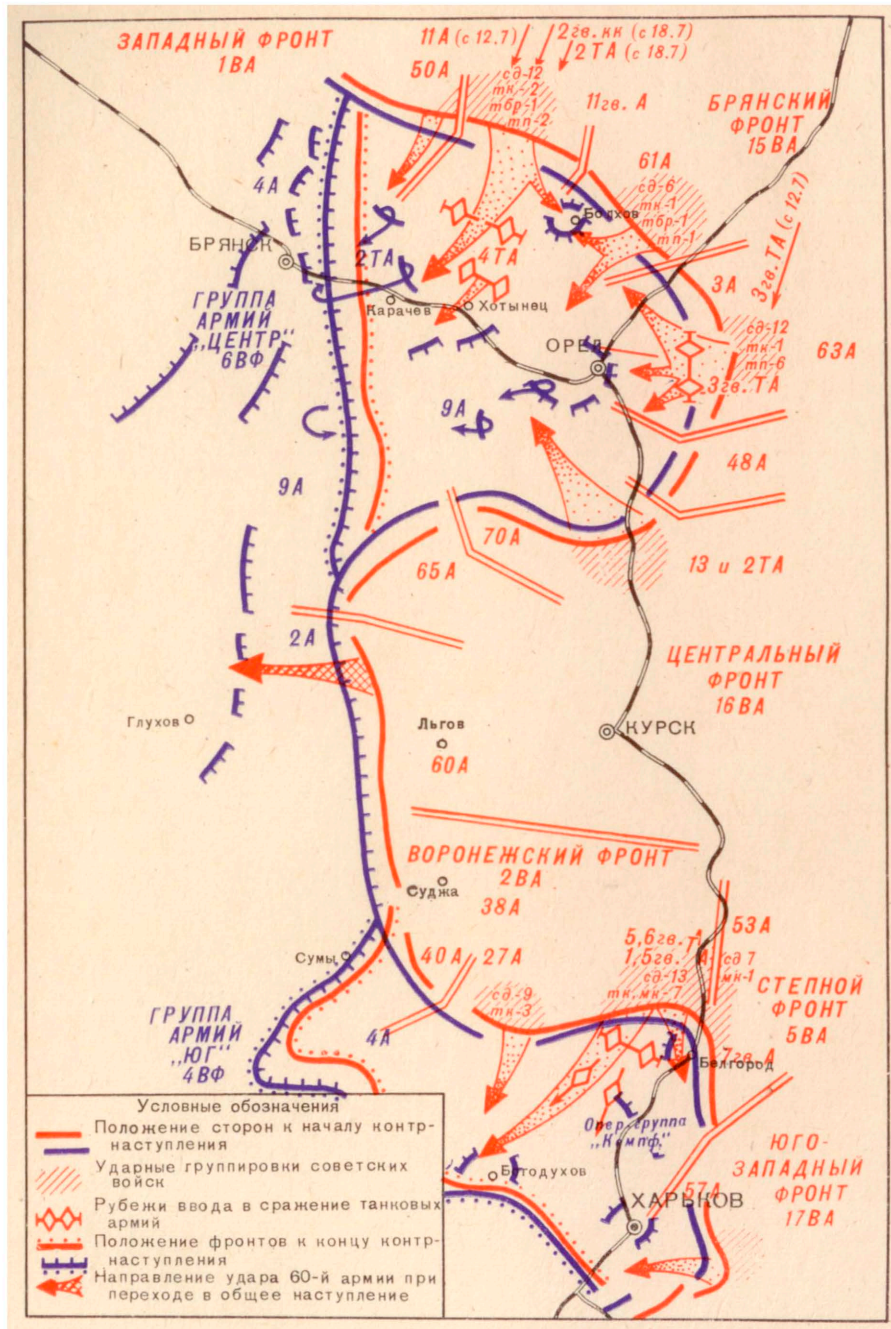

Схема 11. Формы оперативных прорывов в контрнаступлении под Курском и состав ударных группировок

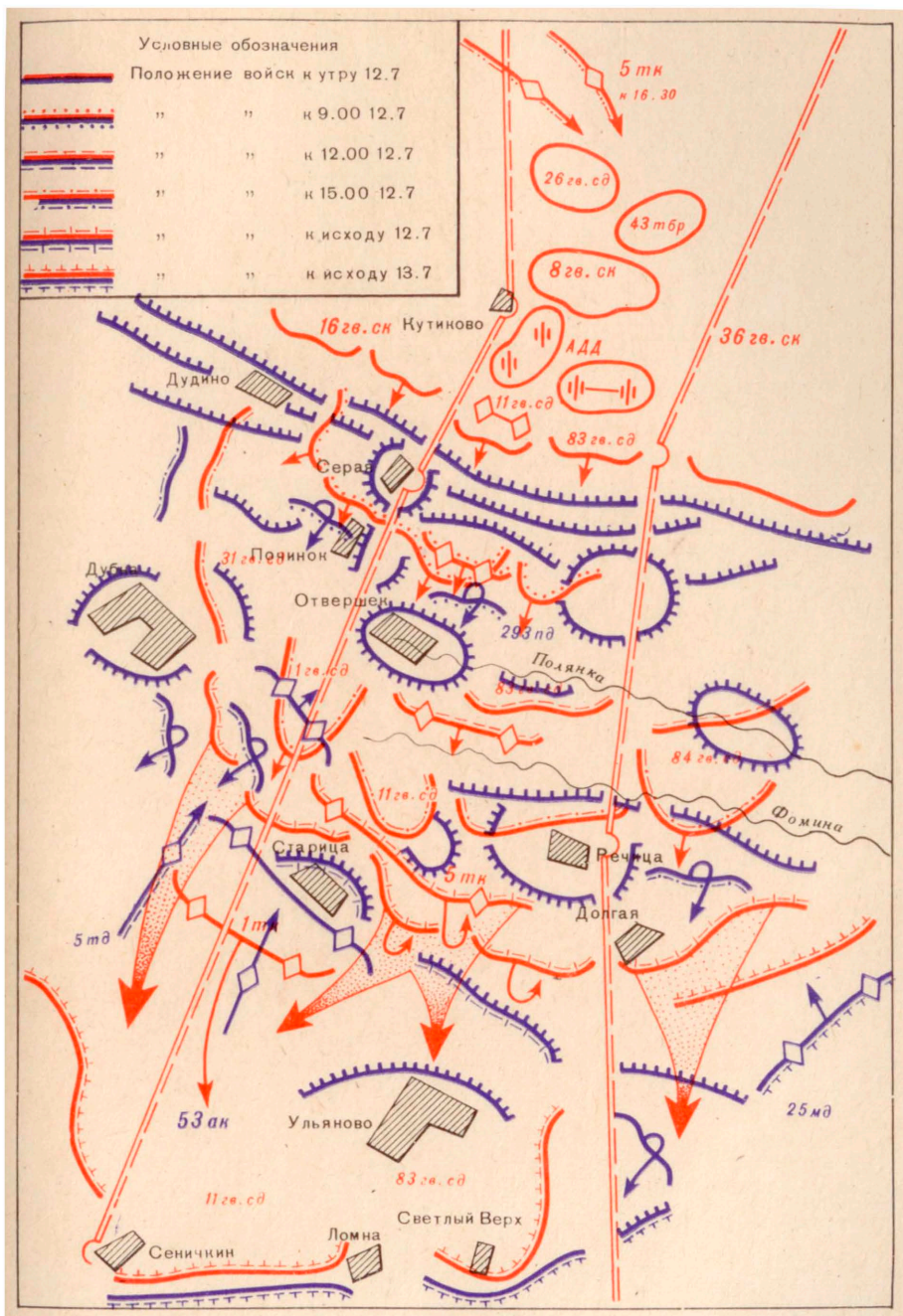

Схема 12. Прорыв обороны противника 8-м гвардейским стрелковым корпусом (июль 1943 г.)

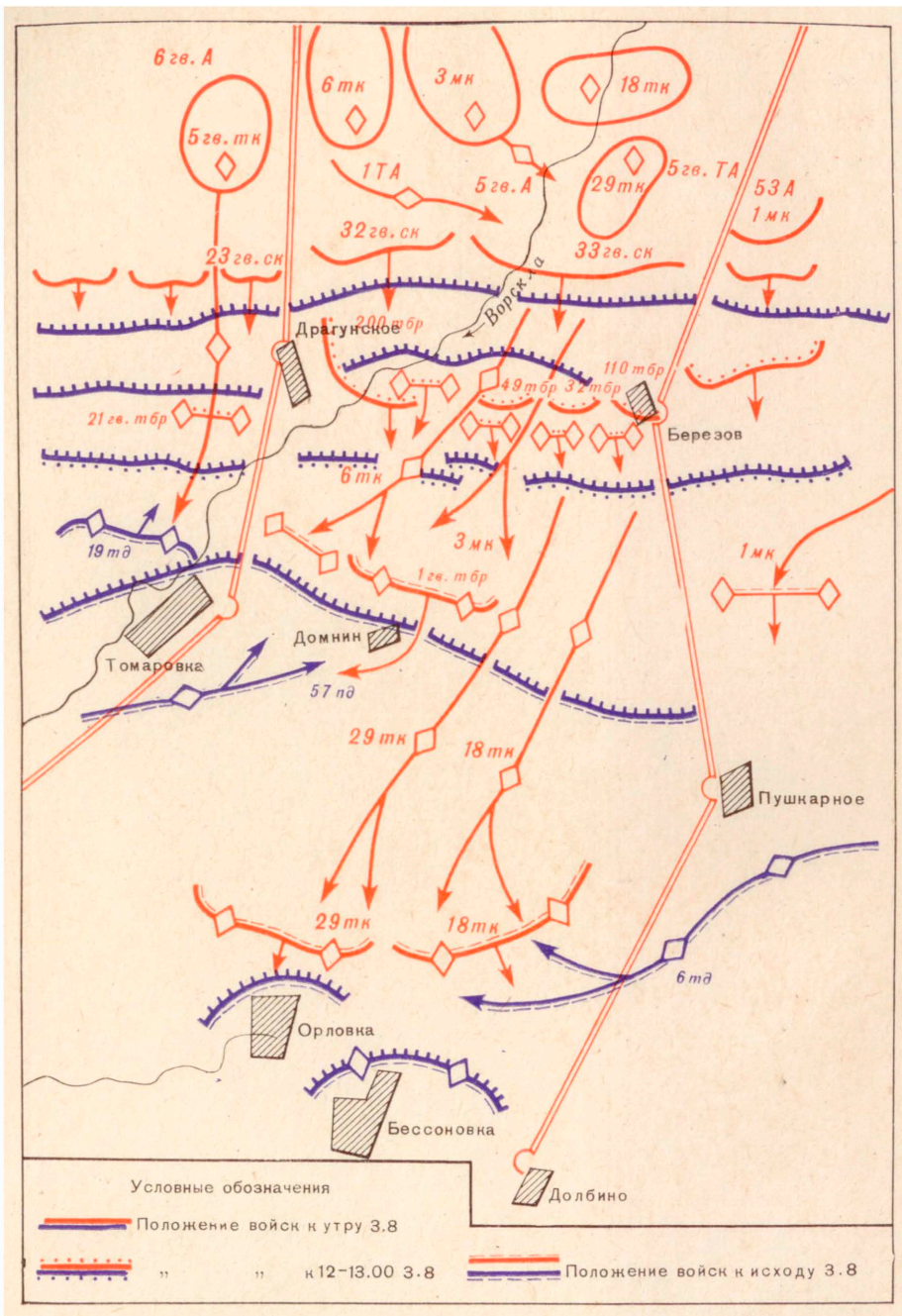

Схема 13. Действия танковых армий при развитии прорыва в Белгородско-Харьковской операции (август 1943 г.)

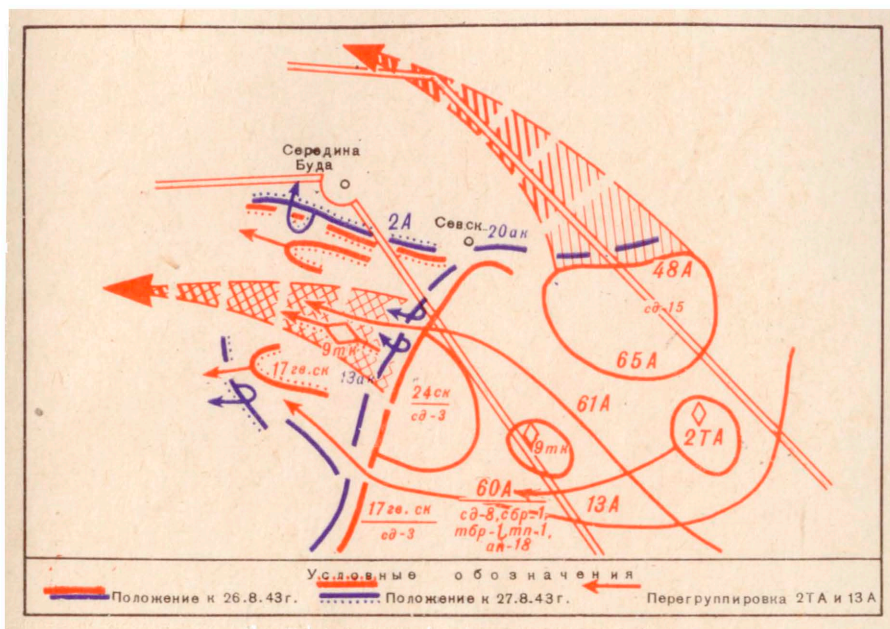

Схема 14 Прорыв обороны противника войсками 60-й армии (август 1943 г.)

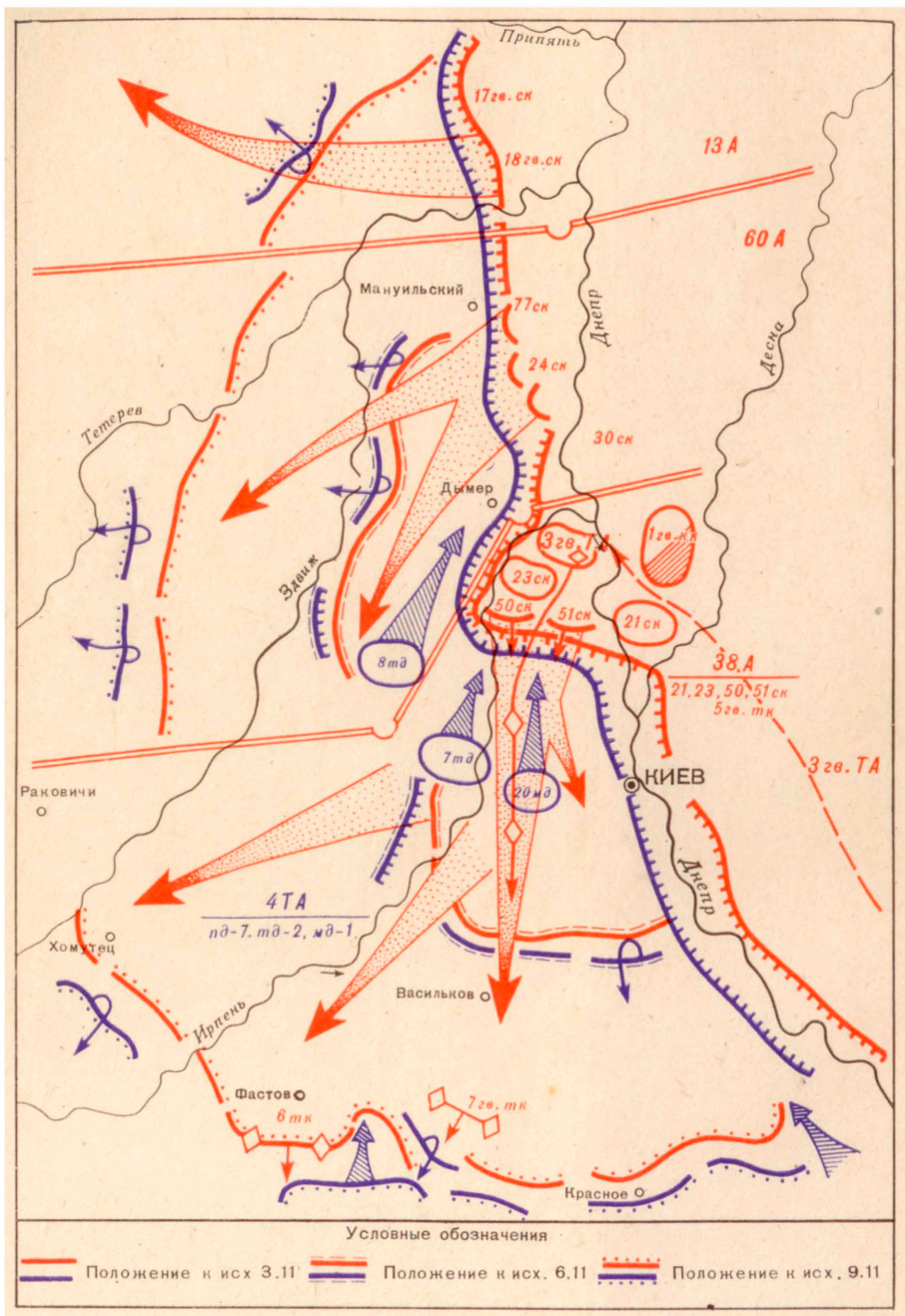

Схема 15. Прорыв обороны противника в Киевской операции (ноябрь 1943 г.)

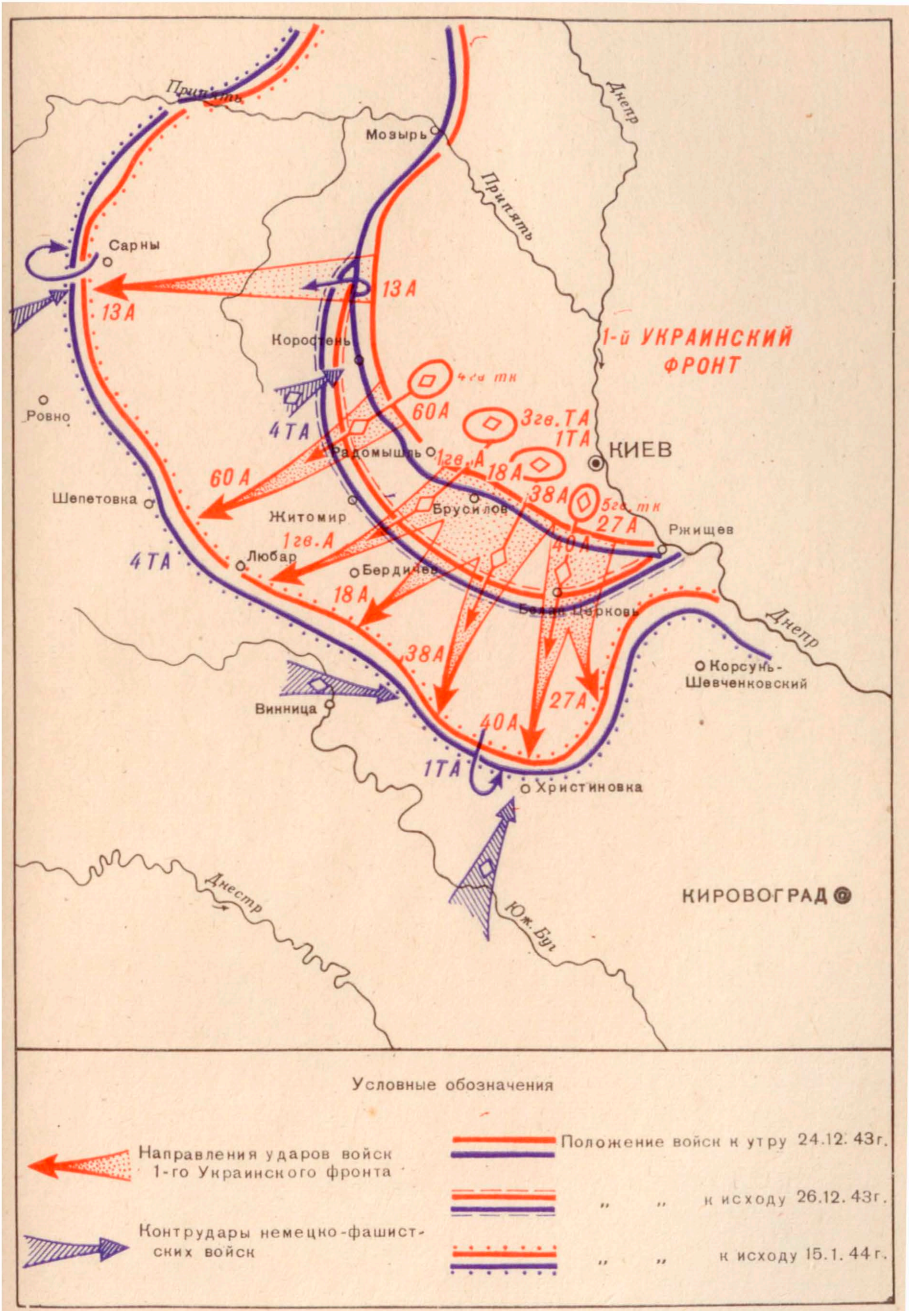

Схема 16. Рассекающие удары на широком фронте в Житомирско-Бердичевской операции

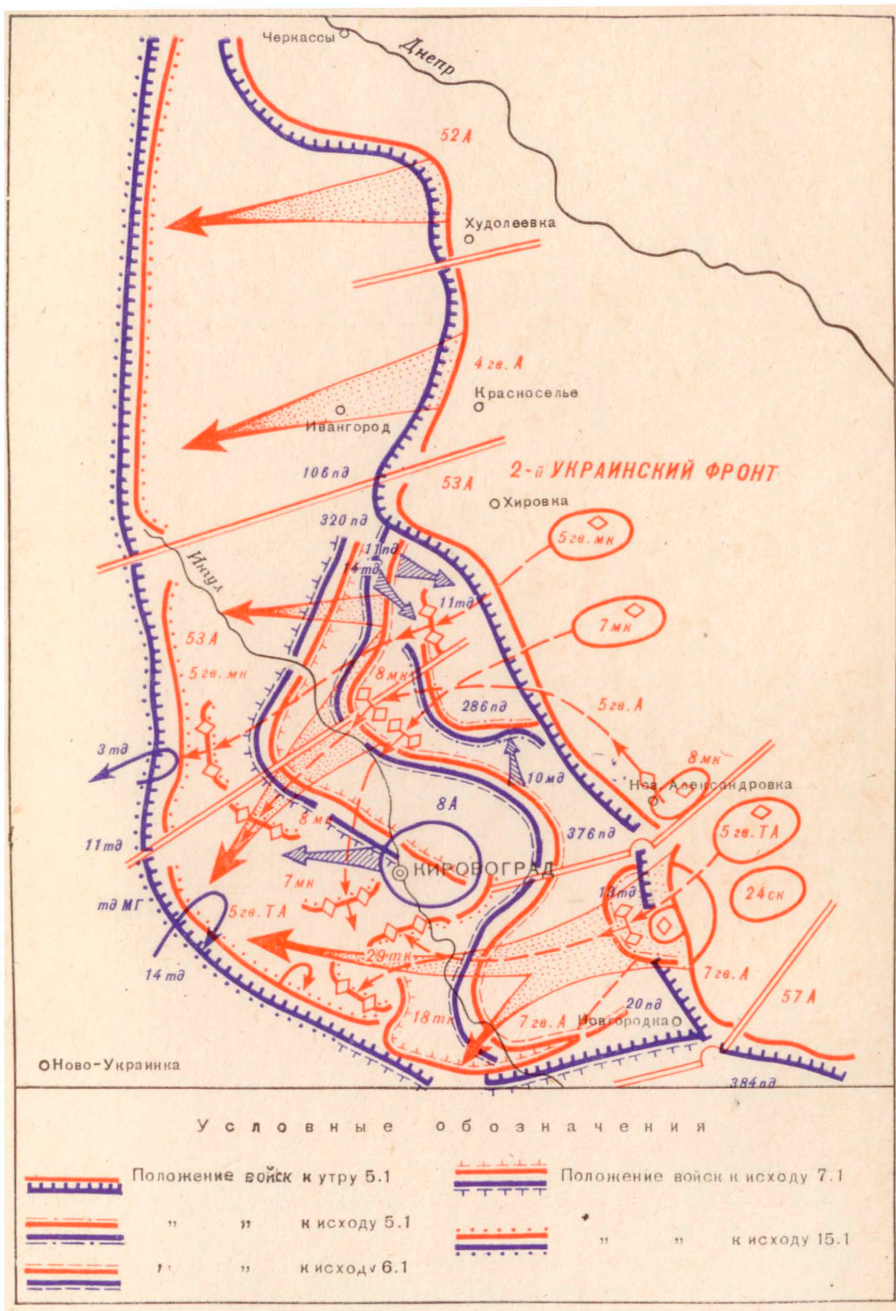

Схема 17. Прорыв обороны противника в Кировоградской операции (январь 1944 г.)

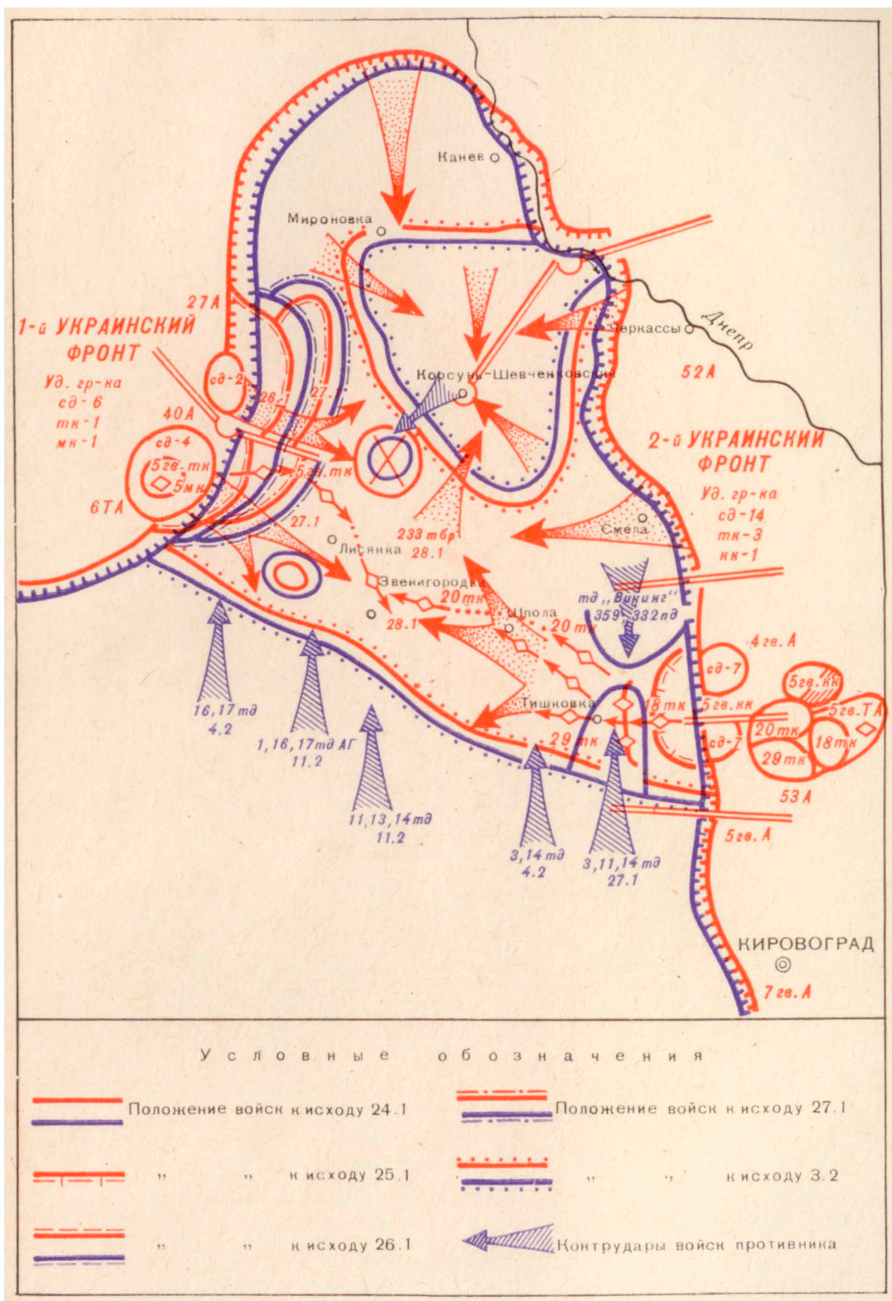

Схема 18. Прорыв обороны противника в Корсунь-Шевченковской операции (январь 1944 г.)

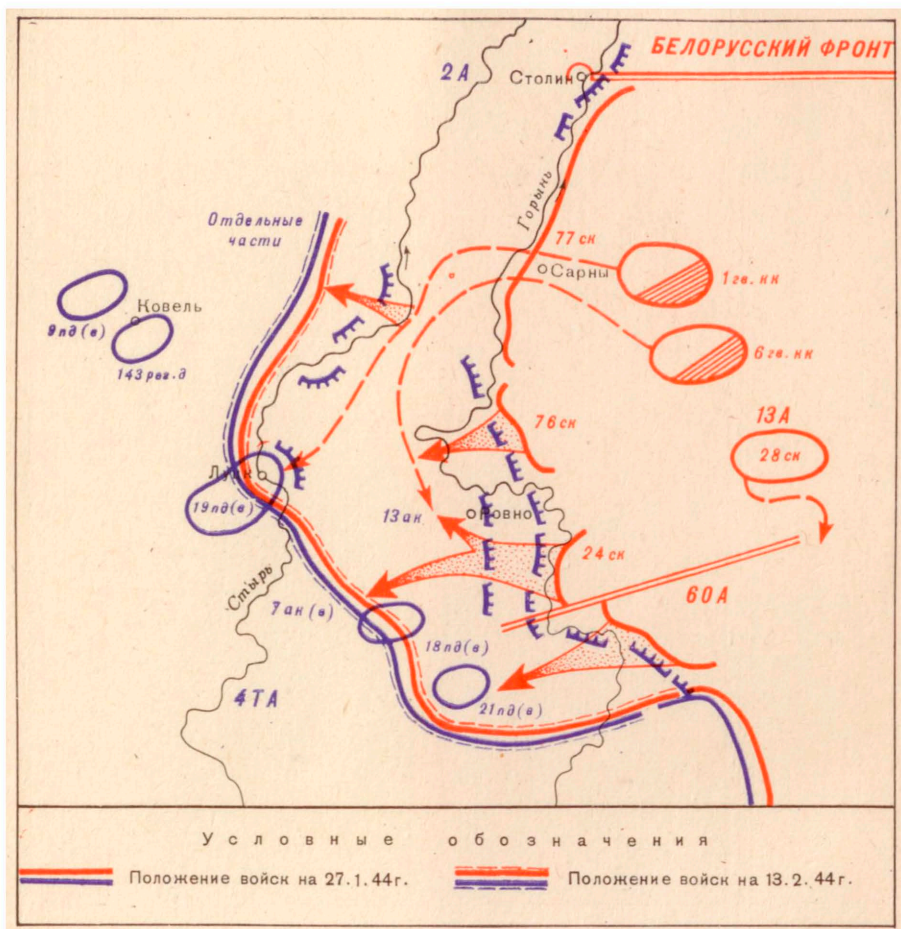

Схема 19. Наступление войск правого крыла 1-го Украинского фронта в Ровно-Луцкой операции (январь 1944 г.)

Схема 21. Образование ударной группировки 1-й гвардейской армии для прорыва оборонительного рубежа в ходе операции → (март 1944 г.)

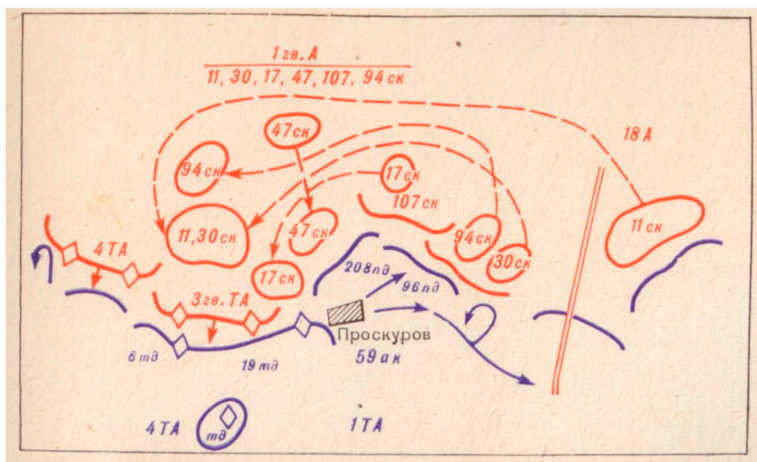

Схема 20.
Прорыв
фронта про-
тивника вес-
ной 1944 г.

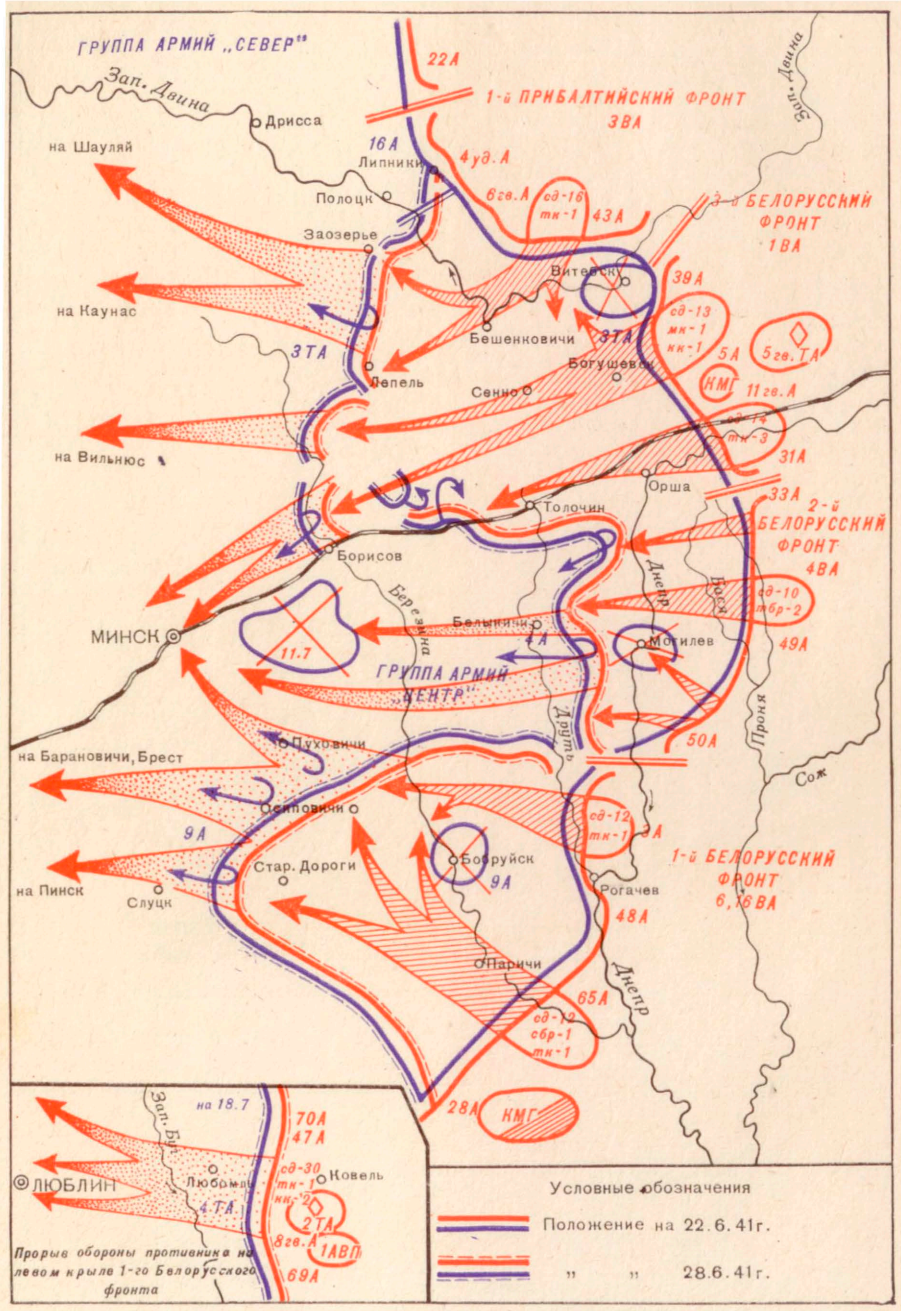

Схема 22 Прорыв обороны противника в Белорусской операции (июнь 1944 г.)

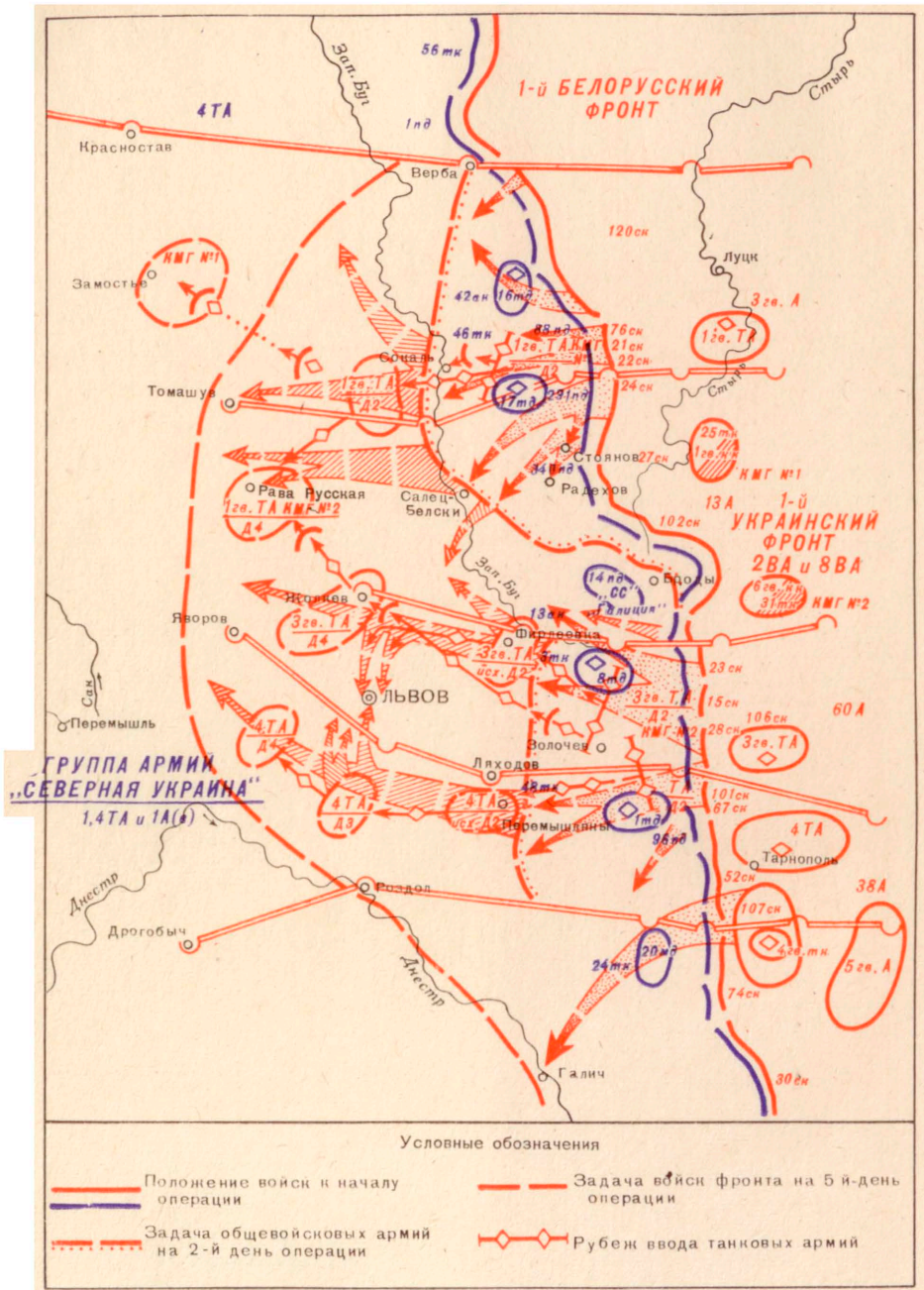

Схема 24. Решение командующего 1-м Украинским фронтом на прорыв в Львовско-Сандомирской операции (июль 1944 г.)

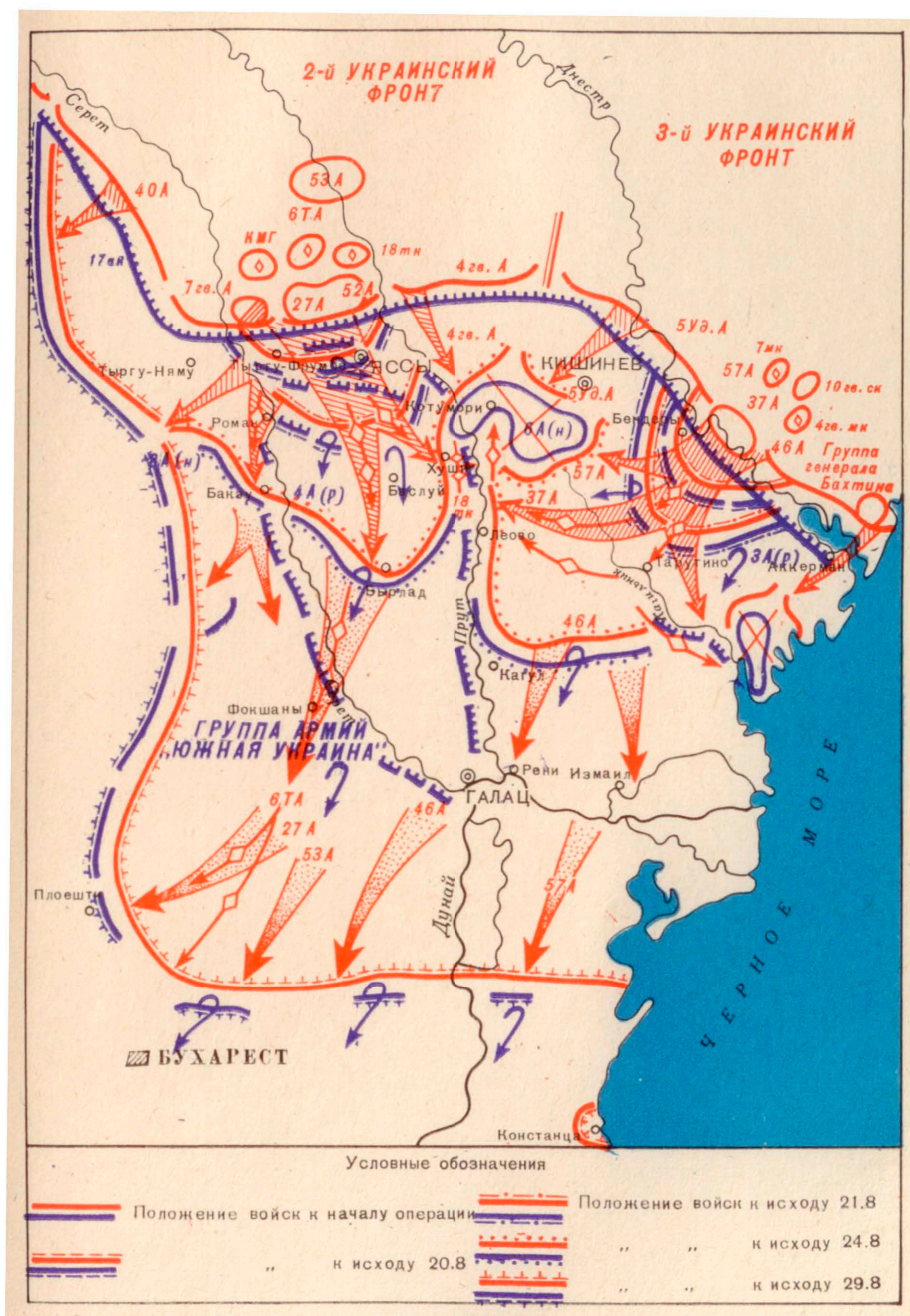

Схема 25. Замысел Ставки и ход прорыва в Яско-Кишиневской операции (август 1944 г.)

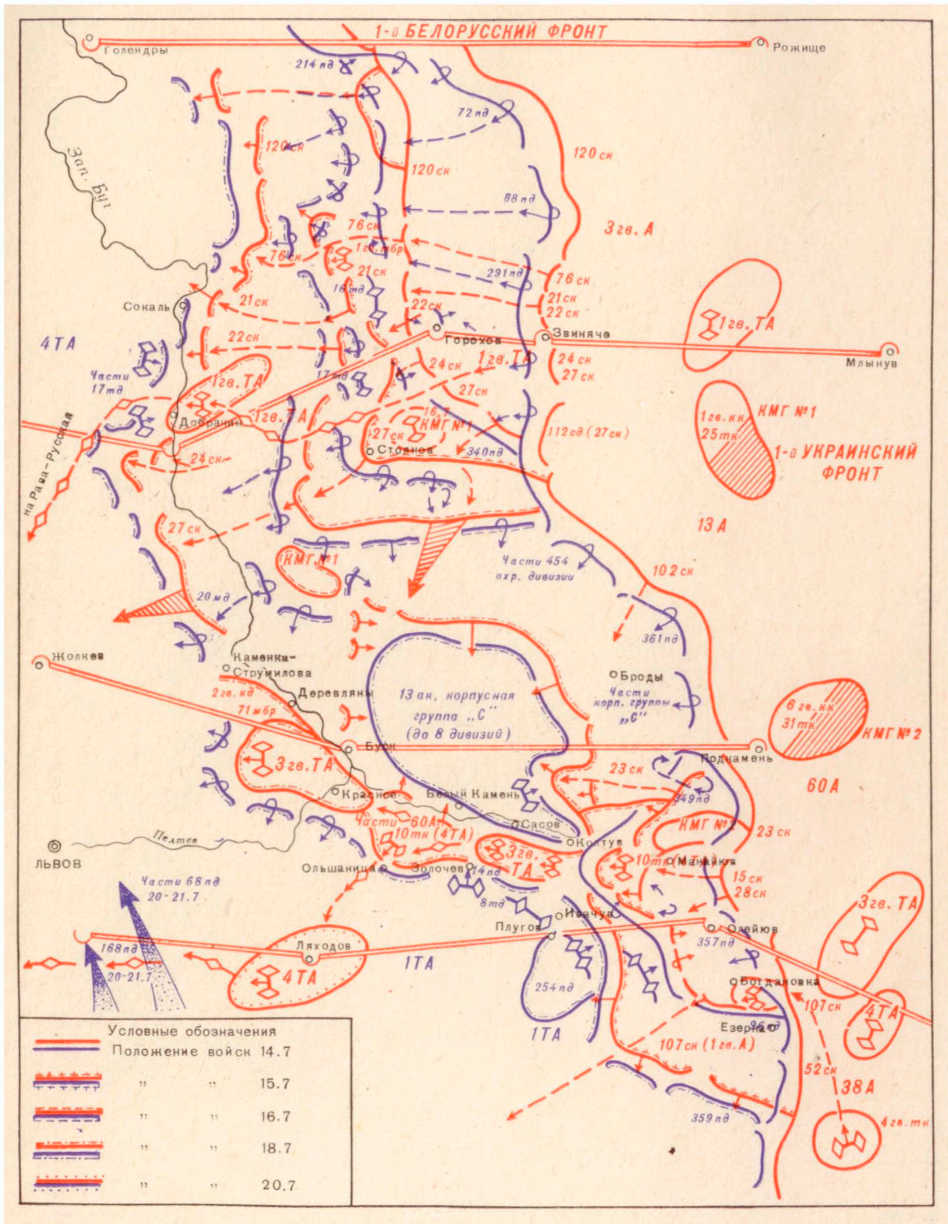

Схема 26. Прорыв обороны и ввод в сражение танковых армий в Львовско-Сандомирской операции

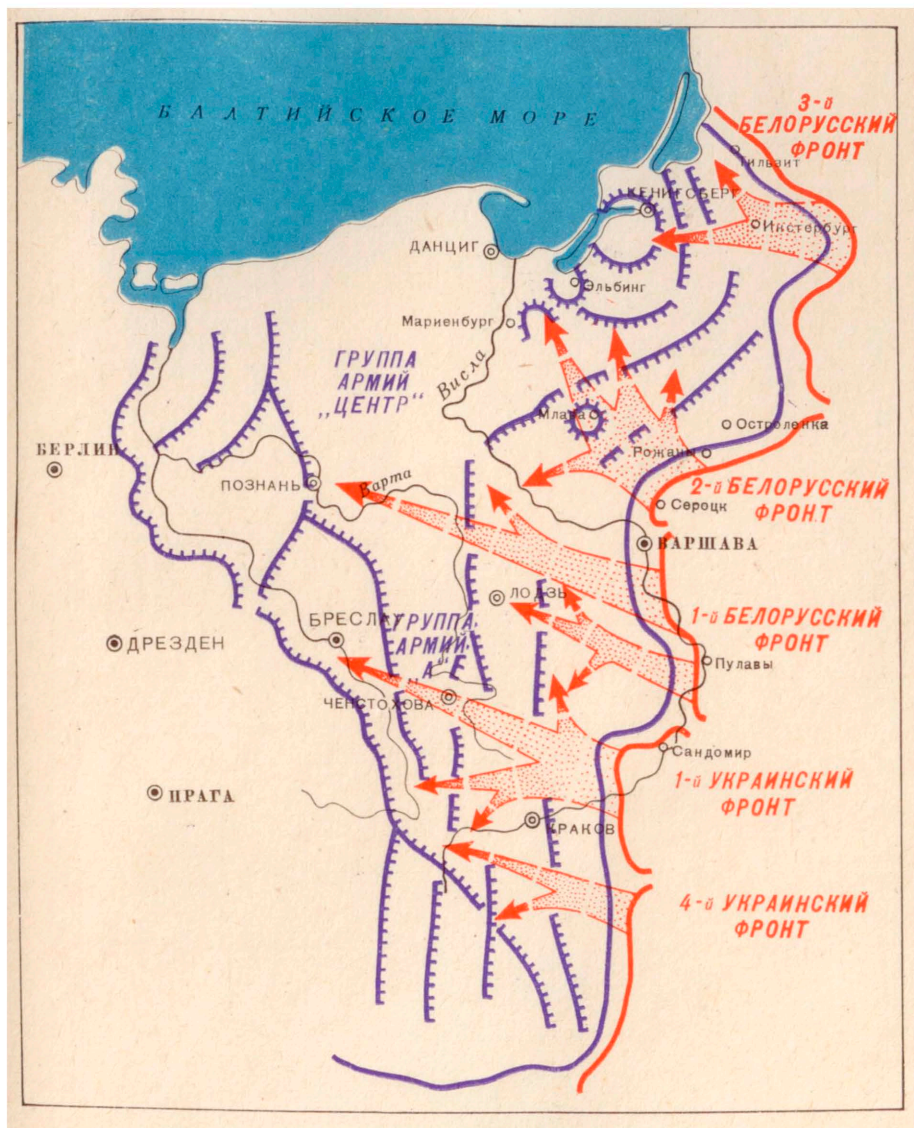

Схема 27. Замысел Ставки на прорыв стратегического фронта противника на берлинском направлении (январь 1945 г.)

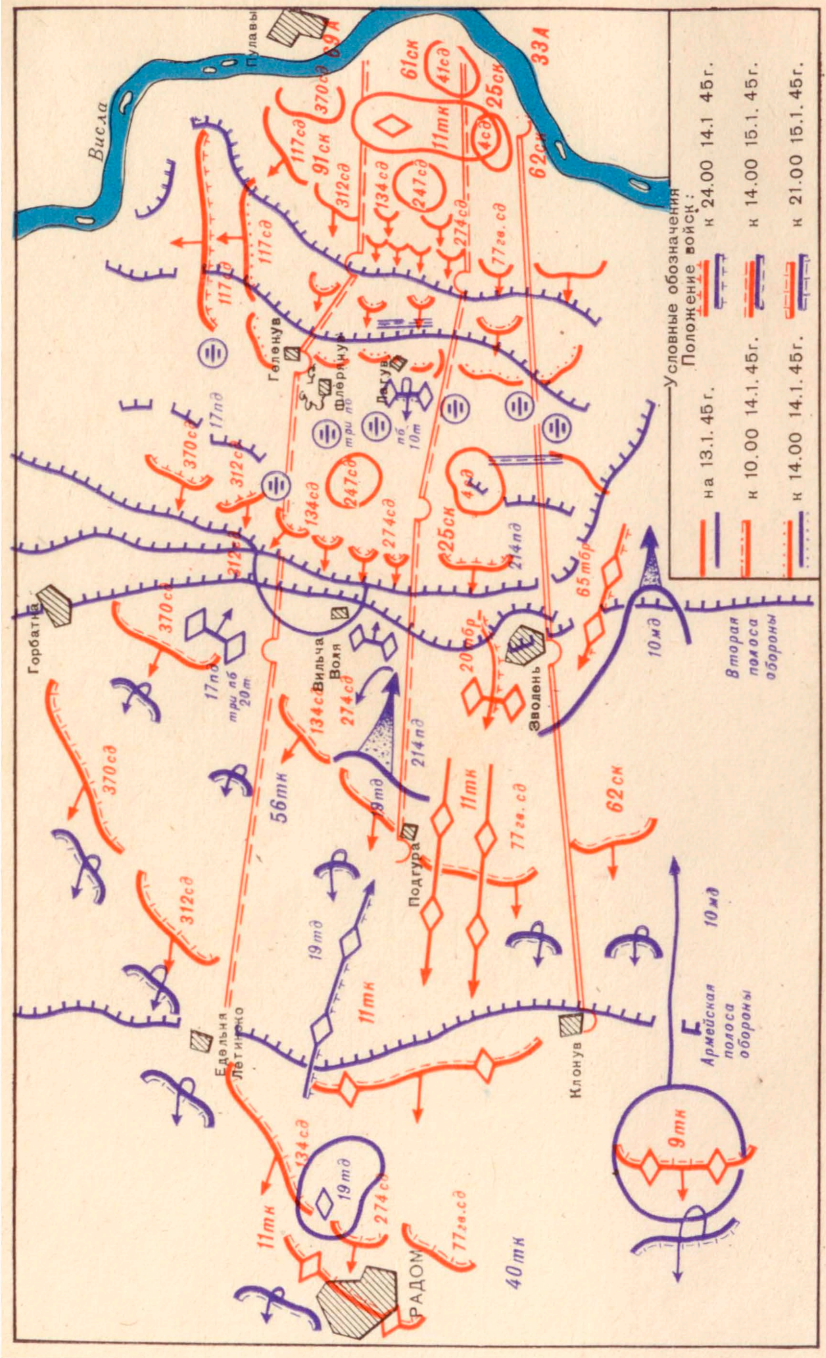

Схема 28. Прорыв обороны 61-м стрелковым корпусом 69-й армии в Висло-Одерской операции (январь 1945 г.)

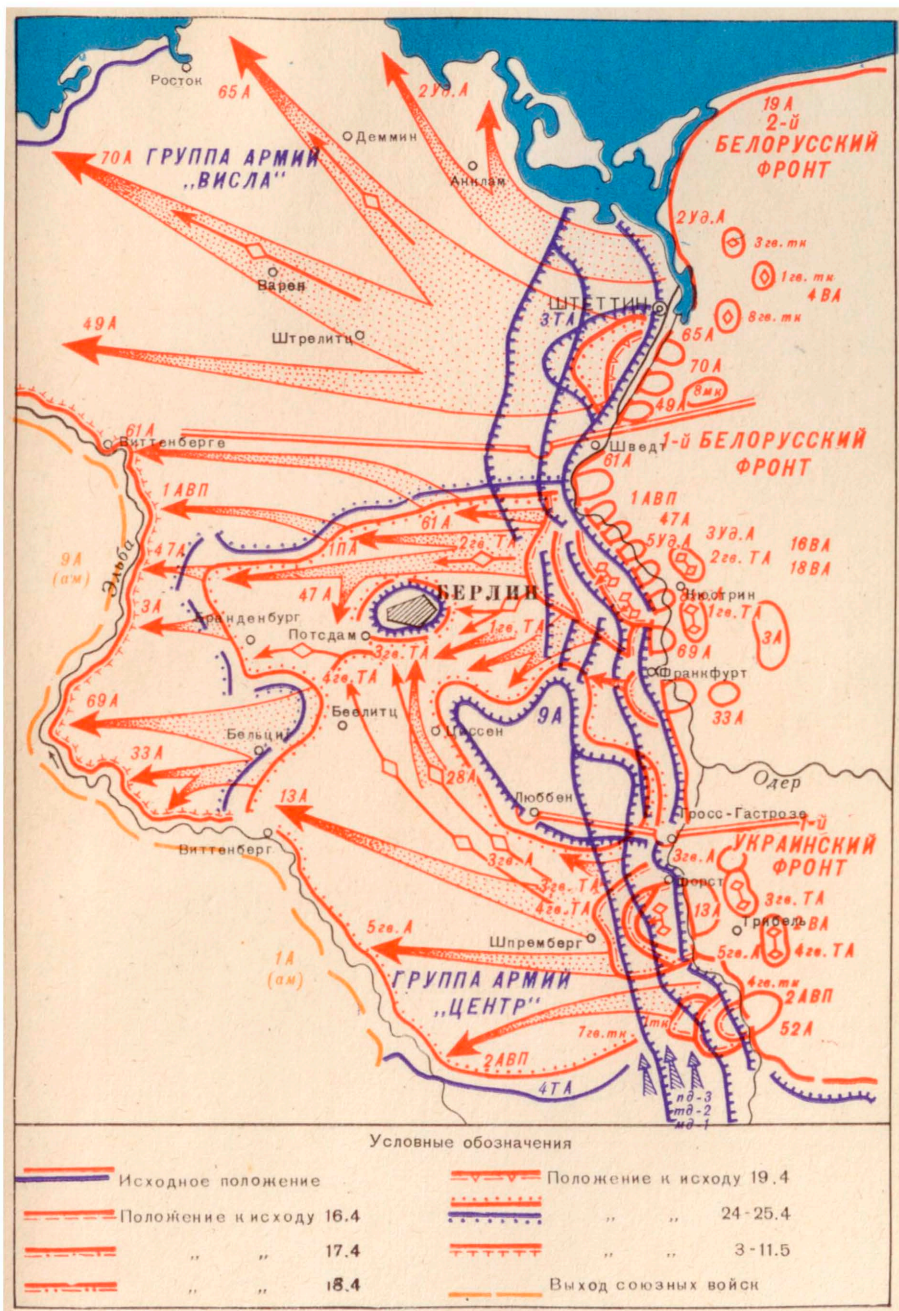

Схема 29. Прорыв обороны противника в Берлинской операции (апрель 1945 г.)

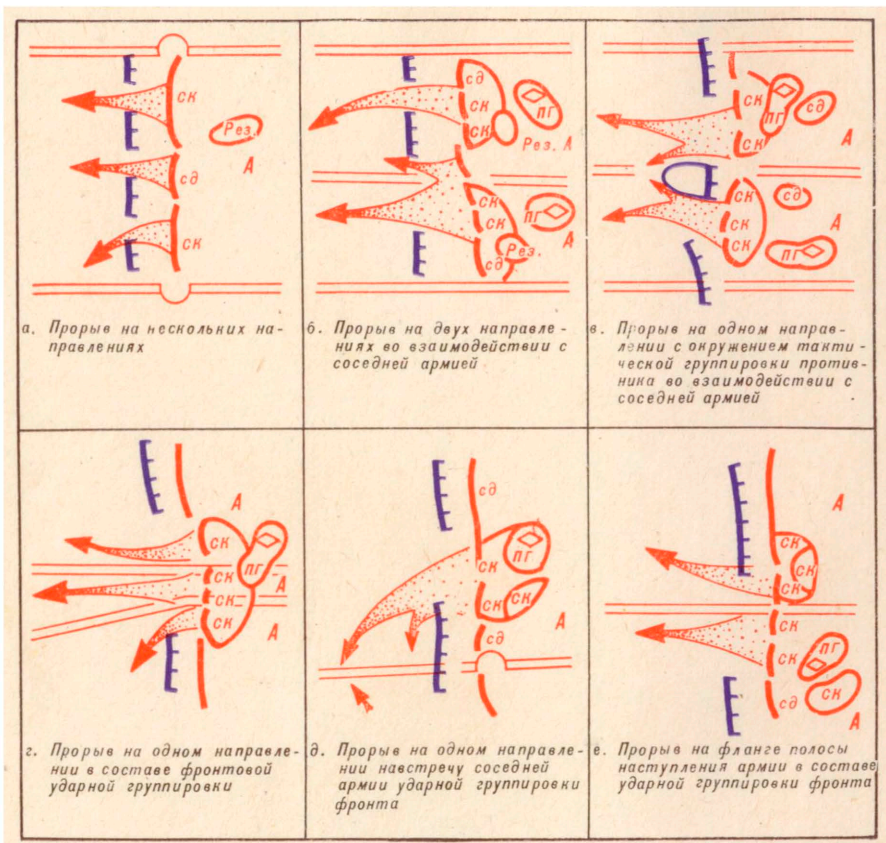

Схема 30. Формы оперативного прорыва, применявшиеся в армейских наступательных операциях:

- а) прорыв на нескольких направлениях;
- б) прорыв на двух направлениях во взаимодействии с соседней армией;
- в) прорыв на одном направлении с окружением тактической группировки противника во взаимодействии с соседней армией;
- г) прорыв на одном направлении в составе фронтовой группировки;
- д) прорыв на одном направлении навстречу соседней армии ударной группировки фронта;
- е) прорыв на фланге полосы наступления армии в составе ударной группировки фронта

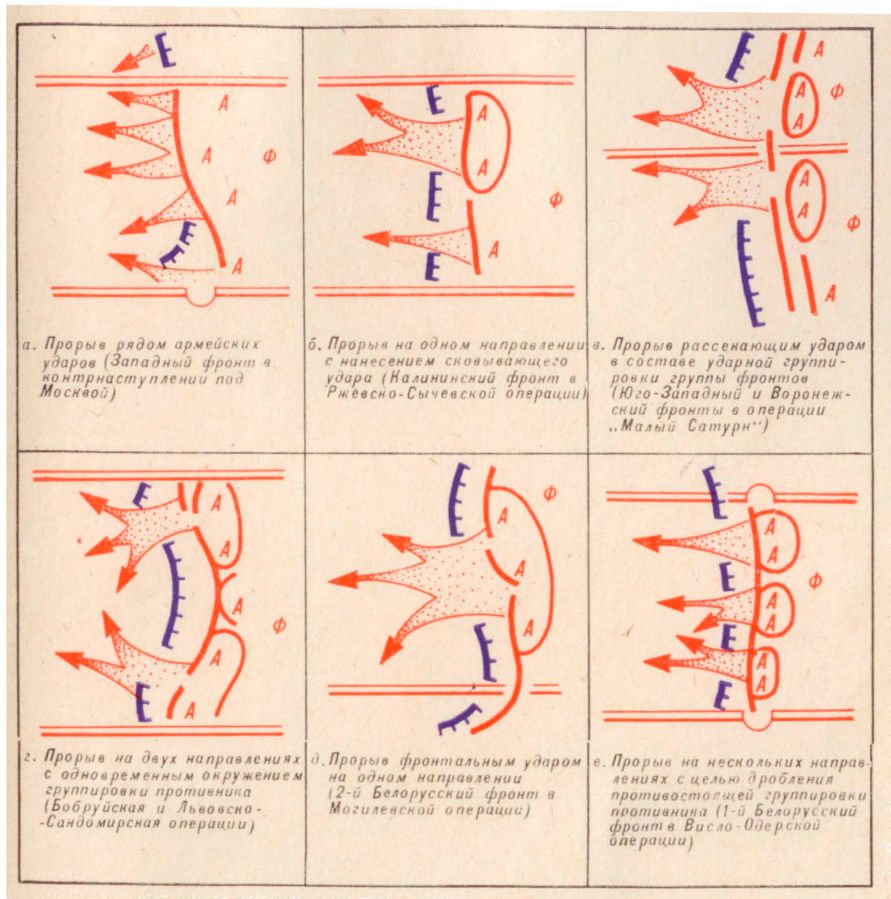

Схема 31. Формы оперативного прорыва, применявшиеся во фронтовых наступательных операциях:

- прорыв рядом армейских ударов (Западный фронт в контрнаступлении под Москвой);
- прорыв на одном направлении с нанесением скользящего удара (Калининский фронт в Ржевско-Сычевской операции);
- прорыв рассекающим ударом в составе ударной группировки группы фронтов (Юго-Западный и Воронежский фронты в операции «Малый Сатурн»);
- прорыв на двух направлениях с одновременным окружением группировки противника (Бобруйская и Львовско-Сандомирская операции);
- прорыв фронтальным ударом на одном направлении (2-й Белорусский фронт в Могилевской операции);
- прорыв на нескольких направлениях с целью дробления противостоящей группировки противника (1-й Белорусский фронт в Висло-Одерской операции)

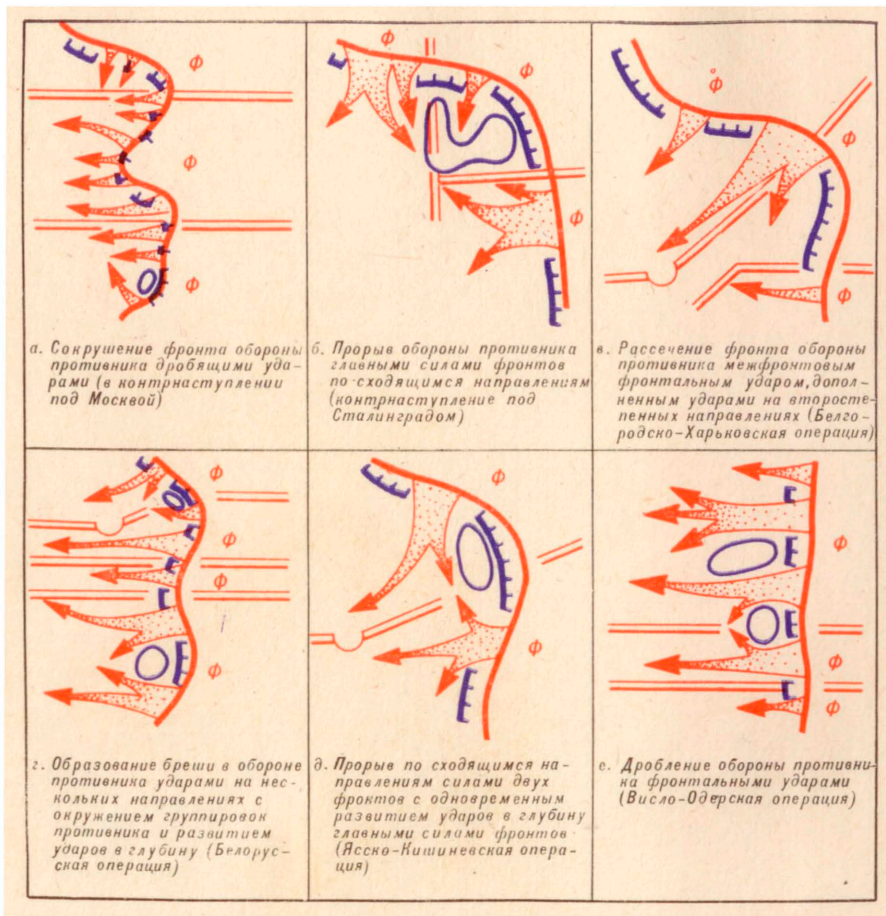

Схема 32. Формы прорыва, применявшиеся в годы войны в стратегических операциях группы фронтов:

а) сокрушение фронта обороны противника дробящими ударами (контрнаступление под Москвой);

б) прорыв обороны противника главными силами фронтов по сходящимся направлениям (контрнаступление под Сталинградом);

в) рассечение фронта обороны противника межфронтовым фронтальным ударом, дополненным ударами на второстепенных направлениях (Белгородско-Харьковская операция);

г) образование бреши в обороне противника ударами на нескольких направлениях с окружением группировок противника и развитием ударов в глубину (Белорусская операция);

д) прорыв по сходящимся направлениям силами двух фронтов с одновременным развитием ударов в глубину главными силами фронтов (Яско-Кишиневская операция);

е) дробление обороны противника фронтальными ударами (Висло-Одерская операция)

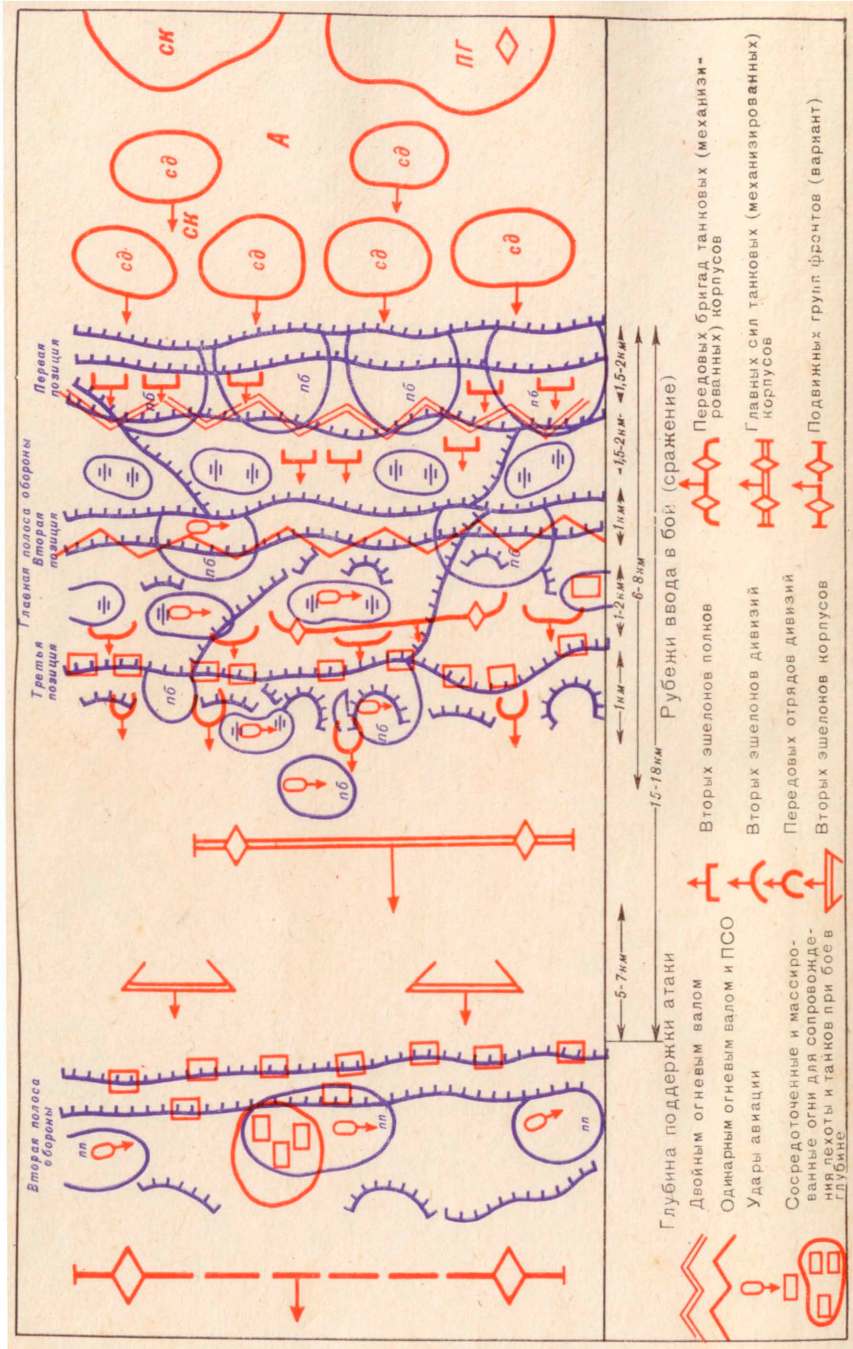

Схема 35. Принципиальная схема прорыва тактической зоны обороны против-

